

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИИО «Исследовательство «Наука» РАН
Редакция журнала «Славяноведение»
119384 Москва, Ленинский просп., 32А
Тел. 938-01-20
e-mail: jurnslav@rambler.ru

СЛАВЯНО · · ВЕДЕНИЕ

2008

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2008
ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

Бендин А.Ю. (Минск). Феномен “упорствующих” как проблема веротерпимости в Северо-Западном крае	3
Булахтин М.А. (Пермь). К вопросу о взаимоотношениях политических партий в Галиции в начале XX века	18
Чуркина И.В. (Москва). Винко Клун – словенский корреспондент “Русской беседы”	27

СООБЩЕНИЯ

Шпирт А.М. (Москва). “Мессия Правдивый” Иоанникия Галятковского	37
Соколовская О.В. (Москва). Русские на Крите в конце XIX века.....	46

ПУБЛИКАЦИИ

Михутина И.В. (Москва). К вопросу о провозглашении Советской социалистической республики Белоруссии.....	54
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Стрелец М. Э.С. Ярмусик. Католический Костел в Беларуси в 1945–1990 годах.....	82
Мельников Г.П. Возвращение Д.И. Чижевского	85
Антропов Н.П. Основные направления белорусской этнолингвистики	89
Конобродская В.Л. Украинская этнолингвистика: направления развития, проблемы и задачи	104

<i>Лебеденко Н.П., Савоськина Т.А., Шемякин А.Л.</i> Первые “Славянские чтения” в Измайльском государственном гуманитарном университете	115
<i>Борисенок Е.Ю.</i> Украинцы и русские: братья? соседи? конкуренты? Украинцы глазами русских, русские глазами украинцев. XIV–XXI века	118
<i>Алоэ С.</i> Международная конференция “Развитие славяноведения в европейских империях”	121

ЮБИЛЕИ

<i>Досталя М.Ю.</i> Словацкому историку Владимиру Матуле – 80 лет	125
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© 2008 г. А. Ю. БЕНДИН

ФЕНОМЕН “УПОРСТВУЮЩИХ” КАК ПРОБЛЕМА ВЕРОТЕРПИМОСТИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ

Начало формирования феномена “упорствующих” в Северо-Западном крае генетически связано с решением Полоцкого собора 12 февраля 1839 г. о воссоединении белорусских униатов с Русской православной церковью, принятом иерархией и духовенством. Соборный акт был утвержден императором Николаем I 25 марта 1839 г. Греко-католическая церковь в пределах Российской империи (за исключением Царства Польского) как легитимный религиозный институт была упразднена [1. С. 256–257]. С этого момента все бывшие греко-католики Виленской и Белорусской епархий общим числом более полутора миллионов человек, в силу утвержденного императором соборного акта о воссоединении, начали официально считаться причисленными к “господствующей” церкви. В отличие от духовенства, какого-либо формального согласия у мирянуниатов на воссоединение запрошено не было [2. С. 340].

Святейшим синодом были образованы три новые православные епархии: Литовская (с центром в Вильно), Полоцкая (с центром в Витебске) и Могилевская. Упразднение унии коренным образом изменило соотношение конфессиональных сил в регионе. Римско-католическая церковь, утратив основной крестьянский массив униатов, оказалась религиозным меньшинством, объединявшим часть белорусского крестьянства и местную социально-экономическую и культурную элиту, которая идентифицировала себя в качестве польской. Воссоединенное православное большинство, официально считавшееся русским, принадлежало, как правило, к крестьянскому сословию. Новые церковные границы, в отличие от прежних, в основном православно-униатских, приобретали теперь стыковой характер, непосредственно сталкивая миссионерские интересы римско-католической и православной церквей.

По утверждению И.К. Смолича, большая часть униатского населения, а именно белорусское крестьянство, восприняла ликвидацию унии с Римом и возвращение в Русскую церковь, в общем, спокойно [2. С. 343–344]. Трудности возникли при создании воссоединенных приходов, составляемых православным духовенством из числа бывших греко-католиков.

Следует отметить, что переход униатов в католическую церковь латинского обряда был официально запрещен указом Правительствующего сената от 8 ав-

Бендин Александр Юрьевич – докторант Санкт-Петербургского Института истории РАН, доцент Института теологии Белорусского государственного университета.

густа 1810 г. “О назначении срока униатам, перешедшим самовольно в римский обряд для возвращения их в унию по-прежнему” [3]. В соответствии с этим указом количество прихожан римско-католических приходов после 1798 г. должно было зависеть только от естественных причин прироста или убыли населения. Однако указ Сената зачастую не соблюдался, и после упразднения унии православное духовенство столкнулось с проблемой возвращения в православие бывших униатов, нелегально перешедших в римско-католическую церковь и ставших de facto ее членами.

Осуществляя межконфессиональное разграничение, православные консистории начали многочисленные бюрократические разбирательства с римско-католическими епархиальными управлениями. Так, в Литовской епархии к декабрю 1841 г. в результате размежевания приходов было возвращено в православие около 10 000 тыс. бывших униатов. В Полоцкой епархии таковых насчитывалось около 8 000 человек [4. С. 362].

Постоянные конфликты, возникавшие между католическим и православным духовенством по поводу распределения прихожан, вынудили правительство установить его единый порядок на приходском и епархиальном уровнях. Правила “О разбирательстве православных и римско-католических прихожан по вероисповеданиям” были утверждены императором Николаем I 17 апреля 1842 г. Они предусматривали порядок рассмотрения спорных дел между православным и католическим духовенством, поставив эту бюрократическую процедуру на твердую правовую основу. Утвержденный императором обязательный порядок определения конфессиональной принадлежности бывших униатов ставил своей целью присоединение к православию тех из них, которые незаконно перешли в католичество после 1798 г. [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31686. Л. 70].

Самим же бывшим униатам, ставшими объектом спора между духовенством соперничавших между собой конфессий, отводилась пассивная роль. Более того, их новые предпочтения, закрепленные постоянным участием в богослужбной и сакраментальной жизни католического костела, признавались противоправными.

Правила 17 апреля 1842 г. позволяли приходским ксендзам и епархиальным епископам оспаривать претензии православного духовенства на ту часть паствы, которую они считали легальными членами католической церкви. Поэтому дела об определении формальной конфессиональной принадлежности прихожан отличались особой сложностью и продолжительностью. Митрополит Иосиф (Семашко) отмечал, что процесс разбирательства в Литовской епархии длился почти 15 лет [6. Ф. 378. Оп. 1865. Д. 1651. Л. 10]. Еще более долгим был процесс разбирательства в Минской епархии.

Но и к началу 1860-х годов спорные дела о распределении паствы не были доведены до конца [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 32211. Л. 4; 6. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1331. Ч. 1. Л. 35, 76]. К тому же часть бывших униатов, вопреки результатам разбирательств, не желала переходить в православие и продолжала сохранять приверженность к римско-католической церкви. Эти люди по-прежнему пользовались духовными требами у католических священников. Именуемые официально “сворачиваниями” в католицизм, такие случаи были характерны для ряда приходов Волковысского уезда Гродненской губернии, Лидского уезда Виленской губернии, Пинского, Новогрудского и Борисовского уездов Минской губернии, Могилевского и Быховского уездов Могилевской губернии [7. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1465. Л. 6; 6. Ф. 378. Оп. 1865. Д. 1651. Ч. 1. Л. 17; 5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31686. Л. 8].

В период, предшествовавший восстанию 1863 г., администрация генерал-губернатора В.И. Назимова не прибегала к прямому административно-судебному преследованию “совратившихся” в католичество, но это отнюдь не означало, что указанные лица могли легально исповедовать римско-католическую веру. Эта немногочисленная группа верующих формально продолжала оставаться объектом “увещаний” со стороны православного духовенства, демонстрируя вместе с тем безуспешность как административных, так и миссионерских усилий [6. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 126].

Восстание 1863 г. и последовавший за ним комплекс административных мер, направленных на существенное ограничение влияния римско-католической церкви на белорусско-польское население Северо-Западного края, осуществляемый администрацией генерал-губернаторов М.Н. Муравьева, К.П. Кауфмана и Э.Т. Баранова, стали переломным моментом в формировании новой системы межконфессиональных отношений. Эти перемены оказали решающее воздействие на дальнейшее формирование общности “упорствующих”, определили его содержание и эволюцию, придав ему известный церковный и общественно-политический резонанс.

В частности, ведущую роль в появлении этой общности сыграли массовые обращения католиков в православие целыми селениями или приходами, сопровождавшиеся, как правило, закрытиями приходских костелов. По утверждению Д. Сталюнаса, “при генерал-губернаторах К.П. Кауфмане и Э.Т. Баранове местные чиновники и отчасти православное духовенство стремились к обращению в православие всех белорусов-католиков. При этом использовались не только поощрительные, но и принудительные меры” [8. С. 344].

Опираясь на выводы, сделанные Д. Сталюнасом, следует заключить, что особенностью процесса формирования общности “упорствующих” во второй половине 60-х годов XIX в. следует искать в реакции части обращенного населения на указанные методы присоединения к православию. Однако необходимо отметить, что на этот процесс оказали определенное воздействие и административно-церковные кампании, ставившие своей целью восстановление прав “господствующей” церкви на паству, формально принадлежавшую ей по закону.

М.Н. Муравьев, создавая в 1863–1865 гг. систему административных мер, ограничивавших роль и влияние католического духовенства в Северо-Западном крае, не был инициатором массовых обращений католиков в православие. Этот вывод, сделанный в свое время западнорусским историком А.И. Миловидовым, вполне подтверждается современными исследователями [8. С. 314–315; 9. С. 68–69; 10. С. 69–70]. Одной из задач своей этноконфессиональной политики, принципиально совпадавшей с позицией митрополита Иосифа (Семашко), М.Н. Муравьев считал восстановление ведущих позиций православной церкви и “русской народности” в крае, “который всегда был и есть русский”. По его мнению, эти позиции в значительной степени были ослаблены в результате длительного польско-католического прозелитизма среди униатского и православного населения, а также превратно понимаемой политики веротерпимости и уступчивости, присущей прежним администрациям края [9. С. 34; 11. С. 186, 198–199].

Наглядным примером такой последовательной административной практики, давшей импульс для массового возвращения “совратившихся” в православие, стало распоряжение М.Н. Муравьева от 24 июня 1864 г., сделанное архиепископу Минскому и Бобруйскому Михаилу. Генерал-губернатор сообщал, что по сведениям, предоставленным ему военным начальником Пинского уезда, жите-

ли ряда деревень, несмотря на принадлежность их к православной церкви, числятся в списках римско-католической консистории. Муравьев предлагал архиепископу Михаилу “сделать распоряжение относительно скорейшего окончания дела”.

Однако генерал-губернатору пришлось еще дважды напоминать архиепископу о своем указании, дать распоряжение минскому губернатору П.Н. Шелгунову и римско-католическому епископу Войткевичу, прежде чем процесс разбирательства сдвинулся с мертвой точки и захватил, по инициативе православного духовенства, жителей ряда населенных пунктов, не упомянутых в письме генерал-губернатора [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30813. Л. 1–3; 8].

Итоги этого дела, инициированного генерал-губернатором 24 июня 1864 г., были подведены Минской духовной консисторией в справке, датированной 29 июля 1865 г. В ней было подробно зафиксированы результаты дел о возвращении “латинизантов” в православие по Пинскому уезду. Всего из католицизма в православие было возвращено 4683 чел. Однако, как выясняется из анализа этого церковного документа, не все воссоединенные дали подписки на верность православию, часть из них не приняла участие в церковных таинствах исповеди и причастия. Это относилось, прежде всего, к жителям местечка Логишин и восьми окрестных деревень, которые в числе 1887 чел. были признаны следственной комиссией, которая действовала на основании правил 17 апреля 1842 г., подлежащими воссоединению с православной церковью [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30813. Л. 32об.].

Мотивами восстановления законных прав церкви на “совратившуюся” паству было продиктовано обращение М.Н. Муравьева к архиепископу Могилевскому и Мстиславскому Евсевию. В июне 1864 г. генерал-губернатор сообщал архиепископу, что в Могилевском и Быховском уездах многие обыватели из бывших униатов “совратились” в католицизм и уклоняются от исполнения обрядов православной церкви. “При обнаружении случаев совращения, – писал Муравьев, – а также по получении о том сведений от Вас, немедленно доносить мне для поступления с виновными по всей строгости законов” [6. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1331. Ч. 1. Л. 17–18]. Муравьев принципиально не предпринимал мер административно-полицейского принуждения в качестве аргумента для обращения католиков и убеждения “совратившихся”, предоставляя инициативу в делах миссионерства и “увещания” духовенству. Но это отнюдь не умаляло непоколебимой решимости генерал-губернатора применять административно-правовое воздействие по отношению к тем, кто упорно отстаивал свой религиозный выбор и оказывал влияние на других.

Кампания по массовому обращению католиков в православие, как уже упоминалось выше, достигла своего апогея при генерал-губернаторах К.П. Кауфмане и Э.Т. Баранове¹. Именно в этот период в практику добровольных переходов в православие привносятся инициированные сверху методы административного давления, политической агитации и материального поощрения, применяемые местными властями – уездными военными начальниками, исправ-

¹ Согласно данным церковной статистики, процесс обращений начался в период генерал-губернаторства М.Н. Муравьева. В 1865 г. число католиков, присоединившихся к православию, составляло 4254 человека, в 1866 г. – 49 498, в 1867 г. – 13 698, а в 1868 г. – 9115. Среди обращенных в православие были дворяне, шляхта и мещане, однако абсолютное большинство составляли крестьяне [12. С. 46].

никами, станowymi приставами и мировыми посредниками, которые стали выступать в качестве инициаторов православной миссии [13. Л. 26–27].

Складывалась ситуация, когда использование мер идеологического, административного характера и материального поощрения придавало светскому миссионерству политический характер.

Как уже отмечалось, главным мотивом миссионерской кампании по обращению католиков явилось стремление к максимальному увеличению численного роста православных белорусов. Это было связано с тем, что конфессиональные границы православия, в понимании светских и духовных инициаторов “обращений”, должны были совпадать с этническими границами “русской народности”. Принадлежность к православию отождествлялась с политической лояльностью к российской монархии. Следовательно, доминирование православной “русской народности” в крае должно было стать религиозно-этнической гарантией сохранения этой территории в составе империи. Основанием для таких выводов был политический опыт. Участники восстания 1863 г., ставившего своей целью восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г., по своей конфессиональной принадлежности были католиками, в то время как православное население края целиком оставалось верным правительству. Решая политические задачи, инициаторы миссии, как священники, так и чиновники, не учитывали религиозного “качества” присоединенных прихожан, т.е. их внутреннюю убежденность в преимуществе принимаемого православия перед католичеством [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 12; Ф. 136. Оп. 1. Д. 30813. Л. 29–30].

Известная парадоксальность ситуации заключалась в том, что духовенство принимало в приходы новообращенную паству из рук светских миссионеров, которые нередко действовали методами, противоречащими христианским принципам, правилам и канонам православной церкви. Следует добавить, что указанные методы миссионерства противоречили и нормам российского законодательства о веротерпимости².

“Упорствующими” считались лица, юридически причисленные к православию, отказывавшиеся выполнить канонически необходимую часть процедуры присоединения, т.е. исповедаться и причаститься у православного священника. В этой ситуации духовенство, опираясь на закон, должно было либо собственными усилиями – “увещаниями”, либо с помощью административно-судебного принуждения добиваться обращения всех бывших католиков в канонически православных.

Компактные группы “упорствующих” начали формироваться уже в 1864 г. Прихожане Логишинского костела отказались признать результаты разбирательства, завершеного по прямому указанию М.Н. Муравьева. Попытки организаторов движения обратиться к римско-католическому епископу Войткевичу, императору Александру II и генерал-губернатору от имени прихожан с просьбами об оставлении их в римско-католической вере, завершились арестами. Епископ Войткевич, который пытался добиться повторного разбирательства прихожан по правилам 17 апреля 1842 г., за противоправные действия в форме

² Относительно методов миссионерской практики православия в законе недвусмысленно указывалось: “...господствующая Церковь не дозволяет себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий и вер к православию, и тем из них, кои приступить к нему не желают, отнюдь ничем не угрожает, поступая по образу проповеди Апостольской” [14. Т. 14. Ст. 97].

“подстрекательства против православной веры” по указанию М.Н. Муравьева был оштрафован на 500 рублей. С целью окончательного присоединения “упорствующих” к церкви архиепископ Минский Михаил в ноябре 1864 г. направил М.Н. Муравьеву просьбу о закрытии Логишинского костела и передаче его в православное ведомство. Распоряжением генерал-губернатора от 16 февраля 1865 г. костел был закрыт [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2169. Л. 17, 108].

Однако организованное противодействие обращению в православие еще более усилилось. В марте 1867 г. Минская палата уголовного и гражданского суда начала судебный процесс над логишинскими мещанами М. Лукашевичем, И. Лукашевичем, Ф. Чечоткой, В. Королевичем, П. Юшкевичем и А. Припутневичем. В августе 1870 г. подсудимые были признаны виновными в “подстрекательстве общества к неповиновению властям и вредном влиянии на общество в отношении возвращения в православие”, и приговорены к заключению в смирительном доме [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2169. Л. 5, 12, 15]. Однако эти меры не повлияли на решимость логишинцев.

В Волковысском уезде Гродненской губернии с января по август 1866 г. присоединилось к православию более 11 тыс. римо-католиков. По мнению губернской администрации, присоединение к православию в Волковысском уезде было осуществлено “без всяких принудительных мер” [6. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 51–52]. Тем не менее, движение “упорствующих” в Гродненской губернии началось осенью того же 1866 г. По сообщению А.П. Стороженко, возглавлявшего Ревизионную комиссию по делам римско-католического духовенства при генерал-губернаторе К.П. Кауфмане, эпицентром его стали местечки Порозово и Яловка Волковысского уезда, откуда оно распространилось на Пружанский и Слонимский уезды Гродненской губернии, Новогрудский и Слуцкий уезды Минской губернии, Вилейский и Свенянский уезды Виленской губернии [7. Ф. 826. Оп. 3. Д. 30. Л. 176–178; Ф. 821. Оп. 1. Д. 256. Л. 164–165; 6. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 102–103].

События разворачивались следующим образом. Волковысский благочинный обратился к военному начальнику уезда с просьбой доставить 165 крестьян, присоединившихся к православию в 1866 г., для исповеди, причастия и крещения детей у православного духовенства. Военный начальник сделал соответствующее распоряжение, которое крестьяне не выполнили. Тогда волостные власти, собрав 30 июля 1867 г. воссоединенных прихожан Яловской церкви, попытались заставить их подчиниться требованиям духовенства, зачитывая перед толпой слова Александра II, сказанные им в Вильно крестьянам, принявшим православие. Но это имело лишь обратный эффект. В результате семеро крестьян, обвиненных в подстрекательстве к беспорядкам, по указанию генерал-губернатора А.Л. Потапова вместе с семьями в октябре 1868 г. были высланы в Томскую губернию. Настоятель Порозовского костела ксендз Липко по распоряжению генерал-губернатора в административном порядке был отправлен на поселение в Архангельскую губернию под строгий надзор полиции [6. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 131, 141].

Однако пассивное сопротивление новообращенных в Волковысском уезде так и не было преодолено. Яловский и Порозовский приходы по-прежнему оставались местом сосредоточения “упорствующих” в Волковысском уезде.

В Минской губернии, в Медведичской волости Слуцкого уезда присоединение крестьян к православию было осуществлено в 1866 г. мировым посредником Тотлиным, который “собрал крестьян-католиков в волостное правление,

предложил им возвратиться в древнюю веру их предков. Так как крестьяне не возражали на сделанное Тотлиным предложение, он распорядился составить приговор о присоединении их к Православной церкви”. Впоследствии эти крестьяне отказались посещать православную церковь и никогда не обращались за требами к православному священнику. Минский губернатор Мусин-Пушкин, сообщавший о существовании “упорствующих” в своей губернии в отчете императору Николаю II за 1902 г., отмечал, что “присоединенные таким способом крестьяне Медведичской волости энергичнее других отстаивают поныне принадлежность свою к католицизму” [7. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 108].

Еще одним средоточием “упорствующих” в Минской губернии стало местечко Волма Минского уезда. Римско-католические прихожане Волмянского костела были присоединены к православию в 1866 г. совместными усилиями местного благочинного, прибегавшего к помощи мирового посредника и военного начальника уезда. Волмянский костел, существование которого препятствовало деятельности миссионеров, в мае 1867 г. по распоряжению генерал-губернатора Э.Т. Баранова был закрыт. Однако уже в 1868 г. из примерно 1300 присоединившихся к православию участие в таинствах церкви приняло всего 126 человек [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2015. Л. 23, 139].

Аналогичная ситуация складывалась в Виленском уезде, где наибольшее число “упорствующих” сосредоточилось в Быстрицком, Островецком, Шумском и Подберезском приходах. В этой преимущественно католической местности многие костелы после восстания 1863–1864 гг. были закрыты. По инициативе военного начальника Виленского уезда князя Н.Н. Хованского начали осуществляться массовые обращения католиков с помощью раздачи казенных земель. Процедура присоединения из католицизма к православию носила сугубо юридический характер: выдавалась лишь подписка с обязательством исповедовать православную веру. По замечанию одного из местных чиновников: “Православное духовенство получило эти приходы из рук светской власти лишь на бумаге” [6. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Ч. 1. Л. 45–46]. В результате в 1868 г. в Быстрицком приходе из 850 присоединившихся прихожан не были у исповеди 370. В Островецком – из 700 присоединившихся у исповеди не были более 500 человек. В Шумском приходе – из 600 новообращенных не были у исповеди более 300. В Подберезском приходе уклонились от исповеди 150 человек. Во всех этих приходах насчитывалось более 100 некрещеных младенцев [15. С. 17–18].

Процесс формирования компактных групп “упорствующих” сопровождался явлениями дисперсного характера, когда отдельные семьи или даже только члены семей в православных приходах не желали подчиняться канонической дисциплине “господствующей” церкви. В таких случаях, как правило, причинами “упорства” становились принудительные меры, предпринимаемые духовенством и администрацией по соблюдению привилегий церкви в смешанных браках православных с католиками, дети от которых должны были по закону стать православными [14. Т. 10. Ч. 1. Ст. 67].

В Гродненской губернии уездные комитеты, учрежденные администрацией К.П. Кауфмана для “исчисления православного и католического населения” и военные начальники уездов, не вдаваясь в подробности правового обоснования своих решений, требовали от приходских ксендзов немедленного исключения из списков прихожан лиц, которых считали принадлежащими “господствующей” церкви на основании закона о смешанных браках. Методы административного

принуждения, применяемые для решения столь сложных вопросов, вызывали протесты верующих, приходских ксендзов и деканов. Виленская римско-католическая духовная консистория сообщала о таких случаях, произошедших в ряде уездов епархии – Слонимском, Бельском и Пружанском.

Например, военный начальник Пружанского уезда Гродненской губернии в июне 1866 г. потребовал от настоятеля Наревского костела “немедленно исключить из числа прихожан 393 душ мужского и женского пола, происходящих от смешанных браков и совратившихся из православия в католицизм”. Ксендз вынужден был подчиниться. Однако часть указанных в списке прихожан настаивала на своей принадлежности к католической церкви. Эти лица, вызванные к военному начальнику для объяснения, выказали желание “оставаться в своей римско-католической вере, в которой и крещены, и родились от родителей, бракосочетавшихся еще при бывшей унии” [6. Ф. 604. Оп. 5. Д. 689. Л. 32–35].

Другим источником появления малых групп “упорствующих”, рассеянных по приходам, стали дальнейшие усилия, предпринимаемые администрацией и православным духовенством в 1866–1868 гг. по окончательному присоединению бывших униатов, “совратившихся в латинство”. Минский губернатор, обеспокоенный тем, что “римско-католическое духовенство преподает духовные требы по латинскому обряду семействам, признанным по разбирательству православными”, в июле 1867 г. обратился к архиепископу Михаилу с просьбой прислать ему отдельные по каждому уезду именные списки всех без исключения семейств, которые по разбирательству “окончательно признаны подлежащими возврату в православие”. Указанные списки должны были проверить местные власти и обязать подписками приходских ксендзов, чтобы этим семействам “не преподавать никаких треб под опасением строгой ответственности по законам”. Изданный вследствие инициативы губернатора указ Минской духовной консистории вызвал новую волну разбирательств “о прихожанах, совратившихся в латинство” в 38 благочиниях епархии. Эта кампания продолжалась около двух лет. В результате разбирательств были выявлены “совращенные, коснеющие в латинстве”, по отношению к которым приходское духовенство обязано было “продолжать убеждения касательно возврата их в православие” [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31 886. Л. 3, 8–9, 26, 28, 32, 49, 90].

Таким образом, сложившаяся общность “упорствующих” приобретала форму устойчивого существования в виде крупных компактных групп, сосредоточенных в основном в Виленской, Гродненской и Минской губерниях и малых, рассеянных по православным приходам всего Северо-Западного края. Ее появление стало результатом действия трех взаимосвязанных политических кампаний – закрытия католических костелов, массовых обращений в православие и возобновления бюрократических процедур по восстановлению правовых привилегий православия в отношении бывших униатов и рожденных от смешанных браков.

С точки зрения права, существование неформальной общности “упорствующих” означало перманентное массовое нарушение статей законодательства о членстве в православной церкви. В частности, ст. 47 Устава о предупреждении и пресечении преступлений гласила: “Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер, запрещается отступить от нее и принять иную веру, хотя бы то и христианскую” [14. Т. 14. Ст. 47]. Поэтому принадлежность к этой общности влекла за собой серьезные социально-правовые последствия, включая возможность судебного преследования. В результате эти люди

теряли ряд гражданских прав, в частности, не могли заключать законные браки, поэтому их дети не вносились в метрические книги приходов и считались незаконнорожденными, у них появлялись проблемы с наследованием имущества, принесением присяги с участием православного духовенства и т.д. Эти лица, будучи христианами, с точки зрения светского закона оказывались вне католичества и православия, а следовательно, и вне религии. Таким образом, неподчинение канонической дисциплине православной церкви приводило на практике к появлению внеконфессиональной, т.е. нелегальной религиозной общности людей, объединенных верностью к легальной католической традиции.

С назначением в 1868 г. на пост генерал-губернатора Северо-Западного края А.Л. Потапова практика политизированного миссионерства уходит в прошлое. Новый генерал-губернатор не был сторонником участия администрации в миссионерских усилиях по обращению католиков, предоставляя эту инициативу православному духовенству. Отмена военного положения и сокращение практики административного принуждения, широко применяемого прежней администрацией по отношению к римско-католической церкви, поставило православное духовенство в приходах с новообращенной паствой в сложное положение. Число лиц, отмечаемых священниками в ведомостях как “не бывших у исповеди по упорству” начало резко возрастать.

Возник вопрос, кому должна была принадлежать приоритетная роль в предотвращении обратного движения в католичество, духовенству или администрации? В подходах к решению этой проблемы обозначились определенные расхождения между епископатом и генерал-губернатором А.Л. Потаповым. Архиепископ Макарий (Булгаков), преемник митрополита Иосифа на Литовской кафедре, сообщал генерал-губернатору в 1869 г. о том, что новоприсоединившиеся прихожане начали уклоняться от исповеди и причащения у своих приходских пастырей и обращаются за требами к латинскому духовенству. Одной из главных причин этого явления архиепископ считал отсутствие поддержки, которую оказывали ранее православному духовенству, служащему в таких приходах, представители местной администрации. Архиепископ выказал убеждение в том, что “как самое присоединение этих христиан к православной церкви совершенно не одним православным духовенством силою его проповеди, а преимущественно при содействии гражданской власти, так и удержание их в православии, по крайней мере, до полного утверждения в нем, может и должно совершаться духовенством при содействии же гражданской власти” [15. С. 4–5].

Ответы генерал-губернатора архиепископу, выражавшие его последовательную позицию в этом вопросе, сводились к тому, что администрация будет выполнять только те требования православного духовенства в отношении “упорствующих” и “отступивших” от православия, которые предусмотрены нормами российского законодательства. В случае нарушения законных прав “господствующей” церкви администрация будет преследовать виновных – духовных и светских лиц, в судебном или административном порядке [16. С. 326].

Следует отметить, что перемены в этноконфессиональной политике, инициированные А.Л. Потаповым, носили тактический характер. Они предполагали возвращение к соблюдению законодательства о веротерпимости, которое, в свою очередь, было дополнено сформированным в 1863–1868 гг. комплексом чрезвычайных административных мер, ограничивающих влияние католическо-

го духовенства на белорусско-польское население края³. Основные направления этнической и конфессиональной политики правительства в Северо-Западном крае, одобренные Александром II, оставались неизменными. Они по-прежнему ставили своей целью “упрочение русской народности в Западном крае, ограничение преобладания польской национальности и преграждение польской пропаганды путем религиозным” [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58].

Проблемы возвращения “упорствующих” в церковь уже не решались духовенством с помощью открытой административной поддержки. Однако в отдельных случаях администрация прибегала к мерам судебного преследования. “Упорствующие в латинстве” с правовой точки зрения подпадали под действие ст. 188 Уложения о наказаниях, которая гласила, что “отступившие от православного в иное христианское вероисповедание отсылаются к духовному начальству для увещания, вразумления их и поступления с ними по правилам церковным”. Однако длительные судебные процессы, начатые в Северо-Западном крае в конце 60-х – начале 70-х годов, заканчивались, как правило, без вынесения обвинительного приговора.

В марте 1870 г. в Минске было начато судебное расследование по делу логишинских меццан, обвиняемых в “безбрачной жизни, некрещении детей своих и погребении умерших без священника”, но было отклонено Сенатом, рассматривавшим это дело в апреле 1878 г. В конечном итоге МВД, убедившись в том, что “нет способов к устранению ненормальностей быта логишинских прихожан”, согласилось с мнением минского губернатора, что следует разрешить им “в делах избрания религии руководствоваться убеждениями собственной совести”. Впрочем, в 1889 г. в официальном ответе на прошение логишинцев о разрешении исповедовать римско-католическую веру, отправленном на имя императора, было сказано, что ходатайство их “не может быть удовлетворено”. Святейший синод направил в Логишин священника Проваловича «для увещания и духовно-нравственного воздействия на “упорствующих”». Миссия оказалась безрезультатной. Прихожане по-прежнему предпочитали исполнять таинства крещения, брака, а также различные требы сами или же тайно в соседних костелах [6. Ф. 378. Оп. 1865. Д. 1564. Л. 5; 7. Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 164–165].

В 1864 г. по распоряжению М.Н. Муравьева было начато разбирательство о вероисповедной принадлежности бывших униатов Докудовской волости Лидского уезда Виленской губернии. А в 1866 г. по обвинению в “отступлении из православия в католицизм” 776 крестьян этой волости были преданы суду. Виленская судебная палата на основании заключения о принадлежности данных крестьян к православию, предоставленного Виленской духовной консисторией, признала подсудимых “совратившимися” и подлежащими возврату в православие. Виленский губернатор предоставил приговор, вынесенный судебной палатой, на рассмотрение Сената. Решение Сената от 28 января 1876 г. освобождало

³ В 1863–1868 гг., был установлен административный контроль за передвижениями приходского духовенства за границами своих приходов и назначением духовных лиц на священнические должности. Запрещались крестные ходы и религиозные процессии вне костелов, открытое ношение Святых Даров, постройка крестов и священных изображений на полях и дорогах без разрешения администрации, упразднялись не имевшие официального разрешения римско-католические братства при костелах, было прекращено обучение закону Божьему на польском языке, ксендзам запрещалось произносить проповеди собственного сочинения, держать в услужении православных и т.д. [6. Ф. 604. Оп. 5. Д. 748. Л. 1–3; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 378. Оп. 1867. Д. 13. Л. 18, 33].

всех “совратившихся” от суда и следствия. Аргументы, выдвинутые в пользу данного решения, были следующие. Религиозные убеждения крестьян приобрели такую твердость, что они, несмотря на судебное преследование и не имея возможности совершать требы по римско-католическому обряду, по-прежнему не желают пользоваться требами от православных священников. Поэтому невозможно надеяться на успех предполагаемых увещаний, а значит, следует отказаться от “дальнейшего развития вредных последствий возбуждения судебного преследования” [7. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1465. Л. 3–28]. Свидетельством рациональности такого решения стало незначительное число “упорствующих”, сохранившихся в Лидском уезде к моменту издания указа о веротерпимости 17 апреля 1905 г. [17. С. 30].

В этот период правительство по отношению к “упорствующим” практически отказалось, за исключением особых случаев, от уголовного наказания родителей за крещение и воспитание детей в католической вере. За указанные проступки губернские судебные органы приговаривали виновных родителей к наказанию, предусмотренному ст. 190 Уложения о наказаниях. Прошения министра внутренних дел об освобождении виновных от ответственности, направляемые Комитетом министров на имя императора, в основном удовлетворялись. В прошениях императору министр внутренних дел А.Е. Тимашев, согласовав свою позицию с министром юстиции, использовал стереотипную формулировку: “Не находя полезным в делах веры и совести, в коих не проявляются какие-либо особенные и чуждые религии побуждения, прибегать к подобным карательным и тягостным мерам как тюремное заключение и отобрание детей от родителей, полагаю ввиду неоднократно бывших уже примеров обратиться к монаршему милосердию и т.д.” [7. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1454. Л. 15–20; Д. 1557. Л. 9–16].

В это же время происходит освобождение из православных монастырей тех “упорствующих”, которые были принудительно направлены туда для “увещания” в начале 1860-х годов [7. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1556. Л. 6–8].

Миссия же в приходах с “упорствующими” и колеблющимися в православии, по признанию самого духовенства, не была поставлена на должную высоту. Часть священников смотрели на место своего служения в таких приходах как на временную ссылку и не проявляли требуемого от них миссионерского усердия [18. С. 257].

Минский губернатор Н.Н. Трубецкой в отчете императору за 1896 г. высказал мысль о необходимости назначения в помощь приходским священникам нескольких епархиальных миссионеров и открытия народных училищ в местах проживания “упорствующих” для того, чтобы ускорить их возвращение в православие. Однако К.П. Победоносцев в 1901 г. в письме к епископу Минскому Михаилу считал иначе, полагая, что «упорство в латинстве нельзя сломить прениями или увещаниями время от времени появляющихся миссионеров. Расположить “упорствующих” к православной церкви может только настойчивое, проникнутое отеческой любовью к заблуждающимся, слово приходского пастыря и нравственно безупречная жизнь его, как результат принадлежности к истинной христовой церкви» [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. Л. 207–213]. Предложение губернатора было отклонено.

Приходские священники, проживавшие в приходах, населенных “упорствующими”, ссылались на особую трудность своего пастырского служения. На практике они зачастую сталкивались с открытой враждебностью своих прихожан,

“увещания” их не слушали и не впускали в дома для собеседования. По словам священника И. Никифоровского, «ни один из католиков-мирян не пропитан такой ненавистью к православной вере и ее обрядам, какую бывают пропитаны “упорствующие”». Причинами такого “фанатичного упорства” священники считали пропаганду местного католического духовенства, бездействие местных властей, которые не проявляли инициативу в уголовном преследовании этих лиц за самовольные погребения и незаконные сожительства, экономическую поддержку поляков-помещиков и психологический террор католиков и “упорствующих” по отношению к тем, кто принимал православие [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37012. Л. 1–2; Д. 36917. Л. 129–130, 160; 18. С. 233].

Сложность проповеди среди “упорствующих” заключалась еще и в том, что, отстаивая свое право быть католиками, они настойчиво подчеркивали свою польскую идентичность, отделяя себя от православия и “русской народности” твердой этнической границей [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 114; 16. С. 267–268].

В результате постоянного давления извне у основной части “упорствующих” сформировался особый тип религиозного сознания, которое воспринимало возможность отречения от этноконфессиональной идентичности гораздо серьезнее, чем потеря важных гражданских прав. Правда, был случай, когда небольшая группа “отпавших” от православия в Слуцком уезде Минской губернии в 1902 г. перешла в штундизм [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. Л. 314–315].

Священники, служившие на “неблагополучных” приходах постоянно отмечали, что одной из основных причин существования “упорствующих” являлась противоправная деятельность ксендзов, которые духовно влияли на своих бывших прихожан и преподавали им духовные требы. В данном случае православное духовенство столкнулось с сильной нелегальной конкуренцией, в борьбе с которой оно обладало преимуществами правового характера. В соответствии с законом, католические священники, уличенные в посягательствах на паству православной церкви, должны были подвергаться судебным преследованиям [19]. Ситуация, в которой действовало римско-католическое духовенство, оказалась непростой, не только с правовой, но и с религиозно-нравственной точки зрения.

Текст присяги, принимаемой каждым священником, содержал догмат католического вероучения, гласивший, что вне церкви нет спасения. Этот догмат священник произносил и при вступлении в должность на приходе. В соответствии с принятым вероучением он не мог, не преступая требований присяги, отказать в духовных требах тем, кто добровольно просил его об этом. Однако в случае с “упорствующими” долг религиозной совести священника вступал в противоречие с нормами российского законодательства о веротерпимости и правах “господствующей” церкви. Последовательное выполнение своего пастырского долга влекло за собой предусмотренное законом наказание.

Губернские палаты уголовного и гражданского суда с 1866 г. в Вильно, Гродно и Минске начали рассматривать дела священнослужителей, обвиняемых в противозаконном преподавании духовных треб новоприсоединенным православным. По приговорам судов ксендзов временно отрешали от должности, объявляли строгий выговор или присуждали к денежному штрафу. Римско-католические консистории направляли осужденных светскими судами ксендзов для “исправления” в монастыри Минской (до 1869 г.) и Виленской епархий [7. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1250. Л. 1; 6. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–2, 9; Д. 1104. Л. 1–4; Д. 1016. Л. 38]. Однако предпринимаемые меры не приносили должного эффекта.

Виленский губернатор в своем отчете императору за 1882 г. вынужден был признать, что “римско-католическое духовенство исподволь стремится при всяком удобном случае к совращению в католицизм присоединившихся к православию и недопущению смешанных браков”. В отчете за 1883 г. он еще раз повторил, что в воссоединенных приходах римско-католическое духовенство стало чаще совершать незаконные венчания, принимать к исповеди совратившихся из православия и крестить детей православных родителей. Император Александр III на этом месте доклада сделал отметку: “Обратить внимание министра внутренних дел”. На этом основании Комитет министров заслушал 31 июня 1884 г. доклад министра Д.А. Толстого о деятельности римско-католического духовенства [7. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077(а). Л. 194, 209]. Несколько позже, 6 июля 1884 г. МВД разослало “совершенно секретный” циркуляр губернаторам, в котором указывалось, что “в последнее время в деятельности римско-католических священников замечается направление, враждебное правительству и православию” [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3971. Л. 145].

Об усилении миссионерской активности духовенства среди “упорствующих и стремящихся к возврату в католичество” в Новогрудском уезде сообщал епископу Варлааму в июне 1884 г. минский губернатор А.Н. Петров. В это же время в православную консисторию стали поступать сведения, что в Минской епархии ксендзы снова начали совершать духовные требы для православных и принимать их к исповеди [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3971. Л. 91, 104–105].

Очередное усиление “латинско-польской пропаганды” со стороны католического духовенства «среди не укрепившихся в православии и преимущественно так называемых “упорствующих” в латинстве прихожан православных церквей» отмечал в 1899 г. минский епископ Симеон [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6796. Л. 4]. В действительности более определенные перемены в поведении римско-католического духовенства по отношению к своей бывшей пастве обозначились после издания манифеста 26 февраля 1903 г. С этого времени католические священники заметно усилили миссионерскую активность и преподавание треб “упорствующим”. А накануне издания указа 17 апреля 1905 г. некоторые из них начали уже открыто принимать этих формально все еще православных прихожан к исповеди и причастию [5. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37012. Л. 1–2; Д. 37127. Л. 4–5; Д. 37131. Л. 2–3; Д. 37167. Л. 106].

Таким образом, многолетние попытки православного духовенства и администрации с помощью действовавшего законодательства пресечь нелегальную деятельность римско-католических священников по выполнению своего пастырского долга в отношении к “упорствующим” не увенчались успехом

Для самих “упорствующих” инструментом легальной борьбы за выход из православия стали многочисленные прошения, посылаемые в различные инстанции – МВД, Святейший синод, митрополитам римско-католических церквей, императору и императрице. С 1867 по 1880 г. в МВД зафиксировано 37 коллективных и личных прошений, поступивших из Северо-Западного края. МВД, в случаях когда на имя министра подавались прошения бывшими униатами, перешедшими в католичество до 1839 г. или крещеными в католических костелах, получив от православных консисторий сведения о бесполезности “увещаний”, обращалось с ходатайством через Комитет министров к императору о прекращении судебного преследования этих лиц. Мотивация была прагматичной – не возбуждать “ропот в населении и подавать повод к толкам о гонениях за веру”. В таких случаях просители получали от императора возможность “беспрепят-

ственно исполнять обряды римско-католической церкви” [7. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1453. Л. 22–24; Оп. 10. Д. 256. Л. 102].

Как правило, отрицательные решения принимались МВД и Святейшим синодом по отношению к запросам лиц, причисленных к православной церкви в 1865–1868 гг. Сложность рассмотрения таких дел заключалась в том, что крестьяне, дав подписки на верность православию в указанный период, спустя годы утверждали в своих прошениях, что были причислены к православной церкви не добровольно, а вследствие насилия, применяемого местными властями и православными священниками [7. Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 161]. Проведенные в губерниях расследования, как правило, эти обвинения не подтверждали [5. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1919. Л. 1–15; Д. 2016. Л. 2–7; Д. 2019. Л. 1].

По сообщению минского губернатора Н.Н. Трубецкого, поток прошений со стороны “упорствующих” особенно усилился в 1896 г. по случаю коронавания императорской четы [7. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. Л. 207]. Однако нормы действовавшего законодательства о членстве в православной церкви не позволяли решить проблему возвращения их в католичество легальным путем.

Факт многолетнего существования группы “упорствующих”, не желавших подчиниться государственно-церковному принуждению и миссионерским усилиям православного духовенства и продолжавших отстаивать свое право на возвращение в католичество, настойчиво напоминало власти о сложившемся противоречии между правовым принципом “свободы веры” для неправославных народов империи и привилегиями “господствующей” церкви. Выход из этого противоречия можно было осуществить только с помощью реформирования существовавшего религиозного законодательства.

Комитет министров, обсуждая в начале 1905 г. положение “упорствующих” в Российской империи, пришел к выводу о недопустимости принуждения “в области веры”. Мнение Комитета поддержал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) [20. С. 47].

Принятый 17 апреля 1905 г. указ “Об укреплении начал веротерпимости” сделал возможным легальный переход из православия в терпимые религиозные сообщества Российской империи. В результате действия указа в период с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1911 г. из православной в римско-католическую церковь перешли: по губерниям Северо-Западного края (Виленская, Ковенская, Гродненская) – 33 382 чел. обою пола, по губерниям белорусским (Витебская, Могилевская, Минская) – 22 404 человека. Всех перешедших в католичество из “господствующей” церкви на территории шести губерний за этот период насчитывалось 55 786 чел. [7. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244]. Таким образом, десятки тысяч “упорствующих” нескольких поколений, десятилетиями добивавшихся возвращения в католичество, получили наконец практическую возможность легализовать свой конфессиональный выбор. В миссионерском соперничестве двух конфессий за религиозно-этническую идентичность “упорствующих”, “господствующая” церковь, опиравшаяся на государственную поддержку, вынуждена была уступить церкви “терпимой”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006.
2. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Книга восьмая. Часть вторая. М., 1997.

3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830. Т. XXXI. 1810–1811. № 24320.
4. *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890.
5. Национальный исторический архив Республики Беларусь.
6. Государственный исторический архив Литвы.
7. Российский государственный исторический архив.
8. *Сталюнас Д.* Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuviu kataliku mokslo akademijos. Metrastis XXVI.* Vilnius, 2005.
9. *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900.
10. *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в 1860–1870-х годах: “система” М.Н. Муравьева и ее дальнейшая судьба // *Отечественная история.* 2004. № 4.
11. Четыре политические записки графа М.Н. Муравьева Виленского // *Русский архив.* 1885. № 6.
12. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг. СПб., 1897.
13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 16. Д. 51.
14. Свод законов Российской империи. СПб., 1857.
15. *Извеков Н.Д.* Некоторые черты деятельности митрополита Макария (Булгакова) по управлению Литовской епархией. Сергиев Посад, 1893.
16. *Извеков Н.Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. М., 1889.
17. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православно-го вероисповедания за 1905–1907годы. СПб., 1910.
18. Литовские Епархиальные ведомости. 1905. № 28–29.
19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1886.
20. Журнал министерства юстиции. 1905. № 5.

© 2008 г. М. А. БУЛАХТИН

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ГАЛИЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В связи с глубинными общественными сдвигами, произошедшими в России и странах Восточной Европы в конце 1980-х – начале 1990-х годов, в отечественной науке не перестает ослабевать интерес к анализу общественных трансформационных процессов (см., напр.: [1]). Внимание исследователей привлекает весь комплекс явлений подобного рода, в том числе развитие политических тенденций в обществах, находящихся в условиях переходного периода. Одним из важнейших аспектов исследования политических трансформаций является изучение адаптации, приспособления традиционных общественных институтов, “старых” социально-политических сил к новым условиям. Хотя эти сюжеты уже основательно изучены в отечественной и зарубежной науках (см., напр.: [2–4]), тем не менее высокая динамика политических процессов в странах Восточной Европы по-прежнему обуславливает актуальность исследования подобной проблематики. В предлагаемой статье рассматривается вопрос о том, как представители традиционной политической элиты – краковские консерваторы – стремились удержать свое политическое влияние в польской части Галиции в условиях демократизации политической системы страны в конце XIX – начале XX в.

Прежде всего следует остановиться на краткой характеристике данного региона. Как известно, Галиция являлась северо-восточной провинцией австрийской части монархии Габсбургов (Цислейтании). Ее административная граница окончательно определилась лишь к середине XIX в. Территория провинции включала часть современных земель Западной Украины и Южной Польши, простираясь от Кракова до Тернопольщины. Общая протяженность края с запада на восток составляла около 500 км. На западе Галиция граничила с австрийской Силезией, на севере и востоке – с Россией (Царством Польским, Волынской, Подольской, Бессарабской губерниями), на юге – с Буковиной, на юго-западе – с Венгрией. Крупнейшими городами провинции были Краков и Львов, причем последний являлся ее административной столицей.

Галиция являлась самым крупным по площади “коронным краем” и занимала около 26% территории австрийской части монархии Габсбургов. Численность населения провинции к началу XX в. составляла примерно 26%, или более 8 млн жителей Цислейтании [5. С. 29]. Основными этническими группами в ре-

Булахтин Максим Анатольевич – канд. ист. наук, доцент Пермского государственного университета.

гионе были поляки (около 45%), украинцы (около 43%) и евреи (11%). В 1860–1870-е годы Галиции были предоставлены автономные права. Польский язык получил статус официального в администрации края, судебных органах и образовательных учреждениях. Практически полностью были полонизированы властные структуры края. В 1871 г. в венском правительстве была учреждена должность министра по делам Галиции. Должность наместника провинции, представлявшего власть императора и венского правительства, с 1861 по 1915 г. занимали исключительно польские деятели. Важным атрибутом галицийской автономии считался краевой сейм.

Политическая власть в регионе на протяжении более 40 лет находилась в руках польской аристократии и шляхты, интересы которых представляли консервативные группировки. Однако демократические процессы рубежа XIX–XX вв. грозили существенно подорвать политические позиции правящей элиты. Прогресс польских консерваторов на выборах в венский парламент в 1907 г., проведенных на основе нового, более демократичного избирательного закона¹, был воспринят ими как тревожный сигнал. Новая политическая ситуация заставляла консерваторов модернизировать средства и методы борьбы за сохранение своих политических позиций. Наибольшую активность в этом отношении проявляли западногалицийские (краковские) консерваторы. Данное идейно-политическое течение зарекомендовало себя в качестве реформистской силы в польском консерватизме². Поэтому, несмотря на беспокойство по поводу нарастания демократической волны в конце XIX – начале XX в., краковские консерваторы демонстрировали готовность к обновлению своего политического курса в соответствии с требованиями времени.

По итогам выборов в венский парламент в 1907 г. массовые политические партии, в том числе и польские, укрепили свои позиции. Польские социалисты получили в Галиции четыре мандата, либералы – 11, национальные демократы – 16, а людовцы – 17 депутатских мандатов, став самой сильной польской фракцией в австрийском парламенте³. Укрепилось и парламентское представительство украинских партий. В Польском коло⁴ лидирующие позиции захватили либералы и национальные демократы, отгеснив на второй план консервативные группировки. Оппозиционные консерваторам силы добивались принятия более демократичного закона о выборах и в краевой сейм Галиции, что должно было кардинально изменить политический облик провинции. Подобная перспектива вызывала в консервативных кругах серьезное беспокойство и заставляла активно искать пути укрепления своего влияния, в том числе и с помощью политических комбинаций с популярными в обществе партиями. Наиболее перспективной с этой точки зрения станьчикам виделась Польская крестьянская партия (ПКП) во главе с Я. Стапиньским. Наместник Галиции, краковский консерватор

¹ Если в 1867 г. только 6% населения пользовались избирательными правами, то в результате принятия нового избирательного закона в 1907 г. их получили все мужчины, достигшие 24-летнего возраста [б. С. 255].

² Краковских консерваторов называли также “станьчиками” по аналогии с общим наименованием памфлетов, в которых они изложили свои политические взгляды. Образ Станьчика, королевского шута (XVI в.), прочно ассоциировался в общественном сознании с мудростью и воплощал в себе критический взгляд на судьбы Польши.

³ Польские консерваторы, включая и восточногалицийских (подольских) получили лишь 11 мест в венском парламенте на выборах в 1907 г.

⁴ Польское коло – объединение польских партий в венском парламенте.

А. Потоцкий еще до выборов 1907 г. провел ряд конфиденциальных встреч с крестьянскими политиками с целью достижения компромисса [7. S. 18]. Руководство крестьянского движения, со своей стороны, после успеха на парламентских выборах тоже стало искать сближения с краковскими консерваторами, поскольку это открывало для ПКП путь во властные структуры различных уровней и обещало укрепить финансовое положение партии. Предстоявшие весной 1908 г. выборы в сейм послужили серьезным стимулом для заключения соглашения. Условия соглашения, выдвинутые станьчиками, предусматривали вступление людовцев в Польское коло и отказ от борьбы с духовенством и помещиками. Вхождение крестьянских политиков в состав коло, по мысли консерваторов, позволило бы эффективнее воздействовать на поведение людовцев в венском парламенте, ослабляло позиции либералов и национальных демократов, а также повышало значимость Польского коло в глазах австрийских политиков. Отказ от конфронтации с костелом и шляхтой должен был ослабить социальную напряженность в самом польском обществе⁵. Я. Стапиньский согласился принять эти условия. По поводу выборов соглашение предусматривало, что партия краковских консерваторов – Правица народов – не будет предпринимать враждебных действий в отношении людовских кандидатов и ПКП со своей стороны обязалась поддерживать избрание консерваторов, а также “согласованных” польских кандидатов в Восточной Галиции⁶. Предусматривался раздел избирательных округов между двумя партиями. Договорились и о том, что в ряде округов ПКП не станет выдвигать своих кандидатов и поддержит там консерваторов. То же правило в отношении других округов обязалась выполнять и Правица народов. Следует отметить, что ради заключения компромисса консерваторы были готовы выполнить и такое условие людовцев, как включение их представителей в сельскохозяйственные общества.

Действия Стапиньского оправдывали надежды консерваторов. Председатель Правилы народной З. Гарновский сообщал супруге, что лидер ПКП отправляется в его избирательный округ для оказания соответствующей предвыборной поддержки [8. Jedn. 1184]. Гарновский последовал также совету Стапиньского в тот день “совсем не показываться” в этом округе. Следует, однако, отметить, что эта поддержка выглядела весьма своеобразно. Речь Стапиньского на встрече с избирателями была пронизана холодным прагматизмом и лишена каких-либо похвал в адрес кандидата. Он прямо заявил, что вовсе не продался консерваторам, а заключил с ними “хорошую сделку” [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 851. К. 15]. Прежде людовцы имели лишь нескольких депутатов в сейме. Теперь же власти придержащие уступают им 20–24 мандата в сельской курии [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 851. К. 16]⁷. Консерваторы обязались не выдвигать в этих округах своих кандидатов и не допускать каких бы то ни было злоупотреблений на выборах. Со своей стороны людовцы обязались не выдвигать своих кандидатов в четырех сельских округах и заявили о готовности поддержать кандидатуры

⁵ Следует отметить, что краковские консерваторы являлись католической партией, верность религии и костелу провозглашалась в качестве одного из ключевых принципов данного движения.

⁶ Этот вопрос был особенно важен, поскольку поляки являлись национальным меньшинством в данной части края. Преобладающим этносом в Восточной Галиции были русины. Они составляли здесь, по разным оценкам, от 60 до 70% жителей.

⁷ В отличие от выборов в венский парламент, избрание депутатов краевого сейма Галиции продолжало осуществляться по куриальной системе.

станьчиков. Стапиньский заметил также, что поскольку консерваторам нужно было обеспечить гарантированные мандаты для своих наиболее влиятельных деятелей, то ПКП решила отдать станьчикам ряд избирательных округов.

Стапиньский обратил внимание избирателей на тот факт, что З. Тарновский является близким родственником наместника А. Потоцкого, поэтому крестьянский лидер считал нормальным положением, что соглашение должно было учесть в первую очередь его (З. Тарновского) кандидатуру [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 851. К. 16]. В расчет было принято и то обстоятельство, что из-за серьезных материальных возможностей Тарновского и неизбежного давления старосты⁸ шансы на победу людовского кандидата были бы в данном округе весьма слабыми. Поэтому лидер ПКП призвал избирателей не поддерживать тех людовцев, которые выдвигают свои кандидатуры по собственной инициативе вопреки принципиальному решению партии по данному вопросу [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 851. К. 17]. По мнению Стапиньского, они не будут избраны, но их самовыдвижение поведет к обострению обстановки и деморализации народа, потому что консервативные кандидаты, желая победить, вопреки договоренностям прибегнут к подкупу и “угощениям” избирателей⁹. Стапиньский призвал собравшихся отдать все свои голоса за З. Тарновского. “Правда, в случае избрания Тарновского, – заметил лидер ПКП, – вы будете как бы без депутата, но за это я обещаю ежегодно выступать перед вами с отчетами о своей депутатской деятельности”. Комментируя итоги этой встречи, наблюдатель подчеркнул, что выступление Стапиньского склонило на сторону Тарновского самых серьезных его противников, прежде всего в среде образованных людовцев [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 851. К. 18].

После вступления в Польское коло роль людовцев возросла и на уровне общегосударственной политики. Немецкие партии пытались заручиться поддержкой ПКП в борьбе за власть, причем жертвой этой борьбы мог стать краковский консерватор В. Кориговский, занимавший пост министра финансов. Стапиньскому в ходе этой игры предлагали министерское кресло. Вынужден был вмешаться новый наместник Галиции, краковский консерватор М. Бобжиньский, который убедил Стапиньского отказаться от подобного предложения. “Наместник Галиции, – писал своему отцу восточногалицийский консерватор В. Залеский, – который лично старается, чтобы Стапиньский пожелал отказаться от возможности войти в правительство – это трагедия и фарс одновременно! Мы далеко зашли! Во время переговоров с людовцами по поводу их вступления в [Польское] коло я сказал в кругу знакомых, что Стапиньский через два года станет министром, а через шесть лет наместником. Первая часть моего прогноза уже через год оказалась близка к осуществлению” [11. Boss. Sygn. 7089 I. K. 173–174].

⁸ Староста – глава повятовой (уездной) администрации.

⁹ Практика подкупа избирателей была весьма распространенной в Галиции. Например, взамен на письменное заявление о намерении голосовать за помещика избирателю выдавался документ на бесплатную вырубку определенного количества деревьев в помещичьем лесу. Бывали случаи, когда в избирательные списки включали давно умерших людей. Распространенной была практика найма подставных лиц, которые в день выборов обманным путем голосовали вместо подлинных избирателей. Кроме этого, на предвыборных участках кандидаты устраивали бесплатные застолья. По свидетельству современников, случилось и так, что в день выборов зажиточный кандидат от шляхты приказывал в своем округе открыть все питейные заведения и “позволял избирателям за его счет есть и пить, сколько захотят, лишь бы только голосовали за него” [10. S. 140].

Как видно, роль ПКП в различного рода политических комбинациях становилась весьма значительной. Поэтому краковские консерваторы были заинтересованы в сохранении добрых отношений с людовцами. Один из лидеров станьчиков, В.Л. Яворский, сообщал наместнику, что в программную резолюцию Правилы народной специально будет включено положение о “гармоничных отношениях [Правилы] с людовцами” [12. Sygn. 8091 III. К. 184]. Из разговора с Б. Стапиньской консерватор делал вывод об отсутствии у ее супруга намерений кардинально менять политику ПКП в отношении станьчиков [12. Sygn. 8091 III. К. 245]¹⁰.

Проведение подобных “мониторингов” было вызвано неуверенностью в надежности такого партнера, как Стапиньский. Консерваторам было известно, что курс на сотрудничество с Правилей народной вызвал в среде людовцев оппозиционные настроения. Уже в 1908 г. на встрече с доверенными лицами и членами высшего совета ПКП Стапиньский оправдывался и заявлял, что он “вовсе не продался станьчикам, однако там, где нельзя победить открыто, следует пойти хитростью, следовательно, для блага партии он направился по этому пути” [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 851. К. 148].

На заседании ПКП в июне 1910 г. один из лидеров оппозиции, А. Домбский, обвинил руководство партии в отказе от борьбы с консерваторами, свержение власти которых он считал важнейшим условием строительства будущей Польши [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 1113. К. 6]. Признав нарушение 20-летней традиции ПКП, требовавшей ведения неустанной борьбы с консерваторами, Стапиньский тем не менее заявил, что, вступая в Польское коло, руководство партии стремилось подорвать влияние консерваторов и с этой задачей справилось [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 1113. К. 5]. Кроме того, партия ведет успешную борьбу и против эндеции¹¹, названной Стапиньским самым опасным на текущий момент врагом людовцев.

Стапиньский категорически отрицал наличие договоров или его личных обязательств по поводу поддержки каких-либо политических сил. “Я искал лишь помощи в борьбе, – утверждал лидер ПКП, – а для этого использовал тех, кого удавалось [...] Я знаю только один интерес: крестьянин. Если этот интерес потребует, то я разорву и растопчу любые союзы – об этом хорошо знает наместник и маршал¹² [...] Если я посчитаю, что этого требует интерес крестьянина, то отстраню Бобжиньского и Бадени¹³. Но сегодня я не надеюсь, что смогу найти лучших, чем они, любой другой будет хуже, поэтому отдаю предпочтение этим. Я считаю их нашими противниками. Друзьями они для нас никогда не будут, потому что они от рождения являются станьчиками. Но я оставляю их, потому что против них я сильный, и все, что захочу, они выполнят, я все смогу из них выжать” [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 1113. К. 5–7].

В том же ключе высказывались и другие влиятельные деятели ПКП. В частности, М. Ольшевский назвал действующую власть Галиции не идеальной, но лучшей, чем прежняя, потому что с ней, по меньшей мере, не приходится вести

¹⁰ Яворский неслучайно обратился к Б. Стапиньской, поскольку в вопросах политики людовцев, по свидетельству современников, она была не только хорошо осведомленным человеком, но также играла важную роль в формировании этой политики [13. S. 206].

¹¹ Национальные демократы (эндеция) претендовали на лидирующие позиции в польском обществе и стремились вытеснить краковских консерваторов на второй план политической жизни (подробнее см.: [14. С. 146–164]).

¹² Маршал – председатель краевого сейма Галиции.

¹³ С. Бадени – маршал сейма, краковский консерватор.

борьбу [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 1113. К. 6]. В этих условиях людовцы должны стараться выторговать все, что возможно у станьчиков. Отвечая на упреки оппонентов, депутат заметил, что власть легко поменять в академической дискуссии, в реальности же для осуществления этой задачи следует провести серьезную подготовительную работу.

Другой видный деятель партии, Я. Бойко, прямо заступился за консерваторов, протестуя против того, чтобы называть их “змеями”, и заявил, что подобное название подходит скорее для “врага-немца” [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 1113. К. 7]. Политик отметил, что “совершенно понятно и естественно, что консерваторы не хотят уступать свои посты, потому что этого никто добровольно не делает”. Людовцев же он считал неспособными пока взять на себя функции власти, потому что у них нет для этого соответствующим образом подготовленных кадров.

Из 1300 делегатов съезда ПКП в поддержку курса Стапиньского проголосовало подавляющее большинство, против высказалось лишь 15 делегатов. Однако, по мнению старосты, оппозиция составляла около 100 человек. “На такой неблагоприятный для фронды результат голосования, – отмечалось в его донесении, – повлияли тактические соображения, а именно желание получить протекцию по концессиям в трактирном деле” [9. Ф. 146. Оп. 8. Од. зб. 1113. К. 9].

Усилия краковских консерваторов по поддержанию партнерских отношений с людовцами также были продиктованы прагматическими соображениями. Так, В.Л. Яворский писал председателю Правицы: “[...] Для правления как в сейме, так и в Польском коло мы должны иметь большинство. С кем же нам его создавать, если [...] эндеки хотят нас уничтожить. Прежде станьчикам были не нужны никакие союзы, потому что консервативная партия представляла собой огромное большинство. Сегодня [дело обстоит] по-другому. Если консерваторы хотят действовать, если они не собираются ограничиваться выступлением с проповедями, то они должны войти в большинство. Иначе над нами сомкнутся волны” [8. Jedn. 1127. К. 289–290]. Яворский отмечал также, что он сам лучше других знает, что значит идти вместе со Стапиньским, и что ему ни в чем нельзя верить. “Однако в данных условиях ни один политик не придумает иной комбинации”, – замечал консерватор [8. Jedn. 1127. К. 286–288].

Политика сотрудничества с Правницей народной благопрятно сказалась на финансовом положении ПКП. При поддержке центрального и краевого правительств Я. Стапиньскому удалось создать страховое общество “Висла”, смягчить последствия банкротства подконтрольного ему Парцелляционного банка. Есть данные и о предоставлении крестьянскому лидеру отдельных сумм, предназначение которых вызывает только догадки [12. Sygn. 8093 III. К. 1]. Консерваторы сотрудничали со Стапиньским и в “Gazeta Powszechna”. Яворский уведомлял Бобжиньского, что председатель ПКП за определенную “субсидию” готов и далее руководить этим изданием [12. Sygn. 8091 III. К. 59].

Людовцы были допущены также в административно-чиновничий аппарат Галиции. “Щедрость” лидера краковских консерваторов, несомненно, повлияла на отношение руководителя ПКП к Бобжиньскому. В своих воспоминаниях Стапиньский очень тепло отозвался о заместнике, в годы правления которого стало возможно достижение столь ощутимых для людовцев результатов [15. P–28. Ze wspomnień Jana Stapińskiego. К. 117–120].

Финансовые затруднения Стапиньского давали возможность воздействовать на него в нужном для консерваторов направлении. В декабре 1912 г., чтобы не допустить перехода лидера ПКП в оппозицию по поводу проекта нового закона

о выборах в сейм¹⁴, консерваторы предоставили ему кредит в размере 80 000 крон для покупки газеты “*Ilustrowany Kurier Codzienny*”, который был нужен Стапиньскому для ведения агитационно-пропагандистской деятельности. Средства для покупки были выделены центральным правительством. Со своей стороны крестьянский лидер дал письменные обязательства поддерживать политику венского правительства, наместника Бобжиньского и Правичы народной [16. S. 16]. Данное соглашение, естественно, не афишировалось.

Многие консервативные деятели Галиции, в том числе и в самой партии станьчиков, были недовольны политикой руководства Правичы. Решающую роль в деле ослабления контактов с людовцами и в целом подрыва политических позиций краковских консерваторов сыграло выступление польских епископов против проекта избирательной реформы в краевой сейм Галиции, разработанного при посредничестве лидера станьчиков М. Бобжиньского. Церковных иерархов не устраивала демократизация норм избирательного законодательства, поскольку в результате их утверждения массовые партии могли заметно укрепить свои политические позиции. Соответственно, новый избирательный закон предоставлял и людовской партии дополнительные возможности для расширения своего политического влияния во властных структурах края. Епископы враждебно относились к этому движению и особенно к его одиозному лидеру Я. Стапиньскому. Духовенство обвиняло Стапиньского в агрессивном антиклерикализме, называло руководителя ПКП “коррупцированным индивидуумом”, подрывающим нравственные чувства народа [17. К. 403–405; 18. К. 114].

Под давлением оппозиции внутри самой Правичы и критики со стороны духовенства краковские консерваторы в конечном итоге были вынуждены разорвать отношения с Я. Стапиньским. Осенью 1913 г. Бобжиньский отмечал, что у станьчиков теперь нет необходимости заключать соглашения с лидером ПКП. “Мы делали это, – писал он Яворскому, – в силу неприятной необходимости, пока несли ответственность за ход публичных дел. Теперь это бремя с нас спало, пусть другие его носят, а Стапиньский пусть нас больше не обременяет. Очень и очень советую Стапиньским совершенно не интересоваться, и прежде всего Вам. Впрочем, я убежден, что Стапиньский по своему обыкновению ждет лишь того, чтобы ему предлагали соглашения, и будет выдвигать тем более жесткие условия, чем больше людей будет с ним говорить” [19. Sygn. III – 84. Jedn. 39. К. 88]. Бобжиньский замечал также, что крестьянский лидер теперь не обладает сильной позицией и в собственной партии¹⁵.

В результате обострения противоречий внутри руководства ПКП в конце 1913 г. оппозиция придала публичной огласке факты “продажности” Я. Стапиньского, в том числе и получение им средств от краковских консерваторов на покупку “*Ilustrowany Kurier Codzienny*”. Яворский, непосредственно участвовавший в заключении сделки со Стапиньским, был вынужден сложить полномочия депутата рейхсрата. Тем не менее Яворский не выразил враждебности к инициа-

¹⁴ Предложения Стапиньского по избирательной реформе объяснялись (помимо общих идейных установок и партийного интереса людовцев на выборах) борьбой внутри ПКП. Как уже отмечалось, политика сотрудничества с консерваторами с самого начала вызывала недовольство. Оппозицию представляли в первую очередь Б. Выслоух и Я. Домбский. В 1912 г. они создали отдельную партию под названием ПКП – Объединение независимых людовцев. После раскола ПКП, в конце 1913 г., эта партия объединилась с другой оппозиционной Стапиньскому группой в ПКП – “Пяст”.

¹⁵ В связи с этими рекомендациями Яворский писал: “Что касается нынешнего поведения в отношении Стапиньского, то я полностью к Вам прислушался” [12. Sygn. 8097 III. К. 269].

тору скандала, людовскому политику В. Длугошу, хотя был серьезно скомпрометирован его разоблачениями¹⁶. Не высказывал критических замечаний на тот момент по поводу действий Длугоша и Бобжиньский. Он считал необходимым лишь сказать Длугошу, что теперь ему самому следует заняться формированием политики партии, а также создать или купить газету, подобрав кандидатуру редактора. Относительно судьбы Стапиньского оба консерватора придерживались единого мнения. Яворский назвал его падение “облегчением” для “правых” [12. Sygn. 8097 III. K. 291]. Бобжиньский в свою очередь отмечал, что “с ним (Стапиньским. – М.Б.) уж действительно нельзя было дойти до конца” [19. Sygn. III – 84. Jedn. 39. K. 95–96]. Относительно намерений Яворского вновь выдвинуть свою кандидатуру на выборах в австрийский парламент Бобжиньский считал, что следовало бы дать понять Длугошу, что раз он “провинился неумением хранить тайну”¹⁷, то должен это исправить, поддержав Вашу кандидатуру” [19. Sygn. III – 84. Jedn. 39. K. 101]. В связи с этим Яворский сообщал, что получил известие, согласно которому Длугош пообещал новому наместнику Галиции В. Коротковскому поддержать его на выборах [12. Sygn. 8098 III. K 5–5 (об)]¹⁸.

Однако весной 1914 г., оценивая последствия кризиса в людовском движении, Бобжиньский отмечал проявление его негативных сторон. “Прошло несколько месяцев, – писал Бобжиньский, – а отрицательные результаты раскола людовцев в политике края уже выступили со всей полнотой, и [налицо] соперничество обеих партий (ПКП – “Пяст” и сторонников Стапиньского. – М.Б.) в радикализме. Теперь все более четко [нужно] сказать, чтобы наконец отдали себе отчет и те, кто вызвал этот раскол и положил начало новой эре” [19. Sygn. III – 84. Jedn. 39. K. 107–108]. Бобжиньский хорошо понимал значение людовцев для всей конфигурации политических сил как в краевом сейме, так и в Польском коло рейхсрата. “Вокруг людовского движения, – отмечал Бобжиньский, – будет вращаться вся дальнейшая политика в крае и в Вене” [19. Sygn. III – 84. Jedn. 39. K. 108].

Теперь в своих политических комбинациях станьчики делали ставку на взаимодействие с ПКП – “Пяст”, несмотря на то, что образование новой крестьянской партии официально шло под лозунгом возвращения к прежним традициям ПКП, к числу которых относилась и борьба с консерваторами. Деятель Прави-

¹⁶ Яворский все-таки чувствовал себя “морально разбитым” в результате этих событий [12. Sygn. 8098 III. K. 3].

¹⁷ Речь шла об обнародовании Длугошем служебной информации конфиденциального характера о выделении правительственных средств Я. Стапиньскому для покупки акций “*Plus-trowany Kurier Codzienny*”.

¹⁸ Позже Яворский высказал предположение о том, что в свержении лидера людовцев Длугош был “орудием” определенных кругов, к числу которых он относил и министра В. Залеского [12. Sygn. 8098 III. K. 66]. Характерно, что Я. Стапиньский говорил о том же самом, отмечая в своих воспоминаниях, что В. Длугош “стал слепым исполнителем указаний министра финансов Залеского” [15. P–28. *Ze wspomnień Jana Stapińskiego*. K. 116]. В своих воспоминаниях М. Бобжиньский объяснял поведение министра Залеского тем, что ему “надоело” терпеть поведение Я. Стапиньского, который, несмотря на то, что получил значительную субвенцию на покупку газеты, не выполнял своих обязательств перед правительством и постоянно побуждал людовцев к различным оппозиционным действиям или же угрожал правительству прибегнуть к акциям подобного рода. По свидетельству Бобжиньского, осенью 1913 г., когда Длугош постоянно жаловался министру на претензии Стапиньского, Залеский раскрыл Длугошу всю историю с субвенцией, предоставленной Стапиньскому, и уговорил его раскрыть это дело с целью компрометации Стапиньского. Бобжиньский утверждал также, что именно Залеский рекомендовал Яворскому договориться с лидером ПКП по поводу покупки газеты и что сам Залеский явился составителем текста договора, подписанного Стапиньским [20. S. 377].

цы народной И. Тарновский считал, что станьчики должны бороться за влияние на пястовцев. “Это будет нелегко, – писал он З. Тарновскому, – но это является нашей постоянной задачей [...]” [8. Jedn. 1146. K. 122]. Характеризуя итоги собрания представителей Правицы народной в середине января 1914 г., видный деятель партии С. Тарновский отмечал: “Общее мнение, что нужно стремиться к сближению с подоляками¹⁹, и, со временем, с новыми людовцами (курсив мой. – М.Б.)” [12. Sygn. 8098 III. K. 11–12]. Летом того же года ПКП – “Пяст” и Правица народа преступили к обстоятельным консультациям по поводу координации своих действий на предстоящих выборах в краевой сейм Галиции.

Таким образом, в начале XX в. в условиях изменения политической ситуации в неблагоприятном для правящих кругов направлении, наиболее прозорливые их представители сумели продемонстрировать гибкость подходов и способность к эффективному действию. Установление союзнических отношений с одной из наиболее популярных политических сил в польском обществе – людовцами – позволило краковским консерваторам сохранить политическое влияние как в Галиции, так и на уровне венской политики. Сотрудничество с представителями правящей элиты оказалось весьма выгодным и для крестьянской партии. Польза от этого союза ощущалась не только в приобретении дополнительного политического влияния на ход публичных дел, но и имела также вполне осязаемое материальное выражение. Исследование взаимоотношений краковских консерваторов и людовцев в начале нового столетия свидетельствует также о том, что представители правящей элиты не только сумели приспособиться к вызовам времени, осваивая новые правила политической игры, но и сами продемонстрировали умение “адаптировать”, вовлекать своих новых партнеров в привычную для властей предрешающую механику “закулисных” политических сделок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века: В 2 т. М., 2005.
2. Эволюция восточных обществ: синтез традиционности и современности. М., 1984.
3. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Равноположенное развитие во внутренней и международной политике // Политическая наука в России. М., 1999.
4. *Mittelman J.* The Globalization Syndrome. Transformation and Resistance. Princeton, 2000.
5. Михальський Ю. Польські політичні партії та українське питання в Галичині на початку XX століття (1902–1914). Львів, 2002.
6. *Wereszycki H.* Historia Austrii. Warszawa, 1986.
7. *Jachymek J.* Polskie Stronnictwo Ludowe – Lewica 1913–1924. Lublin, 1991.
8. Archiwum Państwowe w Krakowie. Zesp. Tarnowskich z Dzikowa.
9. Центральний державний історичний архів України у м. Львові.
10. *Szymczak-Hoff J.* Społeczność małego miasta galicyjskiego w dobie autonomii. Rzeszów, 1992.
11. Biblioteka Narodowa w Warszawie. Papiery Zaleskich.
12. Biblioteka Jagiellońska. Korespondencja Michała Bobrzyńskiego.
13. *Witos W.* Moje wspomnienia. Warszawa, 1998. Т. I.
14. Булахтин М.А. Политическая борьба краковских консерваторов и эндеции в 1907–1914 гг. // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Геннадия Филипповича Матвеева. М., 2003.
15. Archiwum Zakładu Historii Ruchu Ludowego w Warszawie.
16. *Jaskólski M.* Między normatywizmem a uniwersalizmem. Myśl prawnohistoryczna Władysława L. Jaworskiego. Wrocław, 1988.
17. Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України. Ф. 5. Оп. 1. Справа 7096 / Ш.
18. Archiwum Kurii Metropolitarnej w Krakowie. Teki Sapieżyńskie. Teka IV.
19. Archiwum PAN w Warszawie.
20. *Bobrzyński M.* Z moich pamiątek. Wrocław, 1957.

¹⁹ Подоляки – восточногалицийские (подоольские) консерваторы.

© 2008 г. И. В. ЧУРКИНА

ВИНКО КЛУН – СЛОВЕНСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ “РУССКОЙ БЕСЕДЫ”

Винценц или Винко Клун родился 13 апреля 1823 г. в Любляне. Его отец являлся потомком тех сербов, которые нашли себе убежище в словенских землях после Косовской битвы. Мать Винко Клуна была в родстве со знаменитым словенским математиком Юрием Вегой. Винко рано осиротел и, учась в гимназии, должен был зарабатывать себе на жизнь репетиторством. После окончания гимназии некоторое время он работал в финансовых структурах администрации провинциальных властей Крайны. Однако это дело ему не пришлось по душе, и он перешел на работу воспитателем в богатую семью, предположительно Ротшильдов. С этой семьей он переехал в Венецию. Накануне революции 1848 г. Клуно удалось закончить исторический факультет Падуанского университета.

22 марта 1848 г. в Венеции вспыхнула революция, направленная против австрийского владычества. Революционеры не были едины в своих устремлениях – часть из них выступала за присоединение к королевству Пьемонт, другие – за провозглашение республики. И среди республиканцев также не было единства. Имелось два направления, одно из которых возглавлял мадзинист Д. Манин, другое – далматинский писатель Томмазо. В апреле 1848 г. Томмазо основал общество Братский союз народов. Согласно его программе подобные общества предполагалось установить и в других странах, прежде всего у славян. Целью их являлось бы осуществление на деле братства народов, помощи их друг другу в завоевании свободы. Некоторое время выходила газета общества “La Fratellanza de’Popoli” (Братский союз народов). В ней Томмазо публиковал свои моралистические рассуждения, свою переписку с видными славянскими деятелями: Чарторыским, Мицкевичем, патриархом Раячичем, Гаем, Елачичем. Уже из перечисления этих имен видно, что Томмазо стремился к общению с самым широким кругом славянских политиков. О деятельности этого общества известно мало: только то, что оно выступало за союз итальянцев со славянами, а не с венграми. О его создании писали хорватская газета “Südslawische Zeitung” и польская газета “La Pologne”. В апреле 1848 г. имя Клуна упоминалось среди членов общества Томмазо.

Одним из идеологов общества Братства народов был журналист Пачифико Валусси, писавший в венецианскую газету “Il Precursore”. Он утверждал, что хо-

Чуркина Искра Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

рошие отношения со своими соседями-славянами для итальянцев важнее, чем с венграми, что самоопределение южных славян неизбежно и даже полезно Европе, поскольку таким образом будут пресечены гегемонистские планы России. Адриатическое побережье, где проживало смешанное славянско-итальянское население, Валусси рассматривал в качестве связующего звена между итальянцами и славянами. По его просьбе Клун написал в “Il Percursore” статью о панславизме. В газете его представили как “славянина, который живет среди нас, знает славянские народы, языки и литературы и верит в братство свободных народов”.

В статье о панславизме Клун выступал за славянскую взаимность и пытался дать рецепт преодоления разобщенности славян. Главным препятствием для их сближения он считал различие в их алфавитах. Он предлагал создать новую “иллирскую азбуку”, которая бы подходила всем славянским языкам. Клун признавался, что сам занимался этим и просил славянских филологов помочь ему в этом деле. Другое препятствие к сближению славян Клун видел в политике Австрии, основанной на принципе “разделяй и властвуй”. Он призывал славянские народы осознать свою великую роль и занять среди европейских народов то место, которое им принадлежит по праву.

Клун, как и Коллар, считал, что имеется четыре славянских языка: польский, чешский, иллирский и русский. Признавая, что русский язык наиболее распространен, Клун утверждал, что по содержательности и точности его превосходит иллирский. К тому же наречия иллирского языка – сербское, хорватское и вендское – исчезают, ибо восемь миллионов южных славян приняли в качестве литературного сербо-хорватский язык. Европа, полагал Клун, должна поддержать южных славян, которые станут “противовесом казенному абсолютизму”. Языковое и экономическое объединение славян неминуемо должно привести к их политическому объединению. Кто же должен его осуществить? Россия свободна, но несвободны сами русские, поляки – военнопленные. Поэтому объединить славян могут только австрийские славяне, которые и создадут конфедерацию из четырех славянских народов. Эту миссию австрийских славян Клун объяснял тем, что в Австрии славизм и демократия идентичные понятия, поскольку интеллектуальные движения австрийских славян коренятся в народе [1. S. 74–77].

Культурные и политические идеи Клуна представляли собою утопическую смесь взглядов Коллара и отчасти Мадзини с его идеей мессианства и освободительной силы культуры. Следует отметить, что из всех славянских национальных программ программа Клуна была единственной, которая не предусматривала монархического принципа – о Габсбургах или других монархах в ней не было ни слова. И это не случайно: Клун являлся республиканцем, как и все окружение Томмазео.

Клун одним из последних покинул Венецию, когда уже многие итальянские города пали под напором австрийских войск. 10 июня 1848 г. он сел на французский пароход и отбыл на нем в Триест, а оттуда отправился в Люблян. Там он стал редактором газеты “Laibacher Zeitung” (1849–1856), одновременно исполнял должность секретаря Исторического общества Крайны и редактора его публикаций “Mittailungen des historischen Verein für Krain” и “Archiv für Landesgeschichte des Herzogthums Krain”, а также являлся секретарем Торгово-промышленной палаты (1851–1856). В 1852 г. Клун сдал экзамен на звание профессора истории и несколько лет после этого преподавал в люблянской частной жен-

ской школе. Несмотря на занятость на нескольких работах, Клуна не прекращал публицистической деятельности, писал статьи в приложение газеты “Laibacher Zeitung” – “Illirisches Blatt”. В них он рассказывал о революции в Венеции. В начале 1849 г. “Illirisches Blatt” была запрещена именно из-за статей Клуна. Затем они были перепечатаны Лейпцигской газетой “Die Gegenwart” под заглавием “Революция в Венеции”.

Статьи Клуна о революции в Венеции хорошо документированы, в них использованы материалы газет, выходивших в то время в городе, указы, издававшиеся ее властями, листовки, выпускавшиеся различными политическими группами. В этих статьях Клуна выступал как сторонник Томмазо, а другой республиканец, Д. Манин, рисовался в неприязненных тонах. Таким образом, описание революции дано недостаточно объективно. В своих статьях Клуна остановился на проблемах коммунизма и социализма. Коммунизм, как насильственное преобразование общества, он не одобрял, а социализму, как постепенному развитию к лучшему обществу, он сочувствовал [1. С. 81–83].

Вернувшись на родину, Клуна включился в словенское национальное движение. Среди словенских политиков он пользовался репутацией хорошего журналиста и патриота либеральных взглядов.

В 1856 г. видный русский славянофил А.И. Кошелев начал издавать журнал “Русская беседа”, первое славянофильское периодическое издание. В нем публиковались статьи о внутренней политике российского правительства, о крестьянской реформе, а также материалы о положении славянских народов в Австрийской и Оттоманской империях, об их экономике и культуре. Обычно статьи о славянах заказывались Кошелевым представителям этих народов, а главным посредником в получении от них материалов выступал протоиерей православной церкви при русском посольстве в Вене Михаил Федорович Раевский. Он находился в Австрии с 1843 г. и проявлял живой интерес к национальной жизни австрийских славян. Услугами Раевского неоднократно пользовались славянские и русские ученые и общественные деятели. В начале 1856 г. известный славист и один из активных славянофилов А.Ф. Гильфердинг от имени редакции “Русской беседы” попросил Раевского подыскать авторов среди славян. Раевский дал на это согласие [2. Д. 25].

У словенцев выбор Раевского пал на Винко Клуна, который к тому времени уже был знаком с некоторыми русскими: И.И. Срезневским, А.И. Кошелевым, А.Ф. Гильфердингом, Ф. Чиловым и др. Получив от Раевского предложение сотрудничать в “Русской беседе”, Клуна сразу же откликнулся на него. В 1856 г. он послал в редакцию свою первую статью “Словенцы”. В письме к Раевскому от 25 ноября Клуна отмечал, что вчерне уже закончил вторую статью для “Русской беседы” “История словенской литературы от XVI в. до настоящего времени”. Клуна выражал надежду, что успехи южнославянских литератур вызовут интерес у русского общества к самим южным славянам. Помимо названных статей Клуна предлагал написать еще для “Русской беседы” “Словенскую библиографию” и несколько биографий знаменитых словенцев [3. Д. 49. Л. 2об.].

Раевский сразу же сообщил о предложении Клуна Кошелеву. Тот незамедлительно ответил уже 20 декабря 1856 г. «Статьи д-ра Клуна чрезвычайно интересны, – отвечал Кошелев, – и весьма охотно мы заплатим ему по 40 талеров за лист печати Gegenwart или по 30 талеров за наш лист... Сверх того, д-ру Клуна можно предоставить право поместить свою статью о словенцах в Gegenwart через шесть месяцев после напечатания ее в “Русской беседе”. Что касается до

других сочинений д-ра Клуна – до его “Истории литературы словенской” и до биографий знаменитых словенцев, то предмет крайне важен и мы охотно будем их принимать... Впрочем, вероятно, и то и другое будет интересно, ибо видно, что д-р Клун славно пишет – живо и глубокомысленно. Возвращаю его письма, дабы Вы могли ему отвечать. Сделайте милость, не упустите его – он славным будет нашим сотрудником» [2. Д. 4].

Столь высокая оценка относилась к первой статье Клуна “Словенцы”, которая была напечатана в третьем номере “Русской беседы” за 1857 г. Редакция тепло представила ее русскому читателю: «“Русская беседа” с особенным удовольствием помещает на своих страницах эти любопытные сведения о славянском племени, которое доселе оставалось почти неизвестным не только у нас, но и в западных литературах. Автор сам принадлежит к тому племени, которому посвящает труды свои» [4. С. 65].

Статья Клуна касалась этнографии словенцев. В предисловии к ней Клун выступал как истинный славянофил: “Изучение славян будет одним из приобретений нашего века; мы завоюем себе признание и останемся победителями!” Далее Клун перешел к словенцам. Отметив, что их немного и по числу жителей, и по пространству, которое они занимают, он подчеркивал, что все же “в сознании своей народности, в своих надеждах и энергии” они не уступят другим славянским народам. Словенцы живут в точке соприкосновения трех стихий Европы: славянской, немецкой и итальянской. Поэтому положение их тяжелое, им грозит ассимиляция. “Словенцам, стесненным с обеих сторон итальянцами и немцами, грозит большая опасность лишиться своей народности и, право, должно считаться за чудо, что усилия стольких веков почти ровно ничего не сделали” [4. С. 70].

Рассказав о природных условиях территории, занимаемой словенцами, Клун указал, что словенцев можно разделить на три группы: словенцы краинские, т.е. живущие в Крайне; словенцы штирийские, т.е. населяющие Штирию, Прекмурье, Каринтию; словенцы приморские, обитающие в Приморье, Горице, Венецианской Словении. В своей статье Клун охарактеризовал только первую группу словенцев, а именно жителей Крайны. Он описал каждую их ветвь в отдельности: обитателей Внутренней Крайны, Верхней Крайны, Нижней Крайны. Из нижнекраинцев он особенно остановился на нравах и обычаях белокраинцев, отметив их схожесть как со словенцами, так и с сербами и в религиозном (среди них имеются католики и православные), и в языковом отношении.

Далее Клун описал праздники словенцев: Новый год, Троицу, Пасху, Иванов день и др., стараясь подчеркнуть сходство многих обрядов на этих праздниках с обрядами русских и других славянских народов. Закончил Клун свою статью полностью в славянофильском духе. “Я только старался и, надеюсь, успел доказать, – заключал он, – что словенцы даровитое и энергическое племя, выступающее на поприще всемирной истории во всей силе юности, с живым сознанием своей народности и с горячею любовью к вере. В этом убеждении смело и честно протягивают они дружескую руку своим соплеменным братьям, дабы единство духа и энергии привело всех к одной общей цели, дабы все мы слились в единую семью!” [4. С. 121–122].

14 сентября 1858 г. И.С. Аксаков просил Раевского заплатить Клуну за вышедшую статью и дать ему даже вперед, поскольку в ближайших номерах “Русской беседы” должны быть напечатаны его следующие очерки [5. Л. 9]. И действительно, в первом и втором номерах за 1859 г. “Русской беседы” вышла вторая статья Клуна “Словенцы. Очерк истории словенской литературы”.

В ней Клуи подчеркивал, что он первым решил написать “Историю словенской литературы”, поскольку из-за ее отсутствия на словенцев обращали мало внимания. Вместе с тем, продолжал автор, “и по способностям, и по успехам духовной деятельности словенцы выдержат сравнение с любым из соплеменников, и не будут последними в их ряду”. Далее Клуи указывал, что он хотел, чтобы со сведениями о словенцах познакомилось как можно больше людей, “поэтому я и пожелал, чтобы первая история словенской литературы явилась на главном из славянских языков – на русском, и доставила моим землякам лестную и могучую дружбу русского народа” [6. № 1. С. 88–89].

Заявление Клуи о том, что он первым написал историю словенского народа, не совсем правомерно. Первый очерк на эту тему написал М. Чоп, идеолог словенского романтизма, друг знаменитого словенского поэта Франце Прешерна. По просьбе словенского слависта Е. Копитара он написал этот очерк в 1831 г. для второго издания книги чешско-словацкого слависта П.И. Шафарика “История славянского языка и литературы”. Однако книга Шафарика вышла только в 1864 г., когда и Чоп, и Шафарик уже умерли [7. С. 125]. Принимая это во внимание, можно уточнить высказывание Клуи – его статья явилась первой “Историей словенской литературы”, вышедшей из печати.

В самом начале своего очерка Клуи указывал: “Коллар вложил в сердце каждого мыслящего славянина: да будет славянская литература общою связью, которой не могут разорвать ни моря, ни далекие страны, и которая невидимо охватывает все племена и наречия, дабы хоть в области духовной деятельности образовался у славян один язык, одно отечество, один народ” [6. № 1. С. 90].

Таким образом, с самого начала Клуи заявлял, что он – сторонник славянской взаимности в ее колларовском, т.е. чисто культурном варианте. Однако на взгляды Клуи помимо Коллара оказал значительное влияние и Е. Копитар. Клуи полностью принял у последнего деление славянского языка на две большие группы, одну из которых составляли русский, словенский и иллирский языки, другую – чешский и польский языки. Словацкий язык Клуи рассматривал как переходный между этими двумя группами. Перенял у Копитара Клуи и идею создания единой азбуки для всех славян на основе латиницы. В статье он выразил в довольно безапелляционной форме пожелание, чтобы русские оставили “греческие крючки” и приняли латинскую азбуку. Следует заметить, что в 1848 г. он не был так решителен и писал просто о создании единой азбуки для славян, не указывая точно, кириллица или латиница должны лечь в ее основу. Высказывание Клуи о необходимости русским принять латиницу, вызвало замечание редакции “Русской беседы”: “Вообще, как с этим, так и со многими другими мнениями г-на Клуи, мы положительно не согласны, но тем не менее признаем за его трудом неоспоримое достоинство первого полного и стройного обзора литературы словенцев” [6. № 1. С. 65]. Клуи выступил и в качестве приверженца паннонской теории и начал историю словенской литературы с трудов Кирилла и Мефодия, подчеркнув, что работы Копитара и другого виднейшего слависта Ф. Миклошича доказали, что церковнославянский язык по сути своей являлся древнесловенским, т.е. непосредственным предшественником словенского языка. Затем Клуи рассказал о Фрейзингских отрывках, возникших в конце X в., как о древнейшем памятнике южнославянского наречия. Здесь Клуи не погрешил против истины – Фрейзингские отрывки действительно являются старейшим известным памятником словенского языка. После этого заявления следовал вывод: “Итак, наши памятники суть древнейшие, за ними по старшинству

следуют русские”. Далее возникли, по мнению Клуна, письменные памятники чехов (XII век) и сербов (конец XII в.). Клун указывал в примечании, что летопись, созданная киевским летописцем Нестором, была открыта в 1526 г. ученым словенцем Сигизмундом Герберштейном, послом австрийского императора в Москве. Это утверждение снова вызвало протест редакции, как “ни на чем не основанное уверение” [6. № 1. С. 92–95].

Клун отмечал, что затем развитие словенской литературы отстало от развития других славянских литератур. “Но все-таки же, – подчеркивал он, – словенский язык еще имеет такие преимущества, которые беспристрастно позволяют сказать, что он несколько не уступает образованным языкам Европы, стоит даже выше многих из них, и его внутреннее строение представляет много таких свойств, которые неславянские языки вовсе не знают”. Провозглашение преимущества словенского языка перед европейскими неславянскими языками показалось для Клуна недостаточным. Он, опираясь на высказывание словенского поэта Поточника, утверждал, что из всех славянских наречий словенский язык наряду с сербским “имеет всего менее жесткости в произношении и есть самый благозвучный” [6. № 1. С. 98].

Это предисловие к изложению самого предмета показывает, насколько преувеличен был патриотизм Клуна, что в той или иной степени являлось характерным для многих деятелей словенского и славянского возрождения, к которым, конечно, нужно отнести и таких серьезных славистов, как Е. Копитар и Ф. Миклошич. Авторы паннонской теории провозглашали церковно-славянский язык непосредственным предшественником словенского языка. Словенский язык, в течение многих столетий являвшийся языком низших, необразованных слоев населения, словенскими будителями всячески возвышался, значение его преувеличивалось, они должны были доказать его важность всему миру, своему народу и самим себе.

Историю словенской литературы Клун делил на два периода. Первый период – протестантский. На словенском языке начал писать протестантский проповедник Примож Трубар, которого Клун оценил очень высоко: “Он... перевел на словенский язык разные духовные книги и тем положил основу словенской литературе” [6. № 1. С. 102]. Кроме Трубара Клун особо отметил среди протестантских писателей переводчика на словенский язык Библии Юрия Далматина и создателя первой словенской грамматики Адама Богорича. По мнению Клуна, “Далматин по глубине и по объему своей филологической учености был гораздо выше Трубара”. Особо отмечал Клун, что Далматин искал помощи не в немецком языке, а в речи южных славян [6. № 1. С. 108]. Богорич же в своей грамматике придерживался языка Трубара, и как у Трубара, язык Богорича отличался пристрастием к германизмам. “Труды этих трех, названных нами писателей, которые при первом своем появлении тотчас стали отличаться грамматическою правильностью и последовательностью, составляют основу словенской литературы” [6. № 1. С. 112].

Характеризуя католический период словенской литературы, Клун высоко оценил роль католического священства в ее развитии. “С конца XVI в. и до нашего времени католическое духовенство может назваться главным представителем словенской литературы, самым ревностным и деятельным двигателем в исследовании, развитии и дальнейшей обработке нашего языка... Положение духовенства само необходимо почти обуславливает, а существующая, хотя еще и слабая словенская литература доказывает на деле, что духовенство есть самый

главный представитель словенизма, хотя тот (словенизм. – *И.Ч.*) в настоящее время, без сомнения, может насчитывать много достойных деятелей и капитальных произведений и по другим направлениям научной и литературной деятельности” [6. № 2. С. 95].

Столь высокая роль духовенства на первых этапах развития словенской литературы исторически объяснима – ведь вплоть до середины XIX в. словенская интеллигенция, а следовательно и писатели, была по преимуществу духовной. Крестьяне, являвшиеся основой словенской нации, отправляли своих сыновей на учебу в духовные заведения, только очень немногим удавалось пробиться в светские университеты. Такое предпочтение вполне понятно: для крестьянина наиболее почитаемым человеком являлся священник, да и учеба в семинарии нередко была бесплатной.

Католический период словенской литературы Клун начал с Томажа Хрена, люблянского епископа, яркого гонителя протестантов, сжегшего много сотен протестантских книг на словенском языке. Об этом Клун не упомянул, указав только, что Хрен в 1612 г. напечатал свой перевод на словенский язык Евангелия и некоторых других религиозных сочинений, используя грамматику Богорича.

Несколько слов Клун сказал о Михе Микеце, издавшем “Словенский катехизис” в 1615 г., заметив только, что был он написан на люблянском наречии, сильно испорченном немецкими и итальянскими словами.

Следующие два писателя, упомянутые Клуном в числе представителей словенской литературы, а именно И.Л. Шенлебен и И.В. Вальвасор, по сути своей не являлись словенскими писателями. Шенлебен большинство своих работ по истории и генеологии издавал на латинском и немецком языках. Его главной заслугой перед словенской литературой стала публикация в 1672 г. перевода Евангелия, сделанного Хреном. Это была первая публикация книги на словенском языке после 57 лет молчания. Заслугу Шенлебена, первого археолога и историка Крайны, Клун видел в том, что он первым начал “собирать материалы для краинской истории и действительно успел собрать огромную массу”.

И.В. Вальвасор, младший современник и ученик Шенлебена, вообще не написал ни одной строчки по-словенски. Но Клун не ошибся, рассказав о нем русскому читателю. Путешественник, естествоиспытатель, математик, военный Вальвасор издал несколько книг, главная из которых «Слава герцогства Крайны», опубликованная им на немецком языке в 1689 г., несомненно, являлась замечательным трудом для своего времени. Она состояла из четырех томов, украшенных 533 гравюрами. Именно благодаря им до нас дошли изображения городов, замков, церквей Крайны и Каринтии и их обитателей в национальных словенских костюмах. Отметив, что исторический очерк у Вальвасора слаб, Клун справедливо подчеркнул: “Велика заслуга Вальвасора в топографии Крайны и в истории нравов XVI и XVII столетий, недостижимы его трудолюбие и любовь к родине, – бессмертна его “Слава герцогства Крайны” достойный памятник великого мужа и его времени» [6. № 2. С. 113–114].

Некоторые данные Клун представил о двух Академиях деятельных (*Academia operazorum*) в Любляне – начала и конца XVIII в. Высоко оценивая их деятельность, Клун с надеждой вопрошал: “Когда же придет время, когда чрез соединение краинского общества с музеем, Академия Операзорум возникнет в третий раз с обновленными силами?” [6. № 2. С. 117].

Затем Клуна перешел к характеристике некоторых словенских писателей XVIII в. Он упомянул священника Пагловца, учителя Юрия Япеля, подробно остановился на деятельности августинца Марко Похлина, выход в свет “Краинской грамматики” которого в 1768 г. словенские историки считают началом словенского возрождения. Клуна указал на ее невысокий научный уровень, на то, что Похлин не использовал достижения грамматики А. Богорича. Но все же Клуна выразил несогласие с мнением Е. Копитара, что любовь к словенскому языку Похлина “больше повредила словенскому, чем бы могли то сделать его ненависть и презрение”. Вокруг Похлина собрался круг молодых патристов – Япель, Кумердей, Лингарт, Водник, “которые не перестанут считаться красой своего племени, доколе люди будут ценить патриотизм и науку” [6. № 2. С. 119–121]. Основное внимание из перечисленных деятелей Клуна уделит Б. Кумердею и Ю. Япелю. Япель с помощью Кумердея сделал новый перевод на словенский язык Библии и написал “Славянскую грамматику”, где сравнивал все славянские наречия. “В Япеле мы приветствуем утреннюю звезду, которая возвещает нам приближение зари, а за ней и солнечного дня в нашей отечественной словесности” [6. № 2. С. 124–125]. О Кумердее Клуна писал не только как о сотруднике Япеля, но и как о человеке, много сделавшем для распространения просвещения среди народа.

На этом заканчивался очерк Клуна. Историю словенской литературы в XIX в. Клуна не представил. Правда, он, по-видимому, предполагал написать ее позднее. Об этом свидетельствует письмо Кошелева, написанное в декабре 1857 г. Раевскому. В нем редактор “Русской беседы” настоятельно просил потропить Клуна с написанием окончания статьи “История словенской литературы” [2. Д. 25]. В ответе Клуна сообщал Раевскому, что собирается написать историю словенской литературы в XIX в. [3. Д. 42. Л. 4]. Однако последняя часть “Истории словенской литературы” так и не была напечатана в “Русской беседе”, скорее всего из-за того, что журнал прекратил свое существование.

Клуна сотрудничал и с другим славянофильским изданием – “Вестником промышленности” (1858–1861), – возглавлявшимся видным славянофилом Ф.В. Чижевым. “Упросите Клуна, – писал Чижев Раевскому 10 мая 1858 г., – чтобы ответы на мои вопросы в отдельной от обозрения статейке прислал бы тоже к началу или много к 10 нашего июня... и попросите Клуна прислать мне первое обозрение к началу нашего июня”. Клуна выполнил просьбу Чижова, однако присланный им материал Чижову не понравился. 25 июля 1858 г. он жаловался Раевскому: “Кроме нескольких страничек, посланных Вами, от Клуна я ничего не имею, а их напечатать нельзя, потому что это похвала моему журналу, след[овательно] скажут мне: оржаная каша сама себя хвалит”. Далее Чижев указывал, что он согласился платить Клуна 250 талеров в год, если он будет ему посылать каждый месяц по статье. Но уже первое обозрение, присланное Клуном, разочаровало Чижова. “Потрудитесь попросить его, – замечал он в письме Раевскому в сентябре 1858 г., – не присылать таблицы ценностей австр[ийских] бумаг, нам они не нужны, а хотелось бы иметь шире промышленные новости. У него почти все одни цифры. Статью его отдельную я хотел бы не столько о коммерческом, сколько о промышленном (индустриальном) обучении”.

Немного позднее, 5 октября 1858 г., Чижев высказался о статьях Клуна Раевскому еще откровеннее и резко: “Обозрения моего корреспондента жидки и пусты... Там, где он без цифры, – решительно профессор, толкующий о верности практики, а потом голые цифры. Писать мне к нему... не хочется... трудно так

написать, чтоб не оскорбить самолюбия. Мало жизни: там плавание по Дунаю, там Ллойд, там банкир, наконец, там промышленность, там ремесленные стеснения скверными уложениями, там обременительные налоги, там цехи, там жалоба на бедность, там племенные несогласия – такое множество всего” [2. Д. 75]. По-видимому рекомендациями Чиждова Клуи не сумел воспользоваться, и спустя некоторое время Чиждов отказался сотрудничать, мотивируя в письме к Раевскому свой отказ слабостью статей и высокой платой, требуемой за них Клуином [2. Д. 75].

В “Вестнике промышленности” в 1858 г. вышли в свет четыре статьи Клуи: “Взгляд на торгово-промышленное положение Австрии”, “Положение промышленности в Австрии”, “Обозрение промышленности в Австрии”, “Обозрение промышленности и торговли в Австрии”.

Замечания о них, высказанные Чиждовым Раевскому, справедливы: тематически они раздроблены, перегружены цифровым материалом. Но вместе с тем Клуи отчетливо проводил в своих статьях либеральные взгляды: восхвалял крестьянскую реформу 1849 г., отменившую крепостное право в Австрии, которое, по его словам, являлось самым крупным препятствием для развития в стране земледелия и промышленности; выступал за отмену разного рода стеснительных тарифов в торговле, за расширение в стране промышленной и политической свободы. Чиждов, комментируя взгляды Клуи, высказывал свое мнение о якобы австрийских порядках. Он указывал на бессмысленность комерческих и банковских законов, притеснения со стороны полиции, бюрократический хаос формальностей, мешающий всякому движению вперед, отсутствие кредита, плохие пути сообщения, презрение к труду населения [8. С. 293]. Компетентный российский читатель понимал, что все эти высказывания Чиждова относятся не столько к Австрии, сколько к родной России.

После прекращения сотрудничества в русской славянофильской прессе, Клуи по-прежнему находился в добрых отношениях с Раевским и русскими, приезжавшими в Австрию. В частности, он виделся с И.С. Аксаковым, побывавшим в словенских землях в мае–июне 1860 г. Клуи дал ему рекомендательные письма в Марибор к Д. Трстеняку и в Риеку к Я. Трдине [9. С. 108, 140].

В 1856 г. Клуи переехал в Швейцарию, затем в Вену. В Вене он преподавал с 1857 г. географию и статистику в торговой академии, с 1862 г. был частным доцентом географии в Венском университете, затем дворцовым советником в министерстве торговли. В 1860-е годы Клуи продолжал участвовать в словенском национальном движении и пользоваться среди словенских патриотов значительным влиянием. В 1867 г. его избрали словенским депутатом в краинское провинциальное собрание и венский рейхсрат. Однако уже в первые месяцы он показал, насколько мало его интересуют словенские дела. Он голосовал за отделение церкви от государства, против заключения конкордата с Ватиканом [10. S. 240]. Остальные словенские депутаты находились на противоположных позициях. И это понятно – главной силой словенского национального движения в то время являлось духовенство, а отделение церкви от государства означало изгнание его из школ, где священники проводили политику словенизации учебного процесса. Голосование Клуи, таким образом, шло вразрез со словенскими интересами. Вместе с двумя словенскими депутатами Светецом и Липольдом Клуи голосовал за дуализм, против введения которого активно выступали словенские либералы [10. S. 75]. Вскоре Клуи окончательно перешел на сторону немецкой либеральной партии.

Когда в 1868–1871 гг. по всем словенским землям прокатилась волна митингов в защиту словенских национальных прав и с требованием создания объединенной Словении, программы, возникшей в революционном 1848 г., Клун выступил в Венском парламенте с утверждением, что “не существует никакой Словении”, а Крайна для получения автономии слишком мала [10. S. 133].

Такая вот метаморфоза произошла с Клуном за двадцать лет – от горячего революционера, затем пламенного словенского патриота до немецкого либерала, равнодушного и к революционным лозунгам 1848 г., и к своему народу, который он так возвеличивал в славянофильской прессе. Следует, однако, отметить, что Клун участвовал в подготовке закона о свободе коалиций (1870), который отменял ограничения для создания рабочих организаций и легализировал стачки. Умер Клун 15 марта 1875 г. в Карловых Варах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Pierazzi J. Vincenc Klun in Beneška revolucija 1848–1849 / Zgodovinski časopis. 1972. № 1–2.*
2. Отдел письменных источников ГИМ. Ф. 347.
3. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 360.
4. *Клун В. Словенцы // Русская беседа. 1857. № 3.*
5. Отдел рукописей ГПБ. Ф. 14. Д. 648.
6. *Клун В. Словенцы. Очерк истории их словесности // Русская беседа. М., 1859. № 1, 2.*
7. *Чуркина И.В. П.И. Шафарик и словенцы // Павел Йозеф Шафарик. М., 1995.*
8. Вестник промышленности. М., 1858. № 6.
9. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1892. Т. 3. Приложение.
10. *Prijatelj I. Slovenska kulturno-politična in slovstvena zgodovina. Mladoslavenci. Ljubljana, 1961. Zv. 4.*

© 2008 г. А. М. ШПИРТ

“МЕССИЯ ПРАВДИВЫЙ” ИОАННИКИЯ ГАЛЯТОВСКОГО

И. Галятовский (1620–1688) – православный проповедник, автор многих богословских и полемических сочинений. Он получил образование в Киево-Могиланской академии, после чего, приняв монашество, стал настоятелем Купятицкого монастыря на Волыни (с 1651 г.). В 1655/56 гг. Галятовский возвратился в Киев, где стал преподавателем риторики. С 1658 по 1665 гг. он являлся ректором Киево-Могиланской академии. В 1665 г. покинув Киев, уехал в Речь Посполитую. В это время, странствуя по различным городам и монастырям Украины и Белоруссии, Галятовский писал “Мессию Правдивого”. По признанию Н.Ф. Сумцова, 1665–1669 гг. – самые темные годы в биографии православного священника [1. С. 45–46]. Затем он написал и опубликовал ряд антикатолических и антиуниатских (“Белоцерковская беседа”, “Старая западная церковь новому костелу римскому нисхождение Святого Духа показывает”, 1678; “Фундаменты, на которых католики утверждают единство Руси с Римом”, 1683) и даже антимусульманских (“Лебедь”, 1679, “Аль-Коран”, 1683) текстов. Их появление всегда было связано с событиями особого значения. Так, “Белоцерковская беседа” стала результатом полемики автора с польским духовенством, состоявшейся во время похода польского короля Яна Казимира на Левобережную Украину в 1663 г. Остальные антикатолические сочинения Галятовского являлись ответом на сочинения польских авторов, например, на “Старую веру” Павла Боймы или “Трибунал” М. Циховича. В свою очередь антимусульманские тексты православного полемиста были им написаны вследствие войн с турками, которые вели казаки вместе с Московским государством в 70–80-е годы XVII в.

“Мессия правдивый” [2] также не стал исключением. В предисловии к своему трактату Галятовский указал, что основной причиной, побудившей написать сочинение против иудеев, стала полученная им информация о появившемся еврейском мессии [2. С. VIII–VIII об]. Речь идет о Саббатае Цви, турецком еврее, который в 1665 г. своим сторонником Натаном из Газы был провозглашен мессией, пришедшим мир для окончательного спасения.

Весть о приходе нового мессии стремительно распространилась среди еврейской диаспоры и, подкрепленная авторитетом его сторонников – Натаном из Газы, Шломо Примо и др. – привлекла к нему множество последователей. Письма с прославлением Саббатая Цви передавались из рук в руки, переходили из

Шпирт Андрей Михайлович – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

одной еврейской общины в другую. В них содержались призывы к покаянию, к строгой аскезе, практика которой, по мнению составителей этих посланий, облегчила бы путь к окончательному спасению. В феврале 1666 г. Саббатай, отправившийся на аудиенцию к турецкому султану, был арестован и с ближайшими сообщниками препровожден в Абидосскую крепость. Тем не менее, в заключении он продолжил принимать многочисленных паломников и проповедовать о наступивших мессианских временах. Осенью 1666 г. Саббатай принял ислам, но не отказался от своей прежней деятельности. В 1672 г. турецкими властями он был сослан в Албанию, где через четыре года умер [3. S. 9–14; 4. P. 93–106; 5].

Воздействие Саббатая Цви и связанного с его именем нового мессианского движения оказалось значительным как для еврейского, так и для христианского общества. В Тридцатилетней войне, в распространении Евангелия и проповеди христианских догматов в Новом Свете, Африке и в Азии некоторые христиане усматривали предзнаменования конца истории. В наступающем же 1666 г. ожидали конца света [6. P. 91–106; 7. P. 3–32]. В сентябре 1665 г. первые сведения о Саббатае Цви достигли Европы. Турецкие послы в европейских державах, духовенство и торговцы в своих подробных сообщениях подтверждали слухи и содействовали их распространению. Один из жителей Амстердама, хиляст П. Серарий в письмах к своим друзьям рассказывал о том, что обряды покаяния и воздержание евреев от еды являются несомненным признаком скорого обращения евреев в христианство. Более того, он поверил в мессианское назначение Саббатая. Подобно Серарию, убежденные в том, что появление царя-мессии, которого ждали евреи, и будет вторым пришествием Христа, некоторые христиане также поверили в мессианство Саббатая [6; 8. P. 73–94; 9. С. 51].

Информация о Саббатае Цви достигла и Речи Посполитой [5. P. 591–602; 10. S. 47–90; 11. P. 44–90; 12. P. 59–69]. Трактат “Мессия Правдивый”, написанный Галытовским в 1666–1669 гг., дает нам, по-видимому, основания полагать, что православное духовенство Речи Посполитой также живо интересовалось мессианским еврейским движением.

Благодаря своим сообщениям о распространении саббатаизма на землях Речи Посполитой, “Мессия Правдивый” часто используется в работах, предметом которых стало восприятие этого мессианского движения польскими евреями. Из статей З. Рубашова [13. С. 219–221], Х. Свицерской [14. P. 212–216], Д.К. Уо [15. P. 301–322] и Михала Галаса [16. S. 177–182] мы узнаем об источниках, которыми пользовался Галытовский. Речь идет о трех немецких памфлетах 1666 г., которые почти мгновенно после их появления на свет, были переведены и опубликованы в Польше: “Описание нового жидовского короля” (“Beschreibung des Neuen Juedischen Koenigs Sabeta Sebi”), “Пространное продолжение” (“Umbstandliche Continuation”) и “Удивительное начало и страшный конец” (“Wunderlicher Anfang und schmaehlicher Ausgang des juedischen Koeniges Sabetha Sebi, welcher Gestalt derselbige auff Befehl des Tuekischen Kaeyzers gerichtet worden hat”). Эти памфлеты находятся в различных европейских книгохранилищах: Англии, Германии, Голландии, Швейцарии, Польши. В 1989 г. Х. Свицерска проанализировала польские старопечатные издания памфлетов из Британской Национальной Библиотеки. М. Галас описал польскоязычные рукописные копии двух первых текстов, находящиеся в Библиотеке Чарторыйских [17. S. 490–497; 18. S. 498–501]. В свою очередь “Удивительное начало” было уже опубликовано Д.К. Уо в русском переводе [15. P. 316–317]. Однако ни З. Рубашов, ни Х. Свицерска, ни М. Галас, и даже Д.К. Уо детально не исследовали вопрос о том, как и

в какой степени Галятковский использовал информацию немецкоязычных памфлетов. Предметом настоящей статьи является исследование источников И. Галятковского о еврейском мессианском движении середины XVII в.

Одним из наиболее часто используемых источников о Саббатае Цви для автора “Мессии” является “Описание нового еврейского короля”. Памфлет с таким названием состоит из двух частей [17]. В первой содержится информация о биографии Саббатая и его проповеди. Вторую часть занимает отдельный текст, в котором приводятся сведения о еврейских мессиях [17. S. 492–497]. Интересно отметить, что составитель памфлета при этом пользовался еврейскими источниками (талмудический трактат “Таанит”, хроники Соломона ибн Верги, Гедали ибн Яхии и Давида Ганса).

Другой памфлет – “Пространное продолжение” [18] не менее любопытен. Он состоит из письма неизвестного жителя Амстердама к своему другу. Автор описывает поведение амстердамских евреев, узнавших о приходе Мессии, и их готовность последовать на Святую землю. В памфлете также рассказывается о реакции некоторых христиан, поверивших в мессианскую миссию Саббатая.

Памфлеты с той или иной степенью достоверности сообщают информацию о реакции христианского и еврейского населения на вести о пришествии нового мессии. Многие из этих сообщений основывались на слухах, непосредственно распространяемых евреями, приверженцами Саббатая. Современник тех событий, голландский раввин Яков Саспортас, отметил, что христианское общество живо интересовалось всеми сведениями о еврейском мессии, шедшими с востока. Нееврейские авторы распространяли эти слухи, прибавляли, изменяли и искажали их [13. С. 219]. “Удивительное начало и страшный конец” [15. P. 316–317] – один из наиболее ярких примеров подобного искажения. В этом памфлете рассказывается о поражении еврейского мессии в сражении с турецкими войсками, его пленении и казни, что не соответствовало действительности.

Развернутый рассказ о Саббатае Цви содержится в предисловии к “Мессии Правдивому”. По свидетельству Галятковского, благодаря вере евреев в мессианское призвание Саббатая Цви “на Волыню, на Подолу и въ всей Росиии Малои и в Великой Князствъ Литовской и в Кролевстве Полском и в инших панствах пограничных, незбожность жидовская высоко поднесла была роги анемущу своего, и помпы, и гордости своеи и розвинула была пропорець сваволь своеи и почала была в трубу зухвалства трыумфъ собъ трубити” [2. С. X].

Под еврейским “своеволием” и “дерзостью” в проповедях обычно обозначали преступную природу евреев, убивавших пророков и распявших Христа. В свою очередь в некоторых судебных жалобах пострадавшие от действий евреев христиане также называли своих соседей “своевольными” и “дерзкими” [19. Т. 18. С. 77, 204; Т. 29. С. 16, 19, 143]. Под этими словами оскорбленная сторона подразумевала стремление евреев получить или расширить свою власть над христианами, в то время как “право” и “законы” государства запрещали им какое-либо социальное превосходство над окружающим населением.

Сам Галятковский поясняет, о какой именно “дерзости” и “своеволии” шла речь: “Натой час жиды христианами юж погрожали и наругалися и смъялися з них и перехвалки на них чинили, грозячи им своим месиашем фалшивым и объцали мститися над христианами, которыи под ними пануют и мовили: юж мы вашими панами будемо, а вы будете подданными нашими, юж ваши кроль, князь, гетманы, воеводы и сенаторове, иншии и всъ панове христианский, царъ и цесаръ будут оу жидов наших пастухами, орачами, и жнецами нашими, будут жи-

дом нашим дрова рубати, и в печи палити и все чинити, що им жиды наши роскажут, юж мусите жидовскую вѣру приняти и нашому месиашови ся поклонити” [2. С. XI]. Можно предположить, что тем самым Галятковский передает народные представления, сложившиеся среди польских евреев, поверивших в Саббата Цви и ожидавших осуществления эсхатологического сценария, во время которого Бог отомстил бы за пролитую еврейскую кровь. О том, что евреи могли сообщать христианам о поджидающей их вскоре каре, упоминал составитель “Европейского дневника” (1668) Мартин Мейер. В этой обширной компиляции газетных сообщений, официальных документов и других печатных и письменных известий о событиях истекшего времени, приводится рассказ венгерского купца из Прешова, который в марте 1666 г. посетил Польшу. Владелец постоялого дома, у которого он остановился, хвастался, что в скором времени евреи возьмут верх над христианами [5. Р. 597].

О действиях евреев, наносящих “оскорбление” и “пренебрежение” христианской религии, сообщается также в окружном послании пшемысльского епископа Станислава Сарновского от 22 июня 1666 г. Под “оскорблением” и “пренебрежением”, вероятно, подразумевались торжественные процессии, устраиваемые евреями на рыночных площадях, а также распространяемые в ходе празднеств печатные воззвания и изображения. С. Сарновский призвал духовенство публично огласить его воззвание, а шляхте и магистратам под угрозой тюремного заключения пресекать действия евреев [10. S. 90]. Историки, обращавшиеся к возванию С. Сарновского, считают его явным свидетельством распространения среди польских евреев веры в мессианское предназначение Саббата, в честь которого устраивались торжественные шествия [10; 20. S. 107; 12. Р. 65].

И. Галятковский также описывает поведение евреев, поверивших в Саббата: “На той час некоторые жиды покидали дома и маетности свои и нѣчого робити не хотѣли... для месиаша своего по килка дни в тыгодню, иншии целый тыдженъ постили и малым детям своим ясти не давали и подчас зимы срогои в зимней водѣ в полонках под ледом купались, новозмышленную там молитву якуюсь мовячи, и много жидов померло подчас срогой зимы в водѣ зимной купаючися; и кожного дня и ночи ходили все до божицы своих и там волали блюзнерское свое набоженство, отправуючи и Бога просячи, жебы яко найпрудше месиаш до них пришол... и тое Бога, просячи, розным собѣ мортификации задавали” [2. X об.–XI]. Переданная Галятовским информация о поведении евреев согласуется с аскетическими тенденциями на раннем этапе развития саббатанского движения, и не только в Польше. По мнению Г. Шолема, на аскетическое поведение польских евреев воздействовали проповеди Натана из Газы, с которыми, вероятно, был знаком председатель раввинского краковского суда Арье Лейб бен Захария Мендель, издавший в 1666 г. “Tikkunei tshubam i'erez ha'tsebi” (“Практики покаяния, полученные из Святой земли”) [11. Р. 46–47]. Один из видных литовских раввинов второй половины XVII в. Иегуда Поховицер из Пинска в “Daat Hokhmah” (1692) также вспоминает об особых формах покаяния, охвативших еврейское общество в 60-е годы XVII в. [5. Р. 595–596].

История о Саббатае Цви и Натане из Газы пересказывается и в самом тексте “Мессии”, а именно в главе о “Шестом пророчестве” и в “Беседе о фальшивых пророках”.

В этих главах Саббатай Цви предстает в образе не первого и не последнего еврейского лжемессии, который еще будет вновь приходиться, очаровывать и об-

манывать иудеев в силу самой ложности их религии. Так, обращаясь к Цезарю Баронию, Галятковский рассказывает о том, как евреи верили и признавали своими мессиями в разное время разных людей – Ирода, Веспасиана и Магомета [2. С. 68 об.–69].

Важной функцией этих историй является демонстрация того, что, вопреки представлениям раввинов (которые иначе, чем христиане разъясняли пророчество Даниила), время прихода мессии уже настало. Обращаясь к Баронию (а также к церковной хронике Евсевия Кесарийского), Галятковский пересказывает историю восстания Бар Кохбы. Автор “Мессии” описывает казнь раввина Акивы, а также смерть многих еврейских ученых (Симеона, Ишмаэля, Хенани, Иегуды и Исахава). При этом православный священник дает даже сноску на Иерусалимский талмуд (по его сведениям, 68 и 69 стр.). Евреи, которые якобы полагают, что мессианские времена еще не настали, не могут, таким образом, не отрицать, что на протяжении уже долгого времени многие из них уже верили в лживых мессий.

Ссылаясь на раввина “Цемаха Давида”, Галятковский рассказывает о том как, в 1138 г. в Персии был казнен еврейский мессия, а от раввина “Иуды Схебета” православный полемист узнает о еврейском мессии, пришедшем в 1157 г. в Испании. Из сочинения некоего раввина Схалсхелета автор “Мессии” использует рассказ о некоем обманщике, в 1166 г. появившемся в Аравии, которому затем местный царь отрубил голову. Из “Схалсхелета” также заимствуется история о Давиде Алмузере, еврея из Моравии, объявившем себя Мессией и загадочно исчезнувшем [2. С. 70 об.–71]. В специальной “Розмове о фальшивых пророках” Галятковский ссылается на “Tzemach David”, когда рассказывает историю о Лемлене, который в 1500 г. в Австрии призвал евреев к покаянию и скорейшему ожиданию спасения [2. С. 78 об.–79].

В свое время Критикус [21. С. 11–12] справедливо отметил, что названия еврейских хроник ибн Яхви, ибн Верги и Давида Ганса принимаются Галятовским за собственные имена их авторов – “Tsemet David” Давида Ганса, “Shevet Yehuda” Соломона ибн Верги и “Shalshelet Ha’ Kabbala” Гедалии ибн Ях’и. Это, очевидно, свидетельствовало о том, что автор “Мессии” не видел этих хроник и не читал их. Без сомнения, описывая события из еврейской истории, Галятковский руководствовался информацией, которую он получил из “Описания нового короля жидовского”, а именно из второй его части, в которой приводится отдельная подборка историй о том, как некоторые евреи, назвавшиеся мессиями, очаровывали своих единоверцев (“Истории и примеры о мессиях, которые, начиная 133 года мессиями еврейскими притворялись, и что с ними произошло”) [17. S. 492–497]. Сам Галятковский дважды ссылается на этот текст, когда цитирует из него рассказ о Давиде Елрое (Давиде из Амадии), объявившем в Персии себя мессией и обещавшим евреям освободить их от христианского и языческого рабства [2. С. 71–71 об.], и когда обращается к “состоявшемуся” 25 июня 1561 г. походу десяти потерянных колен Израиля к турецкому султану [2. С. 80–81].

Описывая восстание Бар Кохбы, составитель “Описания” ссылается на 68 стр. трактата Таанит, а также на “Tzemach David” Давида Ганса, “Shevet Yehuda” ибн Верги и “Schalschebet” ибн Ях’и. Хронику Давида Ганса автор немецкого памфлета использует для рассказа о Давиде Рубинитере. Информацию же о Давиде Елрое он находит в “Путешествии” Беньямина из Туделы [17. S. 493].

Таким образом, в своих рассказах о еврейских мессиях Галятковский непосредственно использует ссылки немецкого автора на еврейские источники, ко-

гда они кажутся для него авторитетными (Таанит, еврейские средневековые хроники). Одновременно автор “Мессии” расширяет список, предложенный в “Описании”. Так, Галятовский использует евангельские рассказы об Иуде Галилеянце, лжепророке в Февде, сообщения Цезария Барония о мессии на Крите и в Сирии, а также Иоанна Людовика о еврейском лжемессии, объявившемся во время царствования Карла V в Италии.

“Мессия Правдивый” имеет форму диалога между “евреем” и “христианином”, в котором последний убеждает, что единственным истинным мессией был Иисус Христос. В свое время Н. Сумцов [1. С. 40, 53] и Критикус [21. С. 9] посчитали, что диалог между И. Галятовским и евреями в действительности имел место. Однако у нас нет оснований считать, что в “Мессии” отложились какие-либо свидетельства подобных контактов. В этом контексте любопытно отметить, что информацией немецких памфлетов пользуется как христианин, так и его оппонент – “еврей”. Так, например, последний рассказывает христианину о совершенных Натаном из Газы чудесах, о его призыве к евреям перед могилой пророка Захарии к покаянию и очищению от грехов отцов. “Еврей” также сообщает о странном старце, который перед могилой пророка очистил евреев от их грехов, омывая их водой из принесенного сосуда, а также о чуде с елеем, случившемся во время помазания Саббата. Наконец, он упоминает о том, как во время молитвы Натана “показался огнистый столп великий з земле аж до самого неба”. Еврей также обращается к чудесам, совершенным Саббатаем: “мессия” воскресил 20 лет назад умершую мать, а также оживил отсохшую руку турецкого региментария [2. С. 81об.–82]. Рассказы о чудесах Натана и Саббата соответствуют приведенным в “Описании” [17. S. 491] и “Продолжении” [18. S. 499–500] историям¹.

Христианин пытается убедить своего оппонента в том, что Натан из Газы и Саббатай Цви “для ошуканя глупого вашего народу жидовского”, “фалшиве чуда чинили” и прибегали к помощи бесов и дьявола [2. С. 83 об.]. В свою очередь веру “еврея” в то, что Саббатай Цви возвращал евреям утраченное ими Израильское царство, христианин опровергает при помощи обращения к другому антисаббатинскому памфлету – “Удивительному началу и страшному концу так называемого жидовского короля, Сабефы Себи” [15. P. 316–317]². В нем рассказывается о том, как Саббатай послал к турецкому султану своего посланника, который просил вернуть евреям землю, но был “рассечен”. Вскоре “войско”

¹ В этом отношении любопытно отметить, что информация о воскрешении Саббатаем своей матери из “Продолжения” (“jeszcze piszą, iż król matkę swoją, która była przed lat 20 umarła, wskresić miał”) [18. S. 500] противоречит сообщению “Описания”, что его родители, а также братья и сестры все еще живы: “Z rodziców podłych ale bogoboynych spłodzony, które ieszcze z kilka braci y siostr żyją” [17. S. 490].

² Между русским переводом и текстом, приведенным Галятовским, существуют незначительные разногласия. Так, в русском тексте посланник еврейского мессии сначала был “хорошо принят”, но лишь затем рассечен. Тело Саббатая было выставлено не на “поруганье, на ганьбу и на встыд жидов”, но только для “позорища всем жителям”. Д. Уо также публикует сообщение о еврейском мессии, пришедшее в Москву из Валахии через Каменец Подольский от 8 апреля 1666 г. Согласно ему, Саббатай Цви в Константинополе весел на железной цепи три часа, был избиваем по турецкому обычаю батогами “по подошвам” и объявил, “будто жиды сво к тому проговорили, чтоб ему жить жидовскому месияшу” [15. P. 315]. Интересно отметить, что согласно еврейским источникам, рассказывающих об обращении Саббатая в ислам, еврейский мессия возложил свою “вину” на Натана из Газы [3. S. 43].

Натана и Саббатая Цви было разгромлено – сам Натан “оутек”, а “мессия” был пойман и отдан “на тортуры”: “На той час его шалберство и ошукане выявилось; для того сто плаг ему по сторонкам дано; потым ему язык выволочено и оуръзано, потым скуру з живого з него знято и сено напихавши на ошип железный на поругание, и ганьбу, и на встыд жидом завешено; потым тело его без скуры самое, за ноги оувязавши на шибенице повешено” [2. С. 84 об.–85].

Галятковский не только копирует, но и дополняет свои источники. Так, по его словам, когда Саббатай вместе со своими единомышленниками поехал в Константинополь требовать причитающуюся евреям землю, их окружило и поглотило облако [2. С. 82]. Рассказ об облаке вступает в явное противоречие с недвусмысленным сообщением “Описания” о том, что Саббатай с немногими людьми из Смирны поплыл в Константинополь на корабле при хорошем ветре [17. S. 490]. О таинственных облаках Галятковский также упоминает, когда сообщает о мессианских ожиданиях польских евреев: “Глупый жида, будучи ошуканный, трыумфовали, веселилися и сподевалися, же Месиа на оболочку ихъ озмет и до Иерусалиму на оболочку запровадит и гды над яким мъстом оболочк показался, жида тое обачивши, хлюбилися пред христианам, повъдаючи: же то оболочк по них пришло, на котором оболочку оны для Иерусалиму от своего месиашиа сподъвалися, пересены быти” [2. С. X–X об.]. По мнению Г. Шолема, переданные Галятковским детали мессианских ожиданий польских евреев могут иметь непосредственное отражение еврейских реалий. Так, мотив с облаком обнаруживается в одном из раннесредневековых мидрашей (Pesikta Rabbati). Г. Шолем также указывает на распространение в это время подобных представлений среди немецких евреев. Так, в воспоминаниях одного крещеного еврея рассказывается о страхе его матери, которая, будучи беременной, беспокоилась о том, каким образом она сможет вернуться в Иерусалим. На ее опасения отец и дедушка отвечали, что Бог пошлет облако, на котором все беременные женщины будут перевезены на Святую Землю. Также афинский епископ Мальтий, описывая саббатрианское движение среди греческих евреев, вспоминал, что они смотрели на облака и заявляли, что одно из них перенесет их в Иерусалим. А однажды ночью один еврей из Арты пытался взлететь к облакам, но, упав с крыши, умер [5. P. 594–595].

Галятковский приводит из “Описания” мнения христиан и турок, считавших еврейского мессию “обманщиком”, но пренебрегает информацией о том, что не все евреи поверили в Саббатая [17. S. 491–492]. Более того, соглашаясь с мнениями христиан о Саббатае, которые Галятковский узнает из “Описания”, он полностью игнорирует переданные тем же автором памфлета представления о еврейском мессии, как предвестнике Судного дня [17. S. 492].

“Мессия правдивый” был опубликован через три года после предполагаемой “смерти” Саббатая. Таким образом, можно допустить, что к этому времени эсхатологические ожидания, связанные с Саббатаем Цви, потеряли свое прежнее значение [15. P. 308]. Вероятно, именно поэтому особенное значение для Галятковского приобретает та часть “Описания”, в которой идет речь о появлениях ложных еврейских мессий и пророков, но не о самом Саббатае Цви. Информация, полученная Галятковским из этой части “Описания” оказывается настолько важной, что выносится автором “Мессии” в предисловие трактата и предопределяет задачи всего произведения. Так, в своем вступлении Галятковский пишет о том, что “некотрыи христиане наши малого сердца и статку чуючи великийи чуда фалшивого месиашиа жидовского и видячи великую зухвалость жидовскую

почалися были трвожити и о Христе вонтптити, жебы он был месиею правдивым и почали были мысл свою до фалшывого месии жидовского накланяти, боячи-ся окрутенства его”. Именно по этой причине Галятовский взялся за написание своего трактата: “Для того сию книгу написалем, жебы христиане верные для фалшывого месии жидовского не трвожилися и без вонтпеня верили и въдали, же Христос ест Месиа правдивый” [2. С. XI–XI об.]. Другой целью трактата является “потлумение и зглажение фалшывых месиашов жидовских, которые не поеднокрот куж до жидов приходили и их ошукали и еще будут приходити и их зводити” [2. С. XI об.]. Названные православным священником причины полностью заимствуются им из второй части “Описания” [17. S. 497].

Таким образом, само саббатрианское движение минимально отражается в “Мессии”, но содержание антисаббатрианских памфлетов обильно цитируется Галятовским и не только в частях, посвященных разоблачению нового еврейского месии. Вместе с антииудейскими польскими текстами конца XVI–XVII вв. эти памфлеты становятся одними из наиболее важных источников, при помощи которых создается антииудейский нарратив Галятовского. В свою очередь теоретическая часть трактата, посвященная доказательству различных христианских догматов была уже подготовлена в предыдущих сочинениях православного проповедника, прежде всего, в “Ключе разумения” (1659).

Антисаббатрианские памфлеты были известны не только Галятовскому. Их содержание нашло свое отражение в хрониках Иоахима Ерлича [22. S. 100–102], а также в более поздних текстах С. Велички [23. С. 97] и игумена Ореста [24. С. XXIX.]. Сохранение памяти о Саббатае Цви в украинско-белорусских источниках XVIII в. свидетельствует о том, что мессианское еврейское движение оказало серьезное влияние на христианское общество Речи Посполитой, а поступающие известия об этом движении взбудоражили православное население Речи Посполитой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сумцов Н.Ф.* И. Галятовский. (К истории южно-русской литературы XVII в.) Киев, 1884.
2. *Галятовский И.* Месиа правдивый Исус Христос, сын Божий от початку света през все веки людем от Бога обещаный и от людей очекиваный... жидови неверному розными знаками о Мессии написанные и на Христе выполненными. Киев, 1669.
3. *Doktor J. Śladami Mesjasza-Apostaty. Żydowskie ruchy mesjańskie w XVII i XVIII wieku a problem konwersji.* Wrocław, 1998.
4. *Libies Y. Sabbatean Messianism // Libies Y. Studies in Jewish Myth and Jewish Messianism.* New York, 1993.
5. *Scholem G. Sabbatai Sevi – the Mystical Messiah: 1626–1676.* Princeton, New York, 1973.
6. *Popkin R.H. Christian Interests and Concerns about Sabbatai Sebi // Millenarianism and Messianism in Early Modern European Culture.* Dordrecht, 2001. Vol. 1.
7. *Popkin R. Some Aspects of the Jewish-Christian Theological Interchanges in Holland and England. 1640–1700 // Jewish-Christian Relations in the XVIIth Century. Studies and Documents.* Dordrecht, 1988.
8. *Wall E.G. The Amsterdam Millenarian Petrus Serrarius (1600–1669) and the Anglo-Dutch Circle of Philo-Judaists // Jewish-Christian Relations in the XVIIth Century. Studies and Documents.* Dordrecht, 1988.
9. *Бурмистров К.* Иоанн Петер Шпет: от христианского пиетизма к еврейской каббале // *Judaica Rossica.* 2003. № 3.
10. *Bałaban M. Sabataism w Polsce // Księga jubileuszowa ku czci Prof. Dr. M. Schorra.* Warszawa, 1935.
11. *Scholem G. Le mouvement sabbataiste en Pologne // Revue de l'Histoire des Regions.* 1953. Vol. 143.

12. *Stanislawski P.* The State of the Debate over Sabbatianism in Poland // Poles and Jews. Myth and Reality in the Historical Context. New York, 1986.
13. *Рубашов З.* К истории саббатизма в Польше // Еврейская Старина. 1912. № 5.
14. *Świdorska H.* Three Polish Pamphlets on Pseudo-Messiah Sabbatai Sevi // The British Library Journal. 1989. № 15.
15. *Waugh D.* News of the False Messiah. Reports on Shabbetai Zevi in Ukraine and Moscovy // Jewish Social Studies. 1979. № 41.
16. *Gałas M.* Nieznane XVII-wieczne źródła polskie do historii sabataizmu // Żydzi i Judaizm we współczesnych badaniach polskich. Materiały z konferencji. Krakow. 21–23 XI. 1995. Warszawa, 1996.
17. Opisanie nowego króla żydowskiego Sabetha Sebi, którego początek, starość, osoba, uczynki, przystawstwo y cuda, iako też chrześcijanów, żydów, turków y innych zdanie y cokolwiek z różnych pism o nim dotąd wiadomo iest opisane. Przytym Proroka Natana Lewi y y króla Sabetha sebi w tamtey osobey [prawdziwy] conterfect // Biblioteka Czartoryjskich rkps. № 1656. IV.
18. Obszerna continuanta [w której się znajduje dalsze progress, tego co się w orientalnych krajach, mianowicie w Jeruzalem, Szymirnie y Alkairu; tenże w inszych różnych miejscach w nadziei żydowskiego do swoiey ojczyzny powrócenia yako y przytomnie onychże do wiary nawrócenia etc] также состоит из письма (“Сопія listu przez niejakiegoś P[rzyjacie]la życzлиwego do drugiego drugiey strony powrócenia Żydów do Ziemie obiecanej y o nawróceniu ich [...] // Biblioteka Czartoryjskich rkps. № 1656. IV.
19. Акты, издаваемые Виленской Археографической комиссией. Вильно, 1901–1902. Т. 28–29.
20. *Lenowitz H.* The Struggle over Images in the Propaganda of the Frankist Movement // Polin. 2002. Vol. XV.
21. *Критикус.* Южнорусское духовенство и евреи в XVII в. // Восход. 1887. № 3.
22. *Latorisiec albo kroniczka Joachima Jerlicza.* Warszawa, 1853. Т. 2.
23. *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Киев, 1851. Т. 2.
24. Записки игумена Ореста // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной России. Вильно, 1867. Т. 2.

© 2008 г. *О. В. СОКОЛОВСКАЯ*

РУССКИЕ НА КРИТЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

В самом конце XIX в. Крит оказался в эпицентре европейской политики – на острове вспыхнуло очередное восстание греческого населения против турецкого господства. В орбиту Ближневосточного кризиса были вовлечены все великие европейские державы, которые вынуждены были в начале 1897 г. вмешаться, чтобы предотвратить начавшуюся резню и страдания мирного населения (см. подробнее [1]). На Константинопольской конференции в марте 1897 г. был принят судьбоносный для Крита, Греции и Турции план “умиротворения” острова путем высадки морского десанта, а затем и сухопутного международного отряда и блокады Крита. Целью международного миротворческого отряда было, во-первых, предотвращение назревавшего военного конфликта между Грецией и Турцией, во-вторых, установление и поддержание порядка на острове и помощь в создании автономного режима, провозглашенного по инициативе России 6 марта 1897 г., который фактически означал бы конец господства Османской империи.

Наряду с другими великими державами-покровительницами Россия направила значительный контингент сухопутных войск в города на Крите, где было мусульманское население. По решению совета адмиралов, командовавших эскадрами великих держав территория острова была поделена между ними на сектора. Критский отряд России располагался в городах Ретимно (Ретимнон) и Канея. До конца 1898 г. на Крите командовал совет адмиралов, в который входил командующий Отдельным отрядом судов в Средиземном море контр-адмирал Н.И. Скрыдлов, возглавлявший “высочайше вверенный морской и сухопутный отряды” в той части острова, которая временно была под управлением русских. Начальником Экспедиционного отряда русских императорских войск на Крите в 1897–1899 гг. был полковник Федор Анатольевич Шостака (с 1900 – генерал-майор). Именем Шостака через два года будет названа набережная города Ретимно. Русскими силами в столице – Канея командовал красавец подполковник К.С. Короев, ставший весьма популярным на Крите. Главным участком для русских войск был г. Ретимно и окрестные провинции. Всего к концу 1897 г. там находилось 1153 человека [2. Д. 1735. Л. 39]. Вполне реалистичная и достаточно активная политика русской дипломатии во многом отвечала интересам критяно. Россия призывала великие державы, забыв о разногласиях, сосредоточиться на

Соколовская Ольга Владимировна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

главном – на умиротворении населения, установлении и укреплении автономного режима на острове Крит, что могло бы стать основной для его дальнейшего присоединения к Греции. Россия предложила, не дожидаясь выработки окончательных правил автономного управления островом и назначения нового христианского генерал-губернатора, приступить к созданию на Крите органов управления и взяла на себя ведущую роль в критских делах. Для начала необходимо было учредить там местную власть и предпринять хоть какой-нибудь сбор податей, что подготовило бы переход к созданию городских управлений, с последующим удалением турецких чиновников и заменой их местными, “в силу дарованной султаном острову автономии”. Под руководством полковника Ф.А. Шостака была проведена работа не только по наведению порядка, но и организации управления в ретимском округе [3]. Первая из задач, поставленных контр-адмиралом Скрыдловым Шостаку и подчиненным ему лицам, – “восстановить прерванные междуособицей сношения между мусульманским и христианским населением округа”, – по словам самого русского контр-адмирала, была выполнена “блистательно”. Через месяц после прибытия русского отряда в Ретимно в городе стали проводиться ежедневные базары на площадях и улицах. Удачный пример быстро распространился по острову. Успеху во многом способствовали добрые дружественные отношения, которые сразу установились между местными жителями, как христианами, так и мусульманами, и русскими солдатами и офицерами отряда. “Строгое выполнение служебных обязанностей, полное понимание воинской дисциплины всеми чинами отряда, постоянная его боевая готовность и беззаветная преданность делу, – писал Скрыдлов, – скоро превратили находившийся в состоянии анархии город в благоустроенный. Все это сохранило в неприкосновенности Ретимно, единственный из больших городов острова, не подвергшийся погрому за время русского присутствия. И не было ни пожаров, ни беспорядков, ни жалоб или недоразумений с нашими солдатами, ни в Ретимно, ни в каком-либо другом месте округа” [2. Д. 1748. Л. 1051 об.]. Еще 10/22 марта 1898 г. министр иностранных дел М.Н. Муравьев писал, что “равнодушие противоречило бы всем традициям политики России, которая не ради каких-либо мелких своекорыстных целей напрягла все усилия свои к прочному устройству критских дел” [4. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1246. Л. 231–231об.].

Вслед за англичанами в русском секторе полковником Шостаком была организована почтовая служба в Ретимно и еще в 13-ти пунктах: Айя-Галини, Амарри, Гаразо, Кастели, Маргаритис и др. В 1898–1899 гг. было отпечатано более 18 тыс. различного вида марок и почтовых открыток. Однако почта просуществовала очень недолго, а сами марки и открытки со временем стали настоящими раритетами [5].

Уже с лета 1897 г. было понятно: войска на Крит пришли надолго, что требовало более внимательного отношения к условиям пребывания международных сил на острове. В первые месяцы во всех секторах было много случаев лихорадки и тифа, присущих Криту болезней, причем со смертельным исходом. Связано это было с огромным притоком мусульманского населения, бежавшего из деревень в города, и большой скученностью населения. Так, например, в Ретимно вместо обычных 9 тыс. жителей, не считая русских войск, оказалось около 30 тыс. человек. В течение октября–ноября бушевала настоящая эпидемия тифа и немалую часть русского отряда пришлось отправить на родину в одесский госпиталь. Местных врачей и медицинского персонала не хватало, и вся тяжесть пала на долю русских врачей, которым пришлось бороться также с завезенны-

ми сюда из России эпидемиями трахомы. В августе 1898 г. врачи приняли решение эвакуировать с Крита около 480 человек, страдавших трахомой [6. Л. 20, 40–44, 46]. На Крит в июле были вызваны из России окулисты московского и одесского военных госпиталей [2. Д. 1748. Л. 286]. Еще в 1897 г. была проведена массовая вакцинация русского отряда от свирепствовавшей на острове оспы. Только в 1899 г. по инициативе начальника экспедиционного отряда русских войск барона Кене тридцати восьми прокаженным, жившим в селении в 400 метрах от русской казармы, было запрещено собирать милостыню рядом с отрядом и появляться в городе [7. № 5]. Удивительно, что пока не участились случаи проказы, никто не обращал на это внимания.

Для истории остались лишь немногие имена врачей: отрядный врач коллежский советник Семенский, доктор Сакс, врач международного санитарного совета, младший врач Степанов, работавший в Ретимно, младший врач 58-го пехотного Прагского полка надворный советник Кутырев, фельдшеры Перелегин и Пупынин, сестры милосердия из Канеи Максименко и из Ретимно старшая сестра А.К. Алишкевич, которые, как писал позже Скрыдлов, “были на Крите, как и везде, на высоте призвания, и своей неустанной заботливостью спасли отряду не одну солдатскую жизнь” [2. Д. 1748. Л. 1052 об.].

После года пребывания на острове русским отрядом был приобретен богатый и достаточно тяжелый опыт, который они использовали на благо отряда и самого Крита. По рекомендации русских врачей военные приступили к наведению чистоты в самом городе Ретимно, в котором, как и в других критских городах того времени, процветала страшная антисанитария. Города отличались особой скученностью построек, теснотой улиц, отсутствием внутренних дворов, дающих доступ воздуха и света в жилые помещения, крайней запущенностью жилищ. Например, у местных жителей было принято устраивать в подвальных этажах домов ямы для мусора, а в полах жилых помещений отверстия для сметания в них сора и сливания в подпольные пространства жидкостей, которые представляли собой постоянный источник заразы.

Полковник Шостак немедленно приступил к выполнению рекомендаций русских врачей и добился определенного прогресса в улучшении санитарного состояния благодаря помощи наиболее сознательных людей из местного населения, которые одобряли новшества, снижавшие эпидемии и смертность. По инициативе Шостака городской управой был принят ряд мер, которые энергично приводились городским управлением в исполнение: очистка уличных сточных труб, расширение улиц, снятие части высоких каменных стен, мешавших притоку воздуха, урезка, до известных пределов, так называемых киосков (крытых балконов), которые доходили до середины улицы, где соединялись с киосками домов с другой стороны. Под руководством русских врачей местные администрации приступили к очистке улиц, к починке канализации; жителям запретили выбрасывать из окон мусор и трупы животных; были приведены в надлежащее состояние христианские кладбища, которые были крайне запущены и могли также служить источником инфекций и многое другое. К сожалению, работы эти не были закончены ко времени передачи русского управления критским властям. Ввиду того, что жители Ретимно не платили никаких городских налогов, город остался совершенно без средств и дома беднейших жителей со срезанными киосками остались открытыми для холода и дождя.

Свою миролюбивую политику на Крите Россия старалась подкреплять помощью беднейшим слоям критян всех вероисповеданий. Российским правитель-

ством и лично императором Николаем II была оказана щедрая материальная помощь в 5 тыс. рублей на восстановление пострадавших от пожара зданий в Канее, на немедленную выплату пособий, выделены средства на постройку в Ретимно больницы [7]. В императорскую миссию в Афинах поступало из России очень много пожертвований. К лету 1898 г. сумма превысила десятки тысяч рублей [4. Ф. Греческий стол. Д. 6787. Л. 1, 4, 12, 21, 31–43, 46]. Российская императрица еще в конце 1897 г. пожертвовала значительные средства и открыла кредит епископу Никифору, председателю благотворительного комитета [4. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1246. Л. 111–112]. По инициативе полковника Ф.А. Шостака в конце 1897 г. в Ретимно был создан благотворительный фонд, из которого выдано по 1 тыс. франков как грекам, так и туркам. Русский отряд выдавал пособия вдовам, производил за свой счет достройку домов.

Больница оказалась для русского правительства очень не простым делом, хотя решение было принято без промедления. Так, контр-адмирал Н.И. Скрыдлов сообщал генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу, который с 1882 г. возглавлял морское ведомство: “Постройка больницы в г. Ретимно имеет высокогуманные цели, но польза, приносимая ею, и даже само ее существование, при действующих на Крите порядках, будут мало обеспечены, если ее оставить в руках местных властей и общества”. Содержание больницы с первых же дней ее существования, как и предсказывал Скрыдлов, вызвало большие расходы на содержание коек для больных, медицинского и хозяйственного персонала, а также на текущий ремонт. Связано это было с тем, что “местные власти или общество не хотели брать эти расходы на себя...” [2. Д. 1748. Л. 1051 об.]. 3 июля 1899 г. прошло освящение ретимской больницы, приуроченное ко дню рождения императора Николая II [4. Миссия в Афинах. Д. 1264. Л. 236, 238].

Россия предотвратила чуть было не начавшийся на Крите голод, поскольку запасы местного урожая истощились, а средств на покупку муки у большинства христиан не имелось. Генеральный консул России в Канее сообщал, что в “Ретимно 137 душ селян находятся на довольствии полковника Шостака и получают денежное пособие от нашего вице-консула”. В Ретимно 734 человека пользуются “даровой пищей и чаем из остатков довольствия наших солдат”; помощь оказывалась и в других населенных пунктах. Однако она оказалась недостаточной и вскоре начался активный отток христианского населения с острова в Грецию, что очень обеспокоило единоверную Россию. 31 января 1898 г. Н.Н. Демерик сообщал, что из Ретимно уехали две тысячи христиан. Российское правительство, с одобрения царя, направило дополнительные средства на Крит – около 500 тыс. франков [4. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1246. Л. 193 об.; Д. 1247. Л. 522]. В марте 1898 г. в связи с бедственным положением критян российский император решил пожертвовать для критского народа хлеба на 30 000 руб., который быстро был закуплен и доставлен в различные города Крита, что было весьма значительной помощью и контраргументом против эмиграции. В мае 1899 г. полковник Шостак возглавил раздачу пособий критянам от русского правительства. В письме к графине Инне Капнист, интересовавшейся судьбой Крита, епископ Ретимский и Месопотамский Дионисий позже писал из Ретимно, что русских солдат и моряков критяне осыпали цветами, ежедневно служили молебен за русского царя и что “русское имя дорого для Крита”.

После успешного вывода с острова турецких войск в ноябре 1897 г. полковник Шостак, оставаясь начальником экспедиционного отряда русских войск на

Крите, был назначен также начальником гарнизона и временно военным и гражданским губернатором Ретимно и четырех окрестных провинций. Управление городом после ухода турецких войск и властей было передано в руки русских беспрепятственно, в результате чего деятельность гражданских учреждений в русском секторе сохранилась [4. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1246. Л. 195]. Деятельность администрации и городских учреждений продолжалась наполовину тем же составом чиновников, а наполовину была обновлена введением христиан и 10 строевых русских офицеров. В ретимском секторе на русских сухопутных офицеров перешли ответственные обязанности, например, юристов – от председателя суда до прокурора и судебного следователя, все управление городами и селениями, заведование таможней, санитарным состоянием города и прочими городскими службами. Весь сложный правительственный механизм приводился в движение офицерами отряда, и это было сделано, по словам Скрыдлова, “толково, умело, а главное, с любовью и желанием принести пользу” [2. Д. 1748. Л. 1052]. Русские национальные знаки были подняты на таможене и конаке, а турецкий флаг был оставлен только в крепости. К концу 1898 г. уже можно было ответственно рапортовать в Петербург, что в городе Ретимно и округе царит полное спокойствие, что работа гражданских учреждений не прекратилась, а многие, как-то: школы, земские органы и другие – учреждены заново. Ретимно служил во всем примером для остальных округов острова: именно здесь началась добровольная сдача оружия, а также добровольная эвакуация турецких войск. В русском секторе ранее других была окончена отправка турецкого имущества и тяжелых крепостных орудий. Русские войска должны были все более углубляться внутрь острова, и, как сообщал Скрыдлов в это время в Петербург, “всюду наши войска встречали восторженными приветствиями” [2. Д. 1748. Л. 195, 200–201; 7. № 13].

Подводя итоги деятельности русского морского и сухопутного отрядов в деле “умиротворения” острова за 1897–1898 гг., контр-адмирал Н.И. Скрыдлов писал: “Такие блестящие результаты достигнуты благодаря неутомимым трудам начальника экспедиционного отряда полковника Ф.А. Шостака, к высоким служебным качествам которого присоединились присущий редким людям такт, доброта и настойчивость в требованиях”. Он характеризовал Федора Александровича Шостака “как образцового подчиненного и доброго сослуживца”. Скрыдлов объявлял благодарность также полковникам: барону Кене и Томашевскому; подполковникам: Толочко, Урбановичу, Судовщикову, Михайлову; капитану Кучеровскому, штаб-ротмистру Савиничу и многим другим “господам офицерам”. Свой последний строевой рапорт Скрыдлов не забыл закончить фразой: “Молодцам солдатам мое сердечное спасибо” [2. Д. 1748. Л. 1052–1052 об.].

Ведение русской политики на острове было вверено императорскому генеральному консульству на Крите с резиденцией в Канее, которое существовало еще с 1864 г. Русскими консулами на Крите с 1896 по 1900 г. были Н.Н. Демерик, А.А. Гирс и Н.Н. фон Эттер. Россия сыграла решающую роль на переговорах великих европейских держав о назначении христианского генерал-губернатора Крита принца Георга Греческого, начавшего свою деятельность в январе 1898 г. Спокойная обстановка, воцарившаяся на острове уже к лету 1899 г., побудила правительства великих держав задуматься об общем сокращении численности международного экспедиционного отряда (до 500 человек каждый).

В июле отбыл из Ретимно в Одессу 1-й батальон 59-го пехотного Люблинского полка с полковником Шостаком, который передал все дела новому на-

чальнику экспедиционного отряда полковнику барону Б.Б. Кене [4. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 32]. Ф.А. Шостакович получил в том же году звание генерал-майора, которое вполне заслужил: его посылали всегда в “горячие точки”, где он мог применить свой не только военный, но и дипломатический и, скажем, человеческий талант. Позже он возглавил Гражданское агентство в Македонии, где снискал уважение греков, болгар и сербов, что просто удивительно в той обстановке. На Крите оставалось, таким образом, 10 русских рот.

Установившийся на острове мир и появившаяся надежда на хорошие прибыли при предстоящем промышленном развитии, вызванном новой политикой, привлекли на Крит много предпринимателей из разных стран. Русские строительские компании получили концессию на возведение набережной в Ретимно, проведение в столице первой трамвайной линии.

Для критского общества присутствие многочисленных международных морских и сухопутных отрядов на острове, а значит, иностранных офицеров и их жен, инженеров, торговцев, а затем и археологов имело не только охранительное значение, но также большое положительное значение в смысле оживления культурной жизни. Особую роль на Крите, безусловно, играл, русский экспедиционный отряд. А.А. Гирс писал, что между русскими силами и местным населением Ретимно установилась тесная связь и что население “привыкло видеть в присутствии русского отряда вернейший залог поддержания порядка и, вместе с тем, доказательство деятельного участия императорского правительства в устройении судьбы острова” [7. № 13. Л. 54 об.].

Под руководством офицеров устраивались музыкальные концерты, давались театрализованные представления и солдатские спектакли, проводились спортивные соревнования; на площадях и в парках острова играли военные оркестры, а города были прекрасно иллюминированы и украшены. Был также организован солдатский полковой хор, который вскоре стал выступать на всех праздниках и пользовался колоссальным успехом у местных жителей. На спектаклях присутствовали все офицеры с семьями и “местная образованная публика”. Посмотреть на спортивные состязания также приходило огромное число жителей. Полковник Б.Б. Кене продолжил деятельность на пользу Ретимскому округу, начатую Шостаком. Так, по просьбе префекта Ретимно русские офицеры приняли самое активное участие в топографической съемке в западной части округа для изыскания наиболее соответствующей коммерческим и административным целям дороги в Судскую бухту. Кене сам возглавил экспедицию. Русские офицеры принимали участие в проекте конно-железной дороги из Каней в Халепо и многом другом. В ноябре в Ретимно вновь заработала школа для малолетних детей по методу Фребеля, которая была одно время закрыта из-за отсутствия средств. Теперь в ней возобновились занятия, благодаря тому, что барон Кене взял на себя частично оплату обучения 26-ти детей неимущих жителей острова из русского благотворительного фонда.

Большое внимание в русских войсках уделялось духовному здоровью и религиозному воспитанию солдат. Епископом г. Ретимно Дионисием для русского богослужения была предоставлена церковь Св. Варвары: служба совершалась отрядным священником отцом Николаем Шутовым, хор состоял из русских певчих. Богослужение посещалось и местным греческим населением, которому очень нравилось церковное пение при участии русских офицеров. Постепенно службы стали проводиться совместно с греческими священниками в кафедральном соборе Ретимно. Причем всенощное бдение совершалось русским отряд-

ным священником с хором полковых певчих и исключительно на церковнославянском языке. Литургия совершалась совместно с греческим духовенством, и песнопения чередовались на русском и греческом языках. По просьбе местного епископа и греческого населения был составлен хор из 50 греческих певчих, которых обучал поручик Замосцкого полка Сиренко [7. № 14. Л. 26; № 22. Л. 515; № 23. Л. 53]. В кафедральном соборе во время служб, начиная с октября 1899 г., уже пел не только полковой хор певчих, но и хор местных греков. По случаю дня рождения членов царствующего дома России в кафедральном соборе епископом Дионисием совместно с русским отрядным священником и греческим духовенством служились литургии и молебны в присутствии чинов отряда, вице-консула, местных властей, представителей города [7. № 23. Л. 53].

В русском отряде в некоторых ротах нашли приют малолетние греческие сироты-мальчики. Некоторые из них очень быстро заговорили по-русски и стали служить переводчиками для отправлявшихся в город за продуктами и т.д. Барон Кене передавал русскому консулу, что многие из этих детей, потерявших родных на острове, просят взять их с собой в Россию. В связи с тем, что “натурализация” их в России была бы связана с большими трудностями, Кене отдал приказ о том, что единственным легальным способом является их усыновление православными членами отряда, и некоторые дети, таким образом, попали в Россию [7. № 15. Л. 28–29].

В конце октября 1899 г. Крит торжественно отметил годовщину удаления с острова турецких войск. Критские мусульмане были обижены активным участием нового начальника русского экспедиционного отряда полковника барона Кене в подготовке торжеств. Русское правительство просило его впредь быть осторожнее [4. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 37–37 об.]. Накануне празднования по распоряжению Народного собрания Крита была отлита медаль в “память умиротворения острова”, которую намеревались раздать всем чинам международного отряда и русским представителям как сухопутных, так и военно-морских сил. На одной стороне была надпись “Благодарный Крит”, на другой – оливковая ветвь. Медаль была на бело-синей ленте [4. Ф. Миссия в Афинах. Д. 1264. Л. 265].

В октябре также состоялось радостное событие, взбудоражившее весь город. В местном соборе было совершено венчание сверхсрочного служащего унтер-офицера жандармской команды Гладкого и “греческой девицы” Порселаки. Местное население очень сочувственно отнеслось к первому браку русского с гречанкой, и в соборе присутствовала вся греческая образованная публика, настроенная прорусски [7. № 18. Л. 39].

9 ноября в Кане состоялось еще одно знаменательное событие. По приглашению епископа Ретимского офицеры присутствовали при поднятии на соборную колокольню восьми полученных из Венеции колоколов. Колокола эти были перелиты из старых полопавшихся колоколов собора на средства, переданные грекам полковником Ф.А. Шостаком в качестве пожертвования. Деньги эти были выделены Шостаком из собранных с продаж марок внутренней губернской почты – 40 наполеондоров (1 наполеондор = 7 руб. 50 коп. = 20 франков 50 сантимов). На каждом из колоколов кроме обыкновенной надписи, состоящей из клейма фабрики, года отлития и т.д., имелись еще следующие надписи на греческом языке: на первом – “Полковник Шостак”, на втором – “60-й пехотный Замосцкий полк”, на 3-м – “59-й Люблинский полк”, на 4-м – “57-й Модлинский полк”, на 5-м – “56-й Житомирский полк”, на 6-м –

“14-й стрелковый полк”, на 7-м – “6-я горная батарея 13-й артиллерийской бригады” и на 8-м – “Крит освобожден”. Таким образом население Ретимно отблагодарило русских военных за скромный вклад в дело освобождения их родины от турецкого ига [7. № 21. Л. 45].

26 декабря 1899 г. 5-я рота 60-го пехотного Замосцкого полка и штаб экспедиционного отряда под начальством полковника барона Кене ушли в Россию. Новым командующим русских сухопутных сил с декабря 1899 г. был назначен командир 1-го батальона 60-го пехотного Замосцкого полка подполковник Константин Иосифович Урбанович. Из оставшихся на Крите пяти русских рот 60-го пехотного полка две роты находились в Канее, три – в Ретимно. Впредь было решено именовать оставшиеся силы не экспедиционным отрядом, а Отдельным отрядом русских императорских войск на Крите, подчеркивая этим ограниченность поставленных перед ним скромных задач поддержания мира на “умиротворенном острове” [7. № 27. Л. 63; 4. Ф. Политархив. Д. 2502. Л. 54 об.].

Прибыв с гуманитарной миссией спасения мирного населения Крита весной 1897 г., русские войска, как и войска других европейских держав, задержались на Крите на 12 с лишним лет и сыграли немалую роль в судьбе его жителей.

В первые годы XX в. сложные события на Крите – восстание в Териссо 1905 г. и другие – привели к тому, что великим державам пришлось даже применить в некоторых случаях оружие. Не исключением была и Россия. Однако остров уже к началу века был фактически независимым от султана. До сих пор критяне с благодарностью хранят память о тех людях, кто помог им в годы лихолетья: в критском монастыре Арсаниу хранится удивительная фотография – “пантеон памяти”, на которой ретимский епископ Дионисий и полковник Шостака изображены в окружении семнадцати русских офицеров, сыгравших исключительную роль в налаживании мирной жизни на острове. Среди них: А.Н. Веревкин, В.И. Видимский, Е.А. Жуковский, А.П. Кленов, А.Н. Малиновский, М.Н. Муфти-Заде, Г.В. Баулин, А.В. Борисов, А.Н. Папа-Феодоров и другие [3. С. 216–250]. А по набережной Шостака и площади Скрыдлова в Ретимно можно пройтись и сегодня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколовская О.В. Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006; В пороховом погребе Европы. 1878–1914. М., 2003.
2. Российский государственный архив военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Ф. 417. Оп. 1.
3. Ημερησής Διατάξεις της Ρωσικής Διοικήσεως στο Ρεθίμνο. (Окт. 1898–Ιούλ. 1899). Ρεθίμνο. 2007.
4. Архив внешней политики России.
5. Feenstra P.M. Crete. Postal history. Postal and Revenue stamps. Coins and bank notes. (Collected.) Athens, 2001.
6. Российский государственный военно-исторический архив.
7. Исторический архив Крита в г. Ханья (Канея). Ф. Архив императорского русского генерального консульства на Крите (1860–1919). Г–14.
8. Каннист И. Исторический очерк Крита // Русская мысль. СПб., 1899. Ч. 20. Кн. 2.

© 2008 г. *И. В. МИХУТИНА*

К ВОПРОСУ О ПРОВОЗГЛАШЕНИИ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛОРУССИИ

Первая мировая война и революционные события 1917 г. дали толчок белорусскому национально-политическому движению. Но оно не представляло собой единого потока: под влиянием ряда внешних и внутренних факторов произошло его деление на несколько течений.

На оккупированных во время Первой мировой войны землях (Гродненская, часть Минской и Виленской губерний) под влиянием немецких заявлений об окончательности их отделения от России белорусские активисты сначала, склонялись к идее объединения литовцев, белорусов, поляков и евреев в “конфедерацию Великого княжества Литовского”, но затем, защищаясь от территориальных претензий и культурно-конфессиональных поползновений потенциальных партнеров, приняли концепцию белорусской государственной самостоятельности.

В остальной части близкого к фронту Северо-Западного края (так именовались белорусские губернии Российской империи) условия войны не благоприятствовали национально-политической деятельности. Но национальный фактор играл роль в беженских комитетах и обществах помощи населению, перемещавшемуся вглубь России перед наступлением противника.

После Февральской революции в крае, как и во всей стране, закипела политическая жизнь. В марте 1917 г. состоялся съезд белорусских организаций в Минске с программой национально-территориальной автономии Белоруссии в будущей демократической федеративной Российской республике. В работе съезда участвовали представители восстановленной после разгрома в 1907 г. Белорусской социалистической громады (БСГ – в дальнейшем она разделилась на партии белорусских социал-демократов, белорусских эсеров и т.д.), сторонники образованных вскоре Белорусской партии народных социалистов, Белорусской партии автономистов и представители более консервативных организаций. На мартовском съезде образовался Белорусский национальный комитет (БНК), председателем которого был избран бывший депутат Государственной думы крупный помещик из полонизированного дворянства Р. Скирмунт. Последний факт заранее ограничил перспективы комитета в привлечении крестьян и вызвал настороженность в кругах, противившихся польскому влиянию. В дальнейшем левые группы БНК создали с целью сплочения белорусских де-

Михутина Ирина Васильевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

мократических сил Центральную раду белорусских организаций и партий, которая 24 октября (6 ноября) 1917 г. совместно с Центральной белорусской войсковой радой преобразовалась в Великую белорусскую раду (ВБР) (подробнее см. [1. С. 20–23, 27–31, 86–87, 93–94]). А на следующий день, практически одновременно со свержением Временного правительства в Петрограде, минский Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на части гарнизона, объявил об установлении в городе советской власти. Для ее легитимизации были проведены съезд рабочих и солдатских депутатов Западной области, съезд представителей армий Западного фронта; за советскую власть высказался и съезд крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний [2. С. 148–150]. Избранные на этих многолюдных съездах исполнительные комитеты многонационального состава слились в единый Исполнительный комитет Западной области и фронта (Обл-искомзап) и образовали местное правительство – Совет народных комиссаров Западной области и фронта под председательством латышского большевика К.И. Ландера. Эти властные структуры вместе с Северо-Западным комитетом РКП(б) управляли Белоруссией как административной областью России, не признавая этнонациональных особенностей края. Сторонников такого стиля руководства стали называть областниками.

Вместе с тем ВБР, воодушевленная лозунгом большевиков о праве наций на самоопределение, приготовилась “взять в свои руки управление краем” [1. С. 96] и начать государственное строительство в национально-солидаристском духе, для чего наметила открыть 5 декабря всебелорусский съезд. Однако ВБР имела мало шансов стать единым национальным центром. Положение в Белоруссии характеризовалось незавершенностью национальных процессов: значительная часть населения не имела достаточной национальной ориентации и даже в наступивший период национального подъема ощущала себя частью общероссийского общественного организма, соединяя идею белорусского возрождения с психологическими стереотипами западноруссизма – концепции этнической самобытности белорусов, но в неразрывной связи с Россией [2. С. 97, 105, 126, 141].

Такое представление было характерно для идеологии образованной в Москве Белорусской народной громады (БНГ), занимавшейся проблемами беженцев из Белоруссии, а также для белорусских организаций Петрограда. В московском и петроградском центрах предпочитали национально-территориальной автономии объединение белорусских земель в большую область с местным самоуправлением и хозяйственной самостоятельностью [2. С. 108–109]. Этого рода областничества придерживались и крестьянские организации, ибо белорусские крестьяне вместе с великорусскими, украинскими и другими, независимо от национальных проблем, имели общий главный интерес – решение в свою пользу земельного вопроса. В ноябре 1917 г. на Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (он был создан для размежевания с правыми элементами и подготовки к включению крестьянских советов во властную систему рабочих и солдатских советов) делегаты из Белоруссии избрали Белорусский областной комитет (БОК), который в своей декларации выступил против “национально-территориального дробления России” из опасения, что отделившиеся республики могут погибнуть в междоусобной борьбе, и видя Белоруссию “как часть Российской федеративной республики” [1. Документальное приложение. С. 103]. Иными словами, организаторы БОК придерживались принципа конституционного федерализма в рамках существующего государственного пространства в то время, как деятели ВБР заявили себя сторонни-

ками договорной федерации самостоятельных государственных единиц, заранее отделившихся от России.

Тем не менее, 24 ноября БОК решил откликнуться на предложение ВБР о “совместной работе по созыву общеполорусского съезда с целью создания краевой власти”, поставив, правда, условием положить в основу работы съезда “сущность декларации” БОК [3. Документальное приложение. С. 249–250].

Центральное большевистское руководство, заявив одной из своих главных целей удовлетворение национальных чаяний народов, держало в поле зрения национальные организации, выделяя среди них заслуживающие, с его точки зрения, поддержки. Так, на заседании правительства 2 (15) декабря 1917 г. народный комиссар по делам национальностей И.В. Сталин сделал доклад о ВБР, как видно, без выводов в ее пользу. Зато одновременно предложил ассигновать Белорусскому областному комитету для организации всебелорусского съезда 50 тыс. рублей, из которых девять тыс. были выделены сразу [4]. Советское правительство полагало, по-видимому, что именно через эту национальную организацию левозсеровского толка, выступавшую от имени многочисленного белорусского крестьянства, сможет, не рискуя территориальной целостностью и в рамках советской системы власти, удовлетворить национальные запросы белорусов. И.В. Сталин накануне заседания правительства разработал с представителями БОК условия взаимодействия, в которых предусматривалось (в изложении современных белорусских исследователей) признание белорусской организацией непоколебимости власти Советов в центре и на местах, созыв краевого съезда Белоруссии от имени БОК и Облискомзапа в Минске, а также дальнейшая совместная работа в контакте с последним. О сотрудничестве с ВБР в проведении съезда не упоминалось. Тогда же было решено организовать Белорусский национальный комиссариат (Белнацком) как отдел при Народном комиссариате по делам национальностей [2. С. 172–173; 3. С. 53]. Белорусская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), образованная в Петрограде в сентябре 1917 г., также послала свою делегацию в Минск, “чтобы повести съезд за собой”, но делегация приехала с опозданием [1. С. 33].

Съезд приступил к работе 5 (18) декабря 1917 г. в неполном составе; 7 (20) декабря открылся официально. В ходе заседаний происходила перегруппировка сил и формирование фракций, что отражало степень незавершенности партийно-политического структурирования белорусского национального движения. Горячая дискуссия развернулась по главному вопросу – о формах национального самоопределения и отношениях с Россией. Большинство делегатов склонились к варианту, предлагавшемуся БОК. Съезд постановил “...немедленно образовать из своего состава орган краевой власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые отношения с центральной властью, ответственной перед Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов” [3. С. 255]. О взаимодействии с Облискомзапом и правительством Западной области и фронта – как было условлено между И.В. Сталиным и представителями БОК – в постановлении не упоминалось. Напротив, в одном из пунктов говорилось, что лишь Совет, который будет образован на съезде, “своим возникновением сосредоточивает в себе все функции ответственного управления краем, тем заменяет обязанности, доселе выполняемые отдельными организациями” [3. С. 255]. Совет народных комиссаров Западной области и фронта счел из-за такой формулировки имевшуюся договоренность нарушенной и, чтобы не

оказаться в результате упраздненным, в ночь с 17 на 18 (30–31) декабря, сразу после голосования по первому пункту постановления, объявил о роспуске съезда, предложив членам его президиума покинуть пределы края.

Однако в связи с германским наступлением в феврале 1918 г. самим управленческим структурам Западной области и фронта пришлось эвакуироваться в Смоленск. А в белорусском движении неудача всебелорусского съезда привела к новым водоразделам и дроблению сил. Из-за оккупации большей части края (за исключением 14-ти уездов Витебской и Могилевской губерний) и конфликта с Облискомзапом многие белорусские активисты перебрались в Великороссию, где их организационным центром сделался Белнацком. Он ведал политическими, национально-культурными, образовательными, издательскими, агитационными делами и создал свои отделения в тех российских городах, куда во время Первой мировой войны попали беженцы из Белоруссии. За время пребывания в Великороссии многие политически активные беженцы вступили в РКП(б), объединившись в Белорусские коммунистические секции. Вместе с Белнацкомом секции пропагандировали идею автономии Белоруссии в федеративной связи с Советской Россией.

Оставшиеся же в Белоруссии национальные активисты перед вступлением в Минск немецких войск объявили себя – от имени Исполнительного комитета Совета прерванного Облискомзапом Всебелорусского съезда – верховной властью и сформировали правительство – Народный секретариат. Германское командование допустило существование этих органов и позволило Народному секретариату провозгласить 9 марта 1918 г. образование Белорусской народной республики (БНР). Исполком Совета Всебелорусского съезда был при этом преобразован в Раду БНР, включавшую и представителей Виленской белорусской рады. Однако реальная власть находилась в руках немецкой оккупационной администрации, которой чужды были первоначально данные Народным секретариатом обещания сохранить социальные завоевания революции.

В таких условиях Рада, приспособляясь к обстоятельствам, объявила ради продвижения идеи государственного суверенитета о полном разрыве с Россией, что однако не привело к международно-правовому признанию БНР даже со стороны Германии, но при этом оттолкнуло местных сторонников федерации с Россией. Затем последовала отмена декретов советской власти. Одновременно в Народный секретариат были введены представители крупных земельных собственников. Все это вызвало несогласие социалистических элементов в Раде, а главное – глубокое разочарование крестьянства.

Консервативная эволюция политики БНР, оккупационные тяготы и разрыв с Россией существенно ограничили общественную поддержку провозглашенной республики и свели на нет перспективу ее успешного функционирования вне условий и времени германской оккупации. Надежды лидеров БНР, что с окончанием войны и оккупации они смогут по-настоящему вступить во власть, не оправдались. Тщетны оказались их призывы к населению сопротивляться возвращению советской власти. Ко времени ухода немцев в Минске осталось лишь несколько членов Рады БНР, большинство отбыло в еще оккупированный Гродно, некоторые – за границу.

Власть в Минске и на местах попытались перехватить общероссийские социалистические партии – эсеры, меньшевики, еврейские социалисты, но им тоже не удалось закрепиться. В Белоруссию возвратились прежние областные совет-

ские органы. На 27 декабря 1918 г. была назначена VI Областная партийная конференция.

Территориальному (областному) устройству власти отдавало предпочтение руководство ВЦИК: в его административной комиссии родился план единообразного деления РСФСР на области (коммуны) Уральскую, Северную, Западную и т.д. Последняя включала бы кроме белорусских губерний Черниговскую, а также Виленскую и Ковенскую губернии. Но в других освобождавшихся от оккупации национальных областях – в Прибалтике и на Украине – большевистское партийное руководство при наличии в них активных левых национальных сил одобрило более выигрышный с политико-идеологической точки зрения национально-территориальный проект – восстановление советских республик.

Подобное решение для Белоруссии нашли приемлемым и получили в этом поддержку Народного комиссариата по делам национальностей белорусские секции РКП(б). План состоял в том, чтобы сначала создать единое руководство – Бюро Белорусских секций, которое немедленно перенесло бы свою работу в край и на VI партийной конференции Западной области выступило бы с инициативой образования рабоче-крестьянского правительства Белоруссии.

Для санкционирования намеченных действий 21–23 декабря 1918 г. в Москве состоялась Первая конференция представителей Белорусских секций РКП(б), протокол которой (заверенная копия) предлагается вниманию читателей.

Участники конференции условились не ограничивать время выступлений и по возможности полно их записывать. Так что протокол дает более живую и конкретную, чем обобщающие резолюции, картину по таким вопросам повестки конференции, как “политическое положение в Белоруссии и взаимоотношения между политическими партиями” или “политическая работа коммунистов на местах”. Речи ораторов при обсуждении отдельно рассмотренного делегатами национального вопроса, а также при формулировании “предстоящих задач белорусов-коммунистов” дают представление об их образе мыслей, об аргументах, приводимых ими в пользу белорусского возрождения наряду с решением социальных задач. Определенный исторический интерес представляют лексика и терминология того времени и того общественно-политического круга, которому удалось отстоять идею Белорусской республики – в советском варианте. По этой же причине в публикации сохранена орфография оригинала (прописные и строчные буквы).

Республика была провозглашена на VI Конференции РКП(б) Северо-Западной области, открывшейся 30 декабря 1918 г. Белорусские секции РКП(б) влились в КП(б) Белоруссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921.
2. Рудовіч С. Час выбару. Праблема самавызначэння Беларусі 1917 годзе. Мінск, 2000.
3. Ладзісеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж усходам і захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск, 2003.
4. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. М., 2006.

Протокол

заседания представителей Первой конференции белорусских секций Российской коммунистической партии (большевиков), открывшейся 21 декабря 1918 г. в г. Москве в помещении Белорусского национального комиссариата (Гранатный пер., 24)

На заседание явились представители Белорусских коммунистических секций:

Московской: Жилунович Дмитрий Федорович, Нецецкий Иосиф Степанович, Червяков Александр Григорьевич, Дыло Осип Леонтьевич, Чернушевич Дмитрий Силыч, Близнюк Иван Осипович, Рыбак Яков Алексеевич^a.

Петроградской: Устилович Александр Харитонович, Помецко Юлиан Устинович, Макаревич Александр Иванович, Болбеко Фома Данилович^b.

Саратовской: Беганский Болеслав Юрьевич, Борковский^c Александр Егорович, Протоковский Алексей Викентьевич^d.

Тамбовской: Драко-Дракон Михаил Фомич, Ханин Владимир Григорьевич^e.

Заседание открылось председателем комитета Московской белорусской секции тов. Д.Ф. Жилуновичем в 6 час. вечера. Оглашены следующие телеграммы, полученные Московской белорусской секцией: 1) из Петрограда: “Целью защиты прав белорусов-пролетариев, предусмотренных конституцией, выработать соответствующую декларацию и представить на утверждение Совнаркома. Бюро секции”. 2) Из Петрограда: “Разрешено формировать отряд. Откройте вербовку. Товарищей направляйте Петроград, Ковшило¹”. 3) Из Минска: “Минская секция желает съезду плодотворной работы. Открыт Белорусский пролетарский клуб. Сегодня выезжают делегаты. Важные известия. Фальский²”. Телеграммы эти по заслушании приняты к сведению.

Приступлено к выборам президиума конференции посредством подачи записок. Большинством голосов избраны: председателем конференции тов. Д.Ф. Жилунович, товарищем председателя тов. А.Х. Устилович, секретарями тт. И.О. Близнюк и Д.С. Чернушевич.

Постановлено послать от имени конференции следующие приветственные телеграммы:

Тов. Ленину: “Первая конференция белорусских секций РКП (большевиков) шлет Вам, дорогой товарищ, Владимир Ильич, свой горячий привет как вдохновенному вождю пролетариата всех стран и всех наций к светлому идеалу интернационального социализма”^f.

Тов. Сталину: “Первая конференция белорусских секций РКП (большевиков) приветствует Вас как истинного поборника необходимости разрешения национального вопроса с классовой точки зрения и как преданного революционера и борца за интересы пролетариата и беднейшего крестьянства всех стран и всех национальностей. Конференция питает надежды, что при Вашей автори-

^a Помета от руки: (Московская – членов секций 42 чел[овека], сочувств[ующих] 14).

^b Помета от руки: (98 членов секций, сочувств[ующих] 102).

^c В другом списке – Борковой.

^d Помета от руки: (членов секций 30, сочувств[ующих] 32).

^e Помета от руки: (членов – до 60 чел[овек], сочувств[ующих] – до 100 чел[овек]); помета от руки: представители минские и невельские областного комитета партии, насчитывающих до 1800 членов с провинциями.

^f Так в тексте.

тетной поддержке Рабоче-Крестьянская Белоруссия займет должное место в Советской Социалистической Федерации”.

Высшему военно-революционному совету республики: “В лице Высшего военно-революционного совета республики Первая конференция белорусских секций РКП (большевиков) приветствует героические Красную Армию и Красный Флот, мужественно и самоотверженно сражающиеся за идеалы великой мировой социальной революции, против ополчившихся на нее международной империалистической буржуазии и капитала. Конференция чтит память погибших товарищей в этой славной борьбе и надеется, что Красная Армия, в рядах которой не последнее место занимают сыны трудовой Белоруссии, сумеет защитить ее от посягательств хищников международной контрреволюционной буржуазии”.

Всероссийскому центральному исполнительному комитету: “Первая конференция белорусских секций РКП (большевиков) приветствует ВЦИК как высший орган рабоче-крестьянской власти Федеративной Советской Республики, неуклонно и твердо проводящей в жизнь идею интернационального социализма. Конференция выражает надежду, что ВЦИК, проводя в жизнь принципы федеративного социалистического строительства, осуществит идею создания Советской Белоруссии”.

Заслушана повестка дня, выработанная инициативным бюро по созыву конференции, которая выработана и утверждена в следующей редакции:

1. Информация комитета Московской белорусской секции РКП (большевиков) и обзор политической работы коммунистов на местах.

2. Национальный вопрос.

3. Современное политическое положение на Белоруссии и взаимоотношения между политическими партиями.

4. Создание рабоче-крестьянского правительства на Белоруссии.

5. Предстоящие задачи белорусов-коммунистов: а) создание объединенного бюро; б) реорганизация Белорусского национального комиссариата; в) издание партийного органа; г) агитационно-политическая и организационная работа (белорусская Красная Армия, сельские коммуны, культурно-просветительная работа, средства, отправка на места и инструкции отъезжающим, воззвание к белорусскому народу и белорусским коммунистам).

6. Мобилизация белорусов-коммунистов.

7. Текущие дела.

Постановлено: записывать протоколы заседания, по возможности, полностью, и речи ораторов не ограничивать временем.

Член комитета Московской белорусской секции РКП (большевиков) т. Чернушевич в своей информации осведомил конференцию, что инициативу организации Московской секции взяла на себя немногочисленная группа белорусов-коммунистов, служащих Белорусского национального комиссариата, которая в сравнительно короткое время привлекла к себе белорусов-коммунистов и других Советских учреждений и организаций г. Москвы⁸ и постепенно секция разрослась до значительного количества активных партийных работников. Ввиду выяснившегося ненормального положения Белорусского национального комиссариата как государственного представительного органа Белоруссии, деятельность которого, с одной стороны, не соответствовала требованиям момента

⁸ Так в тексте.

благодаря не вполне удачному подбору его ответственных руководителей, а, с другой стороны, тормозилась систематическими задержками в отпуске необходимых средств, Секция поставила Белорусский национальный комиссариат под свой контроль и руководство. Решив принять все меры к поднятию его авторитета и деятельности на должную высоту, что до некоторой степени и удалось осуществить. Учитывая крайне серьезную необходимость агитационно-политической и организационной работы на местах в освобождающейся Белоруссии, Секция организовала посылку туда своих членов, лучших партийных работников. Первыми в начале декабря были командированы в Минск гг. Фальский, Клыш и Роздяловский; после них отправлено еще 11 человек.

Тов. Нецецкий добавил, что Секцией устраивались в Москве белорусские митинги, велась культурно-просветительная работа и проч.

Тов. Дыло дополнил предыдущие информации указанием, что издававшийся до последнего времени официальный орган Белорусского национального комиссариата “Дзянніца” совмещен с партийным органом Секции, редакционной коллегией которого являются в настоящее время члены Секции. В общем сдвиг в созидательной работе Белорусского национального комиссариата, при участии и прямой поддержке его Московской и Петроградской белорусскими секциями произошел большой, и можно надеяться, что и в дальнейшем деятельность Белорусского национального комиссариата и его отделений и эмиссариатов в провинции, при дружной совместной работе белорусов-коммунистов, пойдет с успехом.

Представитель Петроградской секции РКП (большевиков) тов. Устилович, давая краткий обзор партийной работы среди белорусов в Петрограде, указал, что Петроградская секция образовалась из левого крыла Белорусской социалистической громады. Хотя в первое время Секция количественно и не была сильной, но сразу же на ее долю выпала большая и ответственная работа, которая усиленно велась среди рабочих-белорусов Путиловского завода и др. Совместно с матросами Гельсингфорса Секция взяла на себя задачу по созданию Белорусского национального комиссариата. Во время похода Керенского на Петроград все силы белорусов были мобилизованы и принимали самое живое участие в борьбе с керенщиной. Был создан отряд, каковой взят в распоряжение Петроградской чрезвычайной комиссии и работает там до сего времени. Секцией же образовано и отделение Белорусского национального комиссариата в Петрограде, после эвакуации Белнацкома в Москву. 15 декабря с. г. в Петрограде открыта школа первой и второй ступени, в которой теперь более 200 учащихся. Создан рабочий клуб. На Белоруссию Секцией послано три человека, послана также и литература. Как факт т. Устилович отмечает следующее: Секцией послан с литературой в Полоцк тов. Сосно; подъезжая к Полоцку, т. Сосно заметил, что в вагоне несколько человек устроило пьянство и разгул. Как оказалось, пьянствовали полоцкие комиссары; выяснилось, что они занимаются не только пьянством, но и спекуляцией. Командированный Секцией на Белоруссию т. Ковшило весьма успешно провел митинги в Витебске и Могилеве, где собралось до 10 000 человек (в городском театре). В Смоленске т. Ковшило встретил недружелюбный прием со стороны руководителей Областного комитета партии. Петроградской секцией устроен был ряд митингов в Кронштадте среди моряков. Издается “Чырвоны шлях” и “Белорусская крыница”, которые с 1 января решено объединить в один партийный орган.

Информация тов. Устиловича дополнена пояснениями тт. Червякова и Болбеко.

Представители Саратовской секции тт. Протоковский и Беганский в своей информации указали, что Секция в Саратове организована 23 сентября с. г.; теперь она имеет членов: коммунистов до 30 человек и сочувствующих до 32 человек. Секцией открыт клуб, но за недостатком средств ничего реального еще не сделано. Митинги устраивались около 5–6 раз. В Саратове имеется беженцев-белорусов до 20000 человек. Находятся они в весьма неблагоприятных условиях; в губернии их насчитывается до 42000. Среди беженцев-белорусов в Саратове в настоящее время свирепствует тиф, который ежедневно уносит в могилу до 30 человек. Всего умерло около 1500 человек. К коммунистам эта масса в большинстве относится недружелюбно; виной этому служит их тяжелое положение. Если бы были средства для улучшения этого положения и активные, опытные партийные работники, то многое можно было бы сделать в смысле привлечения этих масс на свою сторону и развития в них сознания. Среди местных организаций Секция пользуется хорошим отношением и вниманием.

Представитель Тамбовской секции тов. Ханин в своей информации указал, что в окрестных деревнях Тамбова организовано до 60 коммунистов-белорусов и до 100 сочувствующих. Почти во всех учреждениях Тамбова ответственные места занимают белорусы, так что если бы все белорусы выехали для работы на Белоруссию, то в Тамбове и губернии Советская власть очутилась бы в самом критическом положении, без работников. Тов. Драко-Дракон отметил, что Тамбов был освобожден от белогвардейцев почти исключительно белорусами. Обилие политических работников-белорусов объясняется тем, что при занятии немецкими войсками Минской губ. и эвакуации в Смоленск Облискомзапа последний пошел вразрез с белорусами-коммунистами, работавшими в Минске, и поэтому им пришлось перебраться в Тамбовскую губернию. Тов. Драко-Дракон выражает пожелание, чтобы белорусы-коммунисты сплотились, двинули свои силы на Белоруссию и стали на месте Облискомзапа. К этому пожеланию присоединяются и тт. Ханин и Червяков.

Конференция в связи с заслушанными докладами единогласно приняла следующую резолюцию:

“Заслушав с удовлетворением доклады с мест об исключительной революционно-коммунистической роли, какую сыграли и играют белорусы-коммунисты в Великой русской революции во многих местах России и принимая во внимание тот ответственный в судьбах Белоруссии момент, который обязывает белорусов-коммунистов принять самое деятельное участие в создании Советской Белоруссии, конференция постановляет: 1) продолжать ту организационную работу по созданию Белорусских секций, ценность существования которых уже обнаружилась сейчас; 2) Белорусские секции должны, не нарушая интересов единой революционной работы, выделить сейчас же возможный максимум коммунистов-работников для отправки в Белоруссию, и эту же свою роль по снабжению Белоруссии подготовленными работниками продолжать и дальше; 3) все Белорусские секции, в интересах объединения своей работы, должны поддерживать самую тесную связь с тем своим центром, который изберет конференция; 4) потребные средства на организационную работу и проч. Секции частью могут получить от местных комитетов РКП, частью же от своего центра”.

2. Национальный вопрос.

Приступая к обсуждению этого вопроса, тов. Нецецкий указывает, что такой поставлен в порядок дня не с целью узко националистической, а в самом широком масштабе, с точки зрения коммунизма, считаясь с тем, что Белоруссия, как таковая, в национальном, социальном, экономическом, политическом и психологическом смысле имеет свои особенности, и, имея в виду, что Белоруссия со всех сторон, кроме восточной, окружена и тесно соприкасается с новоиспеченными империалистическими государствами: Польшей, Украиной (петлюровщина), Литвой (Тариба), которые, при содействии со стороны Антанты, стремятся разделить ее и задавить в тисках капитализма. Остается одна отдушина – Россия. Но там ведь тоже не совсем благополучно. Ответственными руководителями политикой в России являются представители разных национальностей, в том числе и белорусы. Наш белорусский народ находится на первой ступени психологического развития и без помощи культурных сил не в состоянии развиваться и может погибнуть, как это имело место в истории с другими народами. Что делать? Заняться ли нам работой над возрождением Белоруссии как нации или же влить ее в общую социалистическую семью? Да, это было бы возможно, если бы массы сумели воспринять социалистическое учение в целом. Но наша белорусская масса не способна еще к этому, и поэтому, в силу железного закона социологии, к коммунизму можно прийти только через национализм. Мы, стремясь, по мере возможности, к привитию в массах широких начал социализма, должны объединить эти массы в их бытовых условиях, соображаясь со степенью развития и воспитания масс, тем более, что в Белоруссии пролетарские классовые идеи не усугублены, так как белорусский народ не фабричный, а в своей массе земледельческий и, даже, мелкобуржуазный. Наша задача, поэтому, внедрить в сознание белорусских трудящихся масс понятие о том, что сила, как народ, состоящий из 12 миллионов^h и доказать это примером социально-развития других, более мелких, по численности, народов.

Тов. Жилунович говорит, что для нас, коммунистов, может быть, не логично было бы ставить в порядок дня этот вопрос, но все же так необходимо признать, что национальный вопрос никогда не сходит со сцены. В настоящее время мы часто слышим толкование, что фраза “через национализм к интернационализму” – формула отжившая, что нужно сразу перескочить в интернационализм. Тем не менее и до настоящего момента этим национальный вопрос не разрешается и отмахнуться от него невозможно, ибо и самая Октябрьская революция не устранила, а еще более усугубила значение этого вопроса. Русификация идет еще со времен муравьевщины и польского мятежа³ и дошла до революции, во время которой каждая из национальностей постаралась отметить себя, по поводу чего социалисты спервоначала подняли шум о дезорганизации и начали проводить ту же царскую политику централизации. Русский народ, не имея ярко выраженной своей национальности, не считал национального вопроса важным и поэтому социалистические партии отмахивались от этого вопроса, и когда вокруг него все-таки поднялся шум, то в данном случае применялись только паллиативы, которые все-таки не привели к разрешению этого вопроса, как того требует научное обоснование. В результате политика по отношению к Финляндии, Украине и др. национальностям привела к тому, что таковые отторглись от России. Теперь, когда Белоруссия занимает исключительное положение, мы должны приложить все усилия к тому, чтобы все ответственные ме-

^h Так в тексте.

ста на Белоруссии занимались белорусами-коммунистами и чтобы Белоруссия была присоединена к Советской России на федеративных началах, наравне с другими народностями. Белоруссия должна называться не Западной областью или коммуной, как окрестил ее еще Муравьев, а Белоруссией.

Заседание прервано в 10 час. 20 мин. вечера, до 10 час. утра 22 декабря с тем, чтобы завтра на конференции могли присутствовать члены Московской белорусской секции РКП, в качестве гостей.

22 декабря заседание конференции возобновилось в 11 час. 20 мин. дня при тех же участниках конференции. На заседании присутствуют в качестве гостей члены Московской белорусской секции РКП (большевик).

Председательствует тов. Жилунович.

Продолжая обсуждение белорусского вопроса, тов. Дыло в своей речи указывает, что и при социалистическом строе не исключается необходимость разрешения, так или иначе, национального вопроса. В условиях российской революции эта необходимость выявилась особенно остро, вопреки теоретическим предпосылкам. Следует отметить ту роль, которую большие нации всегда играли по отношению к малым. К последним всегда применялась роль подчиненности и даже угнетения со стороны больших народов в экономическом и политическом отношениях. Примером может служить политика Англии на всем протяжении ее истории (Ирландия, Индия, Бурская война и проч.). Царская Россия также интересы русского народа всегда ставила в ущерб остальным подчиненным ей народам. В условиях, в которые поставила Россию революция, национальный вопрос ставится в иной плоскости. По отношению к Белоруссии надо сказать, что она своей буржуазии и аристократии не имеет. Внешние условия разрешения белорусского вопроса крайне сложны и требуют особого к себе внимания, имея в виду окруженность Белоруссии соседними империалистическими государствами. Тяжесть разрешения этого вопроса должны взять на себя вожди самого белорусского народа, и таковой должен быть разрешен в интересах самого белорусского народа, на социалистических принципах. Если смотреть со стороны международной революции, необходимо объединить белорусские массы в одном социалистическом сознании единства действий. Белорусский народ должен быть освобожден также и от влияния духовенства, как католического, так и православного, так как в противном случае на почве религиозных столкновений Белоруссия может стать ареной крупного контрреволюционного движения.

Тов. Беганский не согласен с доводами тов. Дыло в пользу объединения на Белоруссии мелкобуржуазной массы с пролетариатом и беднейшим крестьянством, а также с доводами тов. Жилуновича о необходимости сначала национальной борьбы, а затем социальной. В Белоруссии есть и свои национальные кулаки и национальная буржуазия. Мы должны оградить белорусский пролетариат и беднейшее крестьянство от объединения с этими элементами. Ни в коем случае нельзя согласиться и с формулой “через национализм к интернационализму”. Собственной белорусской коммунистической программы мы создать не можем за отсутствием сил. Невозможно ставить классовую борьбу на задний план. Национальный вопрос настолько запутан, что разрешить его нам слишком трудно и не ко времени. Теперь мы должны направить туда возможно большее количество своих сил, знакомых с бытом и особенностями края, для пропаганды идей коммунизма и социализма и строительства Совет-

ской власти. Во главу угла на Белоруссии мы должны ставить классовую борьбу.

Тов. Драко-Дракон отмечает, что если глубже развить мысль тов. Беганского, то получится, что никакой Белоруссии вовсе нет. Исторические акты и документы доказывают, что Белоруссия как нация жила в истории, но этот факт в силу особых условий, в которых находилась Белоруссия, постепенно стирался и затушевывался. Безусловно, Белоруссию как нацию необходимо восстановить. Но с геологическойⁱ точки зрения нет надобности в воссоздании Белоруссии как самостоятельного государства, и если мы и имеем факты воссоздания других самостоятельных государств, то они возродились при других, более благоприятных условиях, каковых для Белоруссии в наличности не имеется. Кроме болот и лесов Белоруссия другими природными богатствами не обладает. Что касается революционности белорусских трудящихся масс, то все данные для этого налицо. Какая-нибудь одна тысяча помещиков держали в рабстве 12-тимиллионный белорусский народ – и эти условия подготовили Белоруссию, более чем какую-либо другую страну, к революции и к проведению созидательных начал. Но на Белоруссии социализм может прийти только через национализм. Так как сначала необходимо поднять национальное самосознание масс, ибо в условиях темноты и невежества коммунистические идеи не могут развиваться, имея еще в виду и то обстоятельство, что на Белоруссии остро стоит религиозный вопрос и влияние духовенства. Белоруссия как таковая не имела своего исторического материализма, а в данное время почти не имеет и собственной культуры, поэтому крайне не правы те, которые не находят надобности в белорусской прессе. Если бы не было белорусской газеты, то мы могли бы не знать о существовании Белоруссии. Газеты, печать, язык – это есть наша белорусская культура. Мы должны воспроизвести свой язык и свою культуру и привить ее народу подобно тому, как это делают литовцы, латыши, эстонцы. Наша задача, задача коммунистов-белорусов, работать на Белоруссии, так как белорусские трудовые массы лучше поймут нас и мы им лучше разъясним положение, чем партийные работники других наций.

Принято предложение об ограничении времени произнесения речей по данному вопросу десятью минутами.

Тов. Устилович доказывает необходимость разрешения национального вопроса выявлением в[з]глядаⁱ, так как каждая национальная группа по-своему трактует этот вопрос. Убежден ли тов. Беганский, что в Белоруссии все будет обстоять благополучно? Белорусский язык существует и белорусскому крестьянину он более понятен, чем русский. Не подлежит сомнению и то, что на Белоруссии существует и национализм, ибо иначе не имела бы места пресловутая “Белорусская Рада”^k в Минске. Живучесть лозунга “через национализм к интернационализму”^j доказывается тем, что Латвия и Эстляндия⁴ объявили себя республиками. Идеи коммунизма и интернационализма можно развить только путем предварительного разрешения национального вопроса.

Тов. Протоковский, останавливаясь на некоторых особенностях Белоруссии как нации, указывает, что скрыть национальные и религиозные факторы какой

ⁱ Так в тексте.

^j Так в тексте.

^k Речь идет о Раде БНР.

бы то ни было нации невозможно, так как практически всегда приходится сталкиваться с ними. Если мы стремимся к экономическому освобождению народа, то должны стремиться и к раскрепощению его от духовного гнета. Белорусский народ есть сырой материал, на который претендуют многие. Мы должны устранить чьи бы то ни было поползновения. Коммунизм не уничтожает нации, а только объединяет их в борьбе за идеалы человечества. Мы не должны отстать в культурно-просветительной работе среди белорусских масс от других наций, ибо последние могут захватить власть на Белоруссии и опять духовно закрепить народ. Если мы не объединим Белоруссии как нации, то далеко не исключена будет широкая возможность контрреволюции.

Тов. Рыбак не согласен с тем, что на Белоруссии нет капиталистов и буржуазии. Мы обсуждаем национальный вопрос не потому, что мы белорусы, а потому, что мы коммунисты-интернационалисты. Самое существование Белорусских коммунистических секций и созыв этой конференции доказывают лишь необходимость объединения работы на Белоруссии.

Тов. Дашута говорит, что целью и задачей Белорусских коммунистических секций является не рассмотрение национального вопроса, а интенсивная работа на местах, создание Советской власти, продовольственного аппарата, Красной Армии и т. п.; вообще проведение принципов строительства рабоче-крестьянской власти. Белоруссия, как сырой материал, может служить хорошим фундаментом для интернационала.

Тов. Дыло, как на пример, указывает на помещенные в сегодняшних №№ “Советских известий” и “Правды” заметки: “Воззвание белорусско-литовской армии к населению” и “действительному хозяину”, где говорится о разрешении литовцам вывезти обратно в Литву эвакуированное имущество. Мы не собираемся здесь самостоятельно разрешить национальный вопрос, а только осветить его, дабы иметь возможность оградить себя от подозрений в шовинизме и предпринять меры к тому, чтобы важные внутренние вопросы Белоруссии не разрешались без “действительного ее хозяина”. Конечно, мы должны рассматривать национальный вопрос в рамках классовой борьбы, в интересах пролетариата и беднейшего крестьянства.

Тов. Жилунович отмечает, что национальный вопрос всегда почему-то наводит на нас какой-то неосновательный страх. Нас обвиняют в шовинизме и национализме, но мы этого не должны пугаться. Разве мы не имеем права пересматривать и обсуждать кровные интересы нашего народа? Мы подняли этот вопрос не потому, чтобы нас обвиняли в национализме и шовинизме. Мы белорусский вопрос ставим в той плоскости, что если мы не сбросим с себя национального рабства, то мы и наполовину не освободимся от капиталистического гнета.

Тов. Болбеко говорит, что, поставив в порядок дня национальный вопрос, в частности, вопрос белорусский, мы желали осветить его в общем масштабе. Перешагнуть через национальный вопрос к интернационализму не придется.

Тов. Беганский доказывает, что он вовсе не подразумевал в своей речи того, что Белоруссии нет. Тов. Жилунович не есть коммунист, если говорит, что мы можем переделывать программные вопросы. Мы действительно должны пред белорусскими массами освещать вопросы коммунального строительства с национальной стороны. Московская секция слишком запоздала с посылкой партийных работников на места, тогда как литовская и другие секции успели уже создать свою Красную Армию, сильные организации и т.д.

Первый докладчик по национальному вопросу тов. Нецецкий, давая свое заключение и подводя резюме, говорит, что он хотел выяснить на этой конференции взгляды различных секций и, базируясь на них, подготовить почву для съезда всех белорусских коммунистических объединений. Мы являемся сынами своего народа, поставленного в угнетенное положение. И мы должны спасти его от порабощения, а с другой стороны, от невежества тьмы. Какие же пути должны быть для этого? Мы представляем здесь из себя сливки белорусского народа, его цвет. И если это подразумевали под Облискомзапом¹, то об этом ничего не говорит сам белорусский народ. Наша задача взбудоражить этот застоявшийся омут и доказать, что и Белоруссия как живая нация имеет право на жизнь. Поэтому, не предпринимая устройства Белоруссии, мы должны все-таки сказать, что из себя представляет Белоруссия. В силу ее этнографического и экономического положения говорить о самостоятельности не приходится, так как Белоруссия не имеет открытого выхода к морю и со всех сторон окружена государствами, сталкивающимися с ее интересами. Придется или войти в соглашение, или каким-либо другим путем добиться отдушины. С политической стороны Белоруссия не имеет должной возмужалости. Но для нас, коммунистов, теперь этих преград не должно существовать, так как теперь не те условия, какие были раньше, а если они есть, то мы должны быть вполне уверенными, что придет девятый вал и смоев их. Нам нужно прилагать все усилия к тому, чтобы работать на общее благо и вместе с тем освободить белорусский народ от всяких предрассудков и невежества. Вожди пролетариата, всего несколько человек, сумели сделать психологический переворот и сдвиг в народных массах России, почему же не сумеем сделать этого мы по отношению к Белоруссии? Нам необходимо заявить, что, являясь работниками и поборниками интернационала, мы в то же время являемся представителями определенного народа. Мы будем работать на платформе: “Советская власть да здравствует на Белоруссии”.

Внесено и принято предложение приступить к обсуждению вопроса о политическом положении на Белоруссии и взаимоотношениях между политическими партиями, а затем уже резолюцию вынести по обоим вопросам.

3. Современное политическое положение на Белоруссии и взаимоотношения между политическими партиями.

Тов. Нецецкий говорит, что теперь Белоруссия представляет собою подогретый котел, близкий к кипению. Сочувствием в массах там пользуется в настоящее время еврейская с[оциал]-д[емократическая] партия под названием Паолей Цион и отчасти Бунд. Благодаря знанию многими товарищами из партии Паолей Цион немецкого языка, им удалось интенсивнее, чем другим партиям, развивать свою работу в оккупированных местностях Белоруссии. Из частных разговоров удалось выяснить, что добрая половина этой партии перейдет и вольется в Белорусские коммунистические секции, по мере их образования. Затем тов. Нецецкий в общих чертах обрисовал направление работы польской левицы ППС⁵, Литовской с[оциал]-[демократической] партии и Бунда. Работа была чисто партизанская, но не имела планомерности. Нам необходимо будет войти в контакт с этими партиями и, по мере возможности, работать солидарно, за исключением польской партии ППС, которая по своим программным вопросам уклоняется слишком вправо, в сторону узкого национализма. Имея много плю-

¹ Так в тексте. Скорее всего, было сказано: “И если под этим подразумевался Облискомзап”.

сов для работы среди белорусских масс, есть много и минусов, как, напр., при столкновении с религиозным вопросом. Есть целые деревни, загипнотизированные влиянием духовенства. Это зло религиозное. Второе зло – порабощение трудящихся масс мелкой буржуазией. И третье зло – это тенденция Антанты разделить Белоруссию между Польшей, Литвой и Украиной.

Тов. Жилунович полагает, что этот вопрос можно разрешить лишь в плоскости выяснения взаимоотношений Белорусских коммунистических секций с имеющимися на Белоруссии областным и краевым комитетами РКП, монополизировавшими политическую работу на Белоруссии. Тов. Ханин указал еще на одну еврейскую партию – народных социалистов, работающую на Белоруссии. Областной комитет держится на Белоруссии как советское учреждение. Нам этот комитет не может помешать в работе. Партия Паолей Цион во время выборов в Учредительное собрание агитировала за большевистский список, и таким образом нам полезно будет работать солидарно с нею. Что же касается партии Бунд, то она всегда держалась и держится за меньшевистскую программу-минимум.

Тов. Дыло полагает, что этот вопрос необходимо поставить и осветить возможно шире. Нам необходимо будет воспользоваться еврейскими секциями большевиков, которые теперь организовались на Белоруссии; необходимо согласовать нашу работу с ними.

Тов. Беганский находит необходимым получить хотя бы краткую, но обстоятельную информацию о политическом положении в Белоруссии. Но существующие на Белоруссии партии сделали благоприятным ведение там политической работы; массы революционизировались благодаря немецкой оккупации. Теперь, конечно, необходимо будет нам объединиться в работе на Белоруссии с родственными коммунистическими организациями, тем более, что в настоящее время в Минске происходит междупартийное совещание представителей всех социалистических партий под председательством тов. Радека⁶.

Тов. Устилович предлагает прекратить прения по этому вопросу, так как никому из участников конференции достаточно обстоятельно не известно политическое положение на Белоруссии в данный момент. Равным образом, по той же причине, нам невозможно разобраться и в вопросе о взаимоотношении политических партий на Белоруссии. Это сумеет выяснить тот центральный наш орган, который будет избран настоящей конференцией.

Тов. Дыло предлагает отложить окончательное рассмотрение этого вопроса до ожидаемого приезда делегатов из Минска.

Тов. Драко-Дракон предлагает дать возможность представителям высказать свое мнение и выработать линию поведения.

Тов. Протоковский высказался за предпринятие шагов к объединению в политической работе на Белоруссии с литовскими коммунистическими организациями. С областниками^m, пожалуй, сговориться будет невозможно, но мы должны для отъезжающих товарищей выработать определенную инструкцию, базируясь на которой они знали бы, как им держаться.

Тов. Болбеко указывает, что политическая работа на Белоруссии ведется крайне неудовлетворительно: нет достаточно активных работников. А потому необходимо вывести Белоруссию из этого положения и двинуть туда свои лучшие активные силы.

^m Имеется в виду партийное и административное руководство Западной области.

Тов. Беганский говорит, что нам необходимо вынести определенную резолюцию по этому вопросу. Что касается взаимоотношений между политическими партиями, то этот вопрос ясен. С коммунистами мы сумеем сговориться и войти в контакт. Во всяком случае, мы можем видоизменить работу на Белоруссии только тогда, когда мы на местах выясним этот вопрос.

Тов. Червяков указывает, что на Белоруссии теперь работают только Областной и Краевой комитеты, с очень малыми силами; поэтому туда нужно влить побольше сил.

Тов. Нецецкий считает, что политическое положение на Белоруссии вполне выяснено, и теперь мы имеем возможность нарисовать себе картину этого положения. Внесено и принято предложение о прекращении прений по данному вопросу.

Единогласно принята резолюция по п. п. 2 и 3 повестки дня, прилагаемая особо.

Заседание прервано в 4 часа дня до 6 часов вечера 22 декабря.

Заседание возобновилось в 6 час. вечера 22 декабря при тех же участниках конференции

4. Создание рабоче-крестьянского правительства на Белоруссии.

Тов. Устилович поясняет, что этот вопрос поставлен на повестку вследствие переговоров тов. Ковшило с представителями Облискомзапа.

Тов. Дыло высказал мнение, что наша конференция не правомочна окончательно разрешить этот вопрос. Но, считаясь с настоящим политическим положением Белоруссии, нам необходимо перебросить на Белоруссию свои силы и подготовить мнение трудящихся масс сообразно с пожеланиями секций.

Тов. Болбеко находит необходимым предварительное принципиальное суждение по этому вопросу в настоящей конференции, так как на месте в настоящее время вопрос этот стоит крайне остро. Мы должны подготовить созыв Всебелорусского съезда, которому и будет подлежать окончательное решение этого вопроса.

Тов. Беганский высказывается за то, чтобы конференция вынесла свое принципиальное мнение по этому вопросу: нужно ли создание власти на Белоруссии и какой именно, и затем наметить пути к организации рабоче-крестьянского правительства на Белоруссии.

Тов. Жилунович говорит, что не приходится доказывать необходимости создания рабоче-крестьянского правительства на Белоруссии. Мы должны послать туда свои силы и создать там атмосферу к созыву съезда.

Тов. Нецецкий как на очень важный факт указывает на отношение международного союзного империализма к этому вопросу. И с этой стороны создание рабоче-крестьянского правительства на Белоруссии явится важным козырем в руках Советской власти. В данный момент мы не можем говорить об этом в решительном тоне, находясь здесь. Нам необходимо наметить программу наших действий. Нам необходимо на месте организовать массы под нашим коммунистическим флагом и создать возможность созыва Всебелорусского съезда, который и явился бы выразителем воли народной в отношении к созданию правительства, а для этого нам необходимо бросить туда все свои силы.

Вынесено и принято предложение о прекращении прений по этому вопросу, единогласно принята резолюция, прилагаемая особо.

5. Предстоящие задачи белорусов-коммунистов:

а) создание объединенного бюро.

Тов. Устилович указывает на разрозненность в действиях и неосведомленность во взаимных работах, которые существовали до настоящего времени. Поэтому нам необходимо создать такой центр, который объединил бы все белорусские коммунистические секции и давал бы общее направление их работе.

Ввиду ясности вопроса прения прекращены.

Постановлено: создать Центральное бюро Белорусских секций Российской коммунистической партии (большевиков), местонахождение которого должно быть в г. Москве.

Выборы членов Центрального бюро решено произвести в конце заседания.

б) Реорганизация Белорусского национального комиссариата.

Заместитель заведующего Белорусским национальным комиссариатом тов. Чернушевич в кратких чертах охарактеризовал деятельность Белнацкома, указав на те тормозы и препятствия, которые мешали плодотворной его работе, на предпринятые Московской белорусской секцией РКП шаги к восстановлению престижа Белнацкома и осведомил конференцию о результатах переговоров по этому поводу избранной Секцией особой Комиссии с народным комиссаром по делам национальностей тов. Сталиным и его заместителем тов. Пестковским.

Тов. Дыло дополнил доклад тов. Чернушевича в части, касающейся переговоров с тов. Сталиным и тов. Пестковским.

Тов. Устилович осветил деятельность Белнацкома за время бытности его помощником заведующего Белнацкомом.

Тов. Червяков сделал доклад о возникновении Белорусского национального комиссариата и о его деятельности за время бытности его, Червякова, комиссаром по белорусским делам.

Тов. Жилунович сделал доклад о деятельности Белнацкома, остановившись на деятельности каждого из его отделов, отметив те положительные результаты этой деятельности, какие могли получиться в рамках той обстановки, в какой находился Белнацком. Отмечены особые результаты Культурно-просветительного, Беженского и Издательского отделов Белнацкома, а также и его отделений, как, например, Петроградского.

Тов. Нецецкий дополнил сообщение в части, касающейся переговоров с тов. тов.^п Сталиным и Пестковским, и сделал вывод, что Белорусский национальный комиссариат ничем не проявил себя, что, по его мнению, нужно поставить в укор бывшим его руководителям.

Тов. Устилович сделал дополнительные объяснения к своему докладу и высказал пожелание о необходимости переноса работ Издательского и Агитационно-политического отделов Белнацкома в Белоруссию.

Внесено и принято предложение о прекращении прений по этому вопросу.

После обмена мнений единогласно постановлено: существование Белорусского национального комиссариата признать необходимым и произвести реорганизацию его, в смысле замены некоторых руководителей новыми, более деятельными сотрудниками. Решено произвести теперь же выборы заведующего Белорусским национальным комиссариатом на место тов. Лагуна, которого ввиду нахождения в длительной командировке считать выбывшим из числа сотрудников Комиссариата.

Заведующим Белорусским национальным комиссариатом единогласно избран тов. Дмитрий Федорович Жилунович.

^п Так в тексте.

Тов. Чернушевич заявил Конференции, что ввиду крайне неблагоприятно сложившихся для него семейных обстоятельств он просит снять с него обязанности помощника заведующего Белорусским национальным комиссариатом и избрать на его место другое лицо, а его командировать на Белоруссию для партийной работы, для которой он считает себя более полезным, чем для службы в Комиссариате, и, с другой стороны, такая командировка выведет его из затруднительного семейного положения.

Постановлено: заявление тов. Чернушевича и его доводы считать основательными, освободить его от должности помощника заведующего Белорусским национальным комиссариатом и предоставить в распоряжение Центрального бюро Белорусских коммунистических секций, а на место его избрать другое лицо.

Большинством голосов (11-ю против 1-го при 4 воздержавшихся) помощником заведующего Белорусским национальным комиссариатом избран тов. Мазур.

Ввиду того, что заведующий Агитационно-политическим отделом Белорусского национального комиссариата тов. Клыш находится в командировке на Белоруссии по партийным делам и что Московской белорусской секцией РКП он как опытный и надежный политический работник предназначен для дальнейшей агитационно-политической и организационной работы на Белоруссии, постановлено: на место тов. Клыша избрать другое лицо.

Заведующим Агитационно-политическим отделом Белорусского национального комиссариата избран тов. Фома Данилович Болбеко.

Дальнейшие перемены в персональном составе Белорусского национального комиссариата предоставляется произвести Центральному бюро Белорусских коммунистических секций.

Заведующим Саратовским отделением Белорусского национального комиссариата постановлено: назначить Алексея Викентьевича Протоковского, а занимающего эту должность тов. Степанюка предложить Белорусскому национальному комиссариату отозвать как не коммуниста и не соответствующего своему назначению, который должен сдать все дела, документы, имущество, денежные суммы и отчетность тов. Протоковскому.

Заседание закрыто в 12 час. 15 мин ночи.

Следующее заседание назначено на завтра, 23 декабря в 10 час. утра.

Заседание открыто в 11 часов утра 23 декабря 1918 года; при тех же участниках конференции. Кроме того, явились представители от Минской белорусской секции РКП (большевиков) тов. Петр Герасимович Клыш и от Минского районного комитета РКП (большевиков) Эдмунд Сигизмундович Русецкий.

Председательствует тов. Жилунович.

На повестке продолжение обсуждения вопроса о реорганизации Белорусского национального комиссариата.

Тов. Жилунович делает сообщение о том, что в смету Белнацкома на первое полугодие 1919 г. внесено открытие отделения Белнацкома в г. Минске, но целесообразнее было бы вместо Минска открыть отделение Комиссариата в одном из городов России, где имеется большое количество белорусов, которым это отделение могло бы принести пользу как находящимся на чужбине и готовящимся к отъезду в родные места.

Тов. Дыло поддерживает это предложение.

Тов. Беганский предлагает передать этот вопрос на разрешение Коллегии Белорусского национального комиссариата.

Последнее предложение большинством голосов принимается.

Ввиду прибытия на конференцию представителей из Минска, решено теперь же заслушать их информации.

Представитель Минского районного комитета РКП (большевиков) тов. Русецкий, делая доклад о положении в Белоруссии, говорит, что активных работников для посылки в деревню в Минске почти нет, между тем как черносотенного элемента много. Облискомзап относится враждебно к белорусскому вопросу. Крестьянскими организациями ведают Военно-революционный комитет и Областной комитет. Работников на ответственные места нет, а в настоящий момент они так необходимы. Необходимо все силы направить туда. На Белоруссии надо создать крепкий революционный центр для проведения в жизнь и закрепления Октябрьской революции^о. Всю тяжесть работы нужно перенести в Минск. За неимением работников-коммунистов ответственные места даны бундовцам. Минская белорусская секция РКП (большевиков) вынесла постановление о перемещении из Москвы в Минск всего Культурно-просветительного отдела Белнацкома.

Тов. Ханин говорит, что в России меньшевиков и бундовцев принимают на службу только как технических работников, а у нас в Минске они допускаются на ответственные места. Поэтому нам необходимо всех активных работников-белорусов направить туда.

Тов. Русецкий указывает, что везде при уходе из Белоруссии немецких оккупационных войск у власти становятся два правительства, что вносит путаницу в жизнь края. И только благодаря подпольной работе тов. коммунистов управление краем постепенно переходит в руки одной власти. Тов. Русецкий указывает на ненормальные и дезорганизаторские действия Минской Чрезвычайной Комиссии.

Тов. Драко-Дракон говорит, что вообще работа Облискомзапа велась в крайне нежелательном направлении и не революционизировала, а дезорганизовала массы. Облискомзапцы, вероятно, и нам будут ставить всевозможные препятствия в нашей работе и организации разрешенных нам отрядов Красной Армии. Буржуазию изгнали из Белоруссии не красноармейцы, а партизанские отряды из беднейших крестьян, и поэтому нам придется считаться с нашим крестьянством.

Постановлено прекратить прения по этому вопросу и перейти к обсуждению вопроса об издании партийного органа.

Тов. Дыло говорит, что нам крайне необходим партийный орган и что он должен быть органом Центрального бюро Белорусских коммунистических секций. Газета должна издаваться в Минске. Средства можно взять из Центрального комитета РКП (большевиков). Газету эту печатать таким образом, чтобы она была понятна для деревни и служила средством подготвления крестьян к началам коммунизма. Издаваться она должна на белорусском и русском языках и иметь характер литературно-политический.

В таком же духе высказались т.т. Устилович и Беганский.

^о Так в тексте.

Постановлено: поручить Центральному бюро Белорусских коммунистических секций немедленно принять меры к приисканию необходимых средств и организовать издание партийной газеты под названием “Белорусская Правда”.

г) Агитационно-политическая и организационная работа (Белорусская Красная Армия).

Тов. Устилович заявляет, что о создании Белорусской Красной Армии много говорить не приходится. Необходимость этого вполне очевидна. Комиссаром Западной стрелковой дивизии⁷ уже изъявлено согласие с формированием при этой дивизии специального Белорусского полка. Необходимо только, чтобы все Белорусские коммунистические секции открыли немедленно вербовку и отправили товарищей в этот полк.

Тов. Русецкий рекомендует приступить к немедленному формированию Красных отрядов на местах для охраны границы ввиду того, что Белоруссия находится вблизи соседних контрреволюционных очагов. Вообще нам необходимо создание Белорусской Красной Армии в широком масштабе, для защиты мировой социалистической революции.

Тов. Устилович добавляет, что формируемый при Западной стрелковой дивизии Полоцкий полк и будет служить ядром для дальнейшей организации Белорусской Красной Армии, но нам желательно было бы создать еще и отдельные коммунистические отряды для немедленной отправки на места.

Тов. Жилунович находит необходимым, чтобы конференция вынесла определенное решение о формировании Белорусской Красной Армии, на которую мы могли бы рассчитывать как на оборону от всемирной контрреволюции. Если бы у нас своевременно была создана такая армия, то белорусскому народу не пришлось бы страдать 9 месяцев от ужасов немецкой оккупации. Красная Армия должна быть набрана исключительно из белорусов, но она должна охранять всю Российскую социалистическую революцию.

Тов. Драко-Дракон указывает, что белорусские крестьяне сами чувствуют опасность контрреволюции и сами охотно пойдут в Красную Армию.

По созданию Белорусской Красной Армии единогласно принята следующая резолюция:

Учитывая исключительно ответственное международное положение, в котором находится сейчас освобождаемая Белоруссия, конференция признает необходимым создание белорусских полков Красной Армии, почетной и ответственной задачей которых будет защита Белоруссии как одного из форпостов Великой российской социалистической революции при борьбе последней с мировым империализмом.

В задачах практического разрешения этого вопроса конференция постановляет: поручить Центральному бюро Белорусских коммунистических секций все руководство и заботу о формировании белорусских красных полков, для чего Секциям на местах, войдя в потребный контакт с советскими военными властями, приступить немедленно к вербовке красноармейцев и дальнейшей потребной организационной работе.

Политическим комиссаром формируемого сейчас в Москве Белорусского полка при Западной стрелковой дивизии назначить Михаила Фомича Драко-Дракона, присвоив полку наименование “Полоцкий”. Пополнение людьми этого полка предоставить заботам Белорусских коммунистических секций, находящихся в городах внутри Советской России, где имеется масса белорусов-беженцев.

Отправить сформированный в Петрограде добровольческий отряд белорусов-коммунистов в Минск, где он сможет послужить хорошим коммунистическим ядром для белорусских красноармейских полков, к сформированию которых там будет приступлено.

Конференция выражает уверенность в том, что в ближайшие же месяцы молодая Белорусская Красная Армия, наряду со старыми славными латышскими и иными красноармейскими полками, явится перволинейным бойцом и защитником социальной революции, откуда бы ей ни грозил международный воинствующий и хищный капитал.

При обсуждении вопроса о сельских коммунах тов. Дыло указывает, что создание коммун на Белоруссии необходимо для подготовки крестьянства к новому переходу в сельскохозяйственной жизни края.

Идея строительства сельских коммун начинает постепенно проникать в сознание крестьянства. В Витебской, Могилевской и Смоленской губ. эта идея успешно проводится в жизнь. Необходимо все крупные имения в Белоруссии использовать для коммун.

Тов. Русецкий указывает, что благодаря тому, что условия сельского быта на Белоруссии совершенно иные, чем в России, идея коммунального строительства у нас является вполне жизненной и легко осуществимой. Сильным ядром для образования коммун могли бы послужить батрацкие коммуны в помещичьих имениях. Белорусские массы не настолько уже темны, чтобы не сознавать пользы сельских коммун. В окрестностях Минска крестьяне уже описали живой и мертвый инвентарь помещичьих имений и взяли на учет. Взаимоотношения между батраками имений и местными крестьянами вполне благожелательные. Леса без ведома комитетов не рубятся. Все питейные заведения, существовавшие во время немецкой оккупации, закрыты местными совдепами.

В результате обмена мнений о работах по созданию сельскохозяйственных коммун, советских хозяйств и обобществлению сельского хозяйства на Белоруссии, конференцией единогласно принята следующая резолюция:

Видя в сельскохозяйственных производственных коммунах, помимо всех прочих сторон их ценности, еще и новую форму коммунистического строительства жизни, а также считая обобществление сельского хозяйства переходной ступенью к коммунам, Конференция признает особенную ценность строительства коммун и работ по обобществлению сельского хозяйства в белорусской деревне и призывает всех партийных работников, кроме общеполитической и культурно-просветительной работы, вести в деревне попутно и работу коммунального строительства. Белорусская беженская масса, лишенная в настоящее время возможности восстановить свое подворное хозяйство, заслуживает особого организационного внимания белорусской Советской власти в смысле перехода, при ее помощи, к коммунальному или обобществленному хозяйству. Наличие в крае помещичьих хозяйств с широким применением батрацкого труда, позволяет иметь уверенность, что коммуны будут также наиболее приемлемой формой и для сельского безземельного пролетариата.

Вместе с тем конференция высказывается за использование больших помещичьих имений под создание крупных советских хозяйств как хозяйств образцовых или максимально производящих сельскохозяйственные продукты, что позволит Советской власти с большим успехом разрешить продовольственный вопрос, разрушительного влияния которого так уверенно ждут враги рабоче-крестьянской власти.

Обсудив и осветив всесторонне вопрос о постановке культурно-просветительного дела на Белоруссии, конференция единогласно принимает следующую резолюцию:

Признавая чрезвычайную важность культурно-просветительной работы среди белорусского пролетариата и крестьянства, особенно в теперешнюю пору строительства новой коммунистической жизни, когда, с одной стороны, народная школа на Белоруссии даже старого дореволюционного типа, либо была эвакуирована и теперь уже почти потеряна для края, либо, оставшись на Белоруссии, была задушена немецкой оккупацией; с другой стороны, когда при наличии в крае социал-соглашательского элемента и нынешней пока еще слабости коммунистических сил на местах, дело просвещения может попасть в ненадежные руки, конференция постановляет безотлагательно направить на Белоруссию все руководящие силы и средства Культурно-просветительного отдела Белорусского национального комиссариата и его Петроградского отделения, оставив пока в Москве и Петрограде лишь самое необходимое. Этим самым будет дано потребное направление преобразованию старой школы в новую, единую трудовую, и положено прочное основание широкой внешкольной культурно-просветительной работе, первенствующую роль в которой должны играть все виды советских организаций и коммунистических объединений трудящихся, будя самодеятельность и народное творчество.

Заседание прервано в 3 час. дня, до 5 час. вечера.

Заседание возобновилось в 5 час. 30 мин. вечера 23 декабря при тех же участниках конференции. Кроме того, на конференцию прибыли представители Невельского^Р комитета РКП (большевиков) гг. Абрам Григорьевич Бейлин и Павел Иванович Волков.

Обсуждая вопрос о средствах для агитационно-политической и организационной работы на Белоруссии, тов. Дыло находит, что ввиду исключительного положения, в котором находится сейчас Белоруссия, нам необходимы крупные денежные средства, с которыми можно было бы широко развить работу строительства на Белоруссии. Ввиду того, что мы будем работать в широком масштабе общероссийской социальной революции, тов. Дыло выражает уверенность, что в этом отношении нам окажут помощь как партийный, так и советский центральные органы России. Тов. Дыло предлагает уполномочить Центральное бюро Белорусских коммунистических секций требовать необходимые средства от центральных российских советских учреждений и партийных организаций.

Тов. Беганский присоединяется к этому предложению.

Тов. Бейлин указывает, что так как Белоруссия не должна мыслиться как самостоятельная государственная единица, а как нераздельная часть Российской советской республики, то и средства должны отпускаться центральными органами российской Советской власти и партии.

Конференция постановляет: уполномочить Центральное бюро Белорусских коммунистических секций принять немедленно все меры к изысканию необходимых для организационной работы на Белоруссии средств.

При постановке на обсуждение вопроса об отправке на места для агитационно-политической и организационной работы белорусов-коммунистов и выработке инструкции для них тов. Жилунович предлагает передать этот вопрос для

^Р В тексте ошибочно – Ковельского.

рассмотрения и исполнения Центральному бюро Белорусских коммунистических секций.

Тов. Дыло дополняет это предложение тем, чтобы при посылке на места белорусских партийных работников не нарушалась работа в советских учреждениях России.

Оба предложения единогласно приняты конференцией.

Заслушав выработанные Московской белорусской секцией РКП (большевиков) тексты воззваний “К белорусскому народу” и “К белорусам-коммунистам”, конференция с некоторыми поправками одобряет таковые и поручает Центральному бюро Белорусских коммунистических секций поместить эти воззвания в русской прессе, а также отпечатать в возможно большем количестве экземпляров на белорусском и русском языках для широкого распространения.

6. Мобилизация белорусов-коммунистов.

Тов. Беганский указывает, что партийных работников на очищаемой Белоруссии слишком мало для того, чтобы справиться с той колоссальной работой, которую необходимо выполнить. Поэтому мы должны напрячь все свои силы и объявить для этой цели мобилизацию белорусов-коммунистов, отозвав их с занимаемых в Советской России мест.

После краткого обмена мнениями конференция постановила: немедленно произвести мобилизацию белорусов-коммунистов и отправить их для работы в Белоруссию. Техническое выполнение этого возложить на Центральное бюро Белорусских коммунистических секций.

1. Текущие дела.

Конференцией решено заслушать дополнительные информации с мест. Представитель Невельского комитета РКП (большевиков) тов. Бейлин, делая доклад о партийной работе и положении в Невельском уезде Витебской губ., говорит, что в г. Невеле насчитывается до 500 коммунистов и 200 сочувствующих. В Полоцкой волости до 300 коммунистов и 160 сочувствующих, в Сокольнической волости до 600 коммунистов и до 300 сочувствующих. Литература распространяется хорошо среди крестьян. В частях Красной Армии также имеются коммунистические ячейки, которые имеют свои клубы. В Невеле есть и бундовская организация, которая объявила себя будто бы левой, но в сущности ведет свою работу в старом направлении. Имеются в уезде и такие волости, где коммунистические организации развиты слабо и даже совершенно отсутствуют, в особенности в отдаленных от Невеля волостях, с преимущественно кулацким населением, в которых имели место восстания. Необходимо сказать, что в этих восстаниях участвовала и крестьянская беднота, что следует отнести к плохой фильтрации комитетов бедноты, которые стоят далеко не на должной высоте.

На заданный тов. Бейлину вопрос, известно ли ему о полоцких комиссарах, он ответил, что действительно полоцкие комиссары, неизвестно кем избранные, занимаются пьянством и бесчинствами. Немногочисленная по своему составу коммунистическая организация в Полоцке – бездействует и свежих сил в свою среду не принимает. Посланному из Облискомзапа товарищу не дают работать, распоряжениям Облискомзапа не подчиняются.

Прибывший на заседание Конференции тов. И.В. Лагун сделал следующий доклад:

Он был послан Центральным бюро коммунистических организаций оккупированных местностей в распоряжение штаба Западной стрелковой дивизии, а последним направлен в оккупированные местности Белоруссии для организа-

ции коммунистических ячеек. В полосе первой оккупации все села, деревни и местечки в течение около трех лет представляли из себя настоящие тюрьмы. Из селения можно было выйти только тогда, когда выгоняли на принудительные работы. Русская революция принесла некоторое брожение в умы населения. Но таковое не могло вылиться в какую-либо форму в условиях оккупации. Но когда началась революция в Германии, то и политическая жизнь в полосе этой оккупации зашевелилась. По крайней мере, правые социалистические партии получили возможность развить свою работу. Что же касается коммунистов, то при тяжелом режиме оккупации даже самое пребывание их в этой полосе не представлялось возможным. Теперь все население с надеждой смотрит в сторону России. Условия оккупации сделали свое дело, зародив в массах революционный дух. Но печально то, что почти полностью отсутствует какая бы то ни было партийная литература. Распространяемые воззвания Краевого комитета среди населения и немецких обозных войск жадно расхватывались. Жизнь в м[естечке] Барановичах во время оккупации всецело находилась в руках немецкой комендатуры. В настоящее время там создан городской Обывательский комитет, в который вошло 25% представителей партий Паолей Цион и Бунда; остальной состав Комитета – буржуазия. С ввозом и вывозом – саботаж. Теперь ведется подготовка по выборам в Советы. В районе оккупации находится 10 немецкая армия, которая морально разлагается, что очевидно даже с внешней стороны: страшный упадок духа, отсутствие подчинения, несмотря на всевозможные меры к обузданию солдатских масс. Солдатские советы реакционны и находятся в руках командования. В составе Барановичского совета был один из группы Спартака⁸, но и тот был отозван. Немцы уходят поспешно через Замирье–Барановичи, потому что если идут на Польшу, то обезоруживаются польскими легионерами. Беднейшее население чувствует в большевиках что-то святое, революционное, великое, но без руководителей не может как следует ориентироваться и организоваться. Буржуазия, купцы и помещики распространяют о большевиках самые нелепые слухи и при оставлении немцами края панически бегут, преимущественно в Варшаву. Немецкие солдаты находятся как бы в мешке и не имеют мало-мальски правильного представления о большевиках, рисуя их в самых фантастических красках. Вербовочные комитеты Довбор-Мусницкого⁹ работают слабо. Среди буржуазии большая растерянность, но, убегая, они надеются еще вернуться и перевешать всех большевиков; так, по крайней мере, высказался один помещик из-под Слуцка, некто Заблоцкий. Пленных из Германии⁴ довозят только до Баранович, а там бросают их на произвол судьбы, без приюта и пищи, вследствие чего многие замерзают и их хоронят ежедневно по 20 и 40 человек. Представителей Центропланбежа¹⁰ там нет. Пленные также напитаны самыми невероятными слухами о зверствах большевиков. В полосе первой оккупации дотла снесены целые деревни, и целые семейства возвратившихся беженцев бродят без приюта и поселяются в окопах. Немецкое командование в Барановичах обратилось к городскому комитету с предложением о сформировании отряда для обороны, якобы, еврейского населения от погромов, но это не удалось. Грабежи немецких солдат носят лишь случайный характер, преимущественно ограбляют помещиков. Были случаи

⁴ Речь идет о российских военнопленных Первой мировой войны.

вооруженного выступления против немецких солдат. На участке Лунинец сформирован железнодорожный отряд в 3000 человек, который занял эту линию.

Представитель Минской белорусской секции РКП (большевиков) тов. Клыш сделал доклад о политическом положении в Минске, об организации там Советской власти и с тем, как была организована в Минске Белорусская коммунистическая секция. Последней реквизирована гостиница “Сокол”, в которой открыт Белорусский пролетарский клуб, обставленный мебелью, реквизированной у княгини Радзивилл. Секция вела переговоры с представителями Облискомзапа, а также Краевого и районного комитетов коммунистических организаций Белоруссии и Литвы о контакте в работе и о солидарности, но положительных результатов пока не достигнуто. На членов Секции смотрят с недоверием и предубеждением. Необходимо направить туда как можно больше активных работников белорусов-коммунистов.

Приступлено к обсуждению вопроса о создании Центрального бюро Белорусских коммунистических секций. Тов. Дыло высказывает мнение, что Центральное бюро как главный белорусский партийный орган должно быть наделено полной свободой действий. Состав его должен быть из 10 членов, причем часть Бюро должна находиться в Минске, а часть в Москве.

Тов. Нецецкий против такого предложения и находит, [что] 10 членов – слишком много. Для того же, чтобы перенести наш партийный центр в Минск, мы должны еще созвать Всебелорусский партийный съезд и объявить себя Белорусской коммунистической партией. Предлагает избрать Бюро из 5 членов.

После обмена мнений постановлено: избрать Центральное бюро Белорусских коммунистических секций из 5 членов, местопребывание которого должно быть в Москве.

Произведенным голосованием избранными в члены Центрального бюро Белорусских коммунистических секций оказались:

1. Дмитрий Федорович Жилунович, получивший 17 избирательных голосов, при 2 воздержавшихся.

2. Фома Данилович Болбеко – 15 голосов, при 4 воздержавшихся.

3. Иосиф Степанович Нецецкий – 13 голосов, при 6 воздержавшихся.

4. Михаил Фомич Драко-Дракон – 12 голосов, при 2 против и 5 воздержавшихся.

5. Александр Григорьевич Червяков – 11 голосов, при 2 против и 6 воздержавшихся.

Тов. Осипа Леонтьевича Дыло, получившего 10 избирательных голосов, при 2 против и 7 воздержавшихся разрешено кооптировать в Центральное бюро в случае отсутствия кого-либо из членов.

По поднятому вопросу о созыве Всебелорусского съезда коммунистических секций постановлено: поручить Центральному Бюро Белорусских коммунистических секций созвать этот съезд после имеющей быть 27 сего декабря конференции в Смоленске.

Тов. Жилуновичем оглашена полученная Московской белорусской секцией РКП (большевиков) телеграмма из Смоленска за подписью секретаря Областного комитета РКП Кнорина[†] с приглашением прислать представителя на созываемую 27 сего декабря в Смоленске конференцию коммунистических организаций Северо-Западной области.

[†] В тексте – Кноринга.

После обмена мнений постановлено: делегировать на вышеуказанную конференцию 3 представителей из числа участников настоящей конференции.

Большинством голосов представителями на Смоленскую конференцию избраны: Петр Герасимович Клыш, Владимир Григорьевич Ханин и Иосиф Васильевич Лагун.

Конференция закончилась заключительной речью председательствующего тов. Жилуновича, благодарившего от имени Московского комитета Московской белорусской секции РКП (большевиков) все Белорусские коммунистические секции в лице их представителей – участников Конференции, за дружный отклик, результатом которого явилась та плодотворная работа и задачи, которые блестяще выполнила и разрешила конференция. Пожелав всем Белорусским коммунистическим секциям дальнейшего успеха в их ценной и чрезвычайно важной и полезной работе на благо трудящихся масс, тов. Жилунович предложил собранию исполнить “Интернационал”, который и был пропет всеми с единодушным подъемом и воодушевлением. Затем была исполнена Белорусская марсельеза¹¹.

Заседание закрылось в 12 час. 30 мин. ночи.

Председатель конференции

Секретарь

Резолюция,

принятая Первой конференцией Белорусских коммунистических секций по национальному вопросу, о политическом положении Белоруссии и взаимоотношениях между политическими партиями, а также по вопросу о создании в Белоруссии рабоче-крестьянского правительства.

Современное положение Белоруссии исключительно сложно и ответственно. Созданные Германским бронированным кулаком и Антантой государства Польши, Литвы и Украины, возглавляемые представителями крупной буржуазии и национал-шовинистами, с первых же дней своего существования проявляют стремление к империалистическому захвату и порабощению соседних с ними народностей, в том числе и Белоруссии. Германская оккупация совершенно разорила Белоруссию в экономическом отношении и в стремлении убить в корне революционное настроение рабочих и крестьянских масс, невиданными по своей жестокости репрессиями подавляла в корне всякое проявление самостоятельности и попытки белорусского народа к освобождению от ига поработителей; встречая на своем кровавом пути дружную поддержку духовенства, помещиков, капиталистов и всех видных прислужников, до социал-соглашателей включительно, пользующихся темнотой и несознательностью рабочих и крестьян, – вся эта свора старалась путем затемнения их разными лживыми и клеветническими инсинуациями по отношению к Российской Социалистической революции заглушить их классовое сознание и ненависть к своим вечным врагам капиталистам, дабы таким путем если и не совсем предотвратить, то оттянуть на возможно продолжительное время конец их неограниченного до сего времени владычества и глумления над рабочим классом. Но, несмотря на самое жесточайшее подавление всякого революционного брожения среди белорусского пролетариата и крестьянства, революционный дух в них не убит, а, наоборот, еще более революционизировал их. Благодаря 9-месячной вакханалии германского бронированного кулака, частью уничтожившей и отправившей в гер-

манские тюрьмы, частью же понудившей эмигрировать лучших вождей белорусского пролетариата и деревенской бедноты в Российскую социалистическую республику, расплыв их здесь по разным городам таковой. В настоящее время белорусский пролетариат имеет на местах очень мало сознательных и вполне подготовленных к социалистическому строительству работников. Оставшиеся же там легальные представители разных социал-соглашательских и национал-шовинистических партий стараются всеми силами использовать создавшееся для них временно благоприятное положение. Но мы знаем, что господа соглашатели, уживавшиеся с германским империализмом, при малейшем повороте мировой истории очень легко могут сменить германскую ориентацию на ориентацию американо-англо-французскую с тем, чтобы снова предать дело социальной революции на Белоруссии в руки литовских и польских помещиков, капиталистов и клерикального духовенства. Все эти знаменательные факты властно требуют создания сильного, выражающего волю белорусской бедноты Белорусского рабоче-крестьянского правительства в теснейшем контакте с Великой Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, которое смогло бы, при дружественной поддержке Российской социалистической революции, оградить белорусскую бедноту от надвигающейся мировой контрреволюции, под видом освобождения народностей от засилия “русского большевизма” и их самоопределения, и тем самым дать возможность и белорусскому пролетариату внести свою малую лепту на пользу назревающей Общемировой социальной революции.

Подлинный подписал:

Председатель Конференции *Д. ЖИЛУНОВИЧ*

Скрепил и верно: секретарь *ЧЕРНУШЕВИЧ*

Овальная печать Московской белорусской секции Российской Коммунистической Партии (большевиков)

Машинописная копия. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 4. Д. 95. Л. 18–32 об.

¹ Г. Ковшило (Ковтило) – активист белорусского национального движения, левый эсер, в 1918 г. – член Петроградской белорусской секции РКП(б).

² В.С. Фальский – активист белорусского национального движения, белорусский социал-демократ, в 1918 г. – член Московской белорусской секции РКП(б).

³ Муравьевщина – от фамилии М.Н. Муравьева, в 1863–1866 гг. – генерал-губернатора Северо-Западных губерний (Белоруссия и Литва), известного репрессиями против участников польского национального восстания 1863–1864 гг., которое в документе названо польским мятежом.

⁴ 18 ноября 1918 г. в условиях германской оккупации было создано временное правительство буржуазной республики Латвии. 17 декабря того же года образованное в подполье советское правительство Латвии в своем Манифесте объявило о переходе всей власти в Латвии к Советам. Эстонские коммунисты в России в середине ноября 1918 г. образовали Временный революционный комитет Эстляндии, после чего 19 ноября германская оккупационная администрация передала власть эстонскому буржуазному временному правительству. 29 ноября эстонские революционные полки заняли Нарву, где была провозглашена Эстляндская трудовая коммуна, расширявшая ареал своей власти по мере изгнания германских оккупантов.

⁵ Левица ППС – полонизм, аббревиатура от названия по-польски: левая часть Польской социалистической партии.

⁶ К.Б. Радек (Собельсон) – участник социал-демократического движения в Галиции, Польше, Германии. С 1917 г. – член РСДРП (б); в 1918 г. – сотрудник Народного комиссариата по иностранным делам.

⁷ Западная стрелковая дивизия была образована в сентябре 1918 г. из находившихся в России польских революционных частей. Приказом о формировании дивизии предусматривалось включение в нее “желающих польских, литовских и белорусских уроженцев-беженцев”. Кроме польских полков в дивизии с самого начала было запланировано создание литовского полка. На должность комиссара дивизии последовательно назначались лица из числа польских революционеров в России.

⁸ Группа “Спартак”, с ноября 1918 г. – Союз Спартака – революционная организация германских левых социал-демократов. 1 января 1919 г. преобразовалась в Коммунистическую партию Германии.

⁹ Ю. Довбор-Мусницкий – генерал-лейтенант царской армии, с августа 1917 г. – командующий I польским корпусом в составе русской армии. После Октябрьской революции вышел из подчинения Ставке Верховного главнокомандующего и использовал военную силу против развернувшейся аграрной революции, за неприкосновенность польских владений в Белоруссии. Чтобы избежать разоружения советскими войсками, Довбор-Мусницкий поставил корпус под покровительство наступавшей германской армии. Но бесчинства польских военнослужащих в отведенных им немецкими оккупантами пяти белорусских уездах вынудили германское командование в мае 1918 г. распустить I польский корпус. В документе речь идет о попытках его восстановления.

¹⁰ Центропленбеж – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев.

¹¹ “Белорусской марсельезой” называли популярную среди участников белорусского национального движения песню “Ад веку мы спалі”.

Э.С. ЯРМУСИК. Католический Костел в Беларуси в 1945–1990 годах. Гродно, 2006. 568 с.

Исследование истории религиозных конфессий – тема из разряда сложных в белорусской историографии. В советский период она не была востребована в силу ряда причин. Советское государство в разное время рассматривало религию и церковь то как контрреволюционную силу, то как пережиток прошлого в сознании людей. В каждом случае в этом общественном институте власть видела силу, с которой нужно бороться до ее полного исчезновения. Постепенно, целенаправленно, последовательно уничтожать, а не мириться с ее существованием.

Не случайно, что вся издаваемая в советское время литература, касающаяся религии и церкви, носила заведомо пропагандистский, “обличительный” характер. Особенно сильный удар приходился на католицизм, центр которого – Ватикан занял непримиримую к советской власти позицию из-за преследований религии в СССР. Однако жизнь все расставила по своим местам.

В новых условиях возникла настоятельная потребность в глубоком осмыслении места и роли религии и церкви на различных этапах истории страны, анализа позитивного и негативного опыта государственно-конфессиональных отношений. Все это требует иных, чем прежде, подходов к изучению конфессиональной истории, привлечения новых источников, учета достижений отечественной и зарубежной историографии в целях объективного, научного освещения событий и фактов, оценочных выводов.

Такие концептуальные подходы положены в основу рецензируемой монографии. Важно отметить, что монография написана на основании огромного количества исторических источников, как опубликованных, так и неопубликованных. Среди них – Национальный архив Республики Беларусь, Госархивы Гродненской и Минской областей, Госархив общественных объединений Гродненской области, Центральный архив КГБ и Архив управления КГБ по Гродненской области, Госархив Российской Федерации в Москве, Архив новейшей истории в Варшаве, Центральный войсковой архив в Рембертове (Варшава). В монографии использовано более 400 исследований как отечественных, так и зарубежных авторов.

Как историк, автор видел свою задачу в реконструкции истории католической церкви в Белоруссии в один из самых драматических ее периодов. Однако эта история не замыкается только в рамках одной республики. Автор избрал путь системно-блочного освещения ключевых аспектов предмета исследования. Он освещает положение католической церкви в БССР на фоне общественно-политической жизни в СССР, в контексте “восточной политики” Ватикана и связей с католической церковью Литвы и Польши. Столь панорамное исследование потребовало привлечения данных из смежных научных дисциплин – религиоведения, правоведения, политологии, социологии, культурологии.

Впервые не только в белорусской, но и зарубежной историографии дан комплексный анализ государственно-конфессиональной политики в СССР и ее реализации в Советской Белоруссии. Важно, что, характеризуя в целом значительные аспекты этой политики, автор акцентирует внимание на особенностях ее проявления в отношении к католической церкви. Можно вполне согласиться с утверждением о том, что советская власть сохраняла контроль над религией через систему административных, политических, идеологических и юридических учреждений, начиная от специального Пятого управления КГБ до Совета по делам религий при Совете Министров СССР. Все они, как правило, при этом руководствовались не столько правовыми нормами, сколько политическими и идеологическими соображениями. Эти меры включали тайное и явное наблюдение за деятельностью духовенства и верующих, административные санкции, пропагандистскую работу и др. (с. 251).

Используя документальные источники, прежде всего архивные, автор приводит ряд фактов в подтверждение своих выводов.

В послевоенный период в отношении католической церкви предпринимались противоправные акты, которые, однако, нередко прикрывались вполне законными действиями. Особенно это касается темы политических репрессий в отношении католического духовенства. Автор провел кропотливую исследовательскую работу, чтобы выявить всю подоплеку репрессивной политики, методы ее реализации. Так, по данным, приведенным в книге, из имеющейся у автора информации по 102 ксендзам, репрессированным в 1944–1953 гг., на сроки от 1 до 5 лет были осуждены 5 (4,9%), 6–10 лет – 37 (36,2%), 11–20 лет – 3 (2,9%), 12–25 лет – 49 (48,0%) (с. 128–129). Лишь после смерти И.В. Сталина начался пересмотр приговоров и возвращение ксендзов из сталинских лагерей. Но лишь с конца 1980 – начала 1990-х годов начался, незаконченный до сих пор, процесс их реабилитации.

Важной видится поднятая в монографии проблема закрытия костелов. К сожалению, из-за этой недальновидной по-

литики мы лишились многих бесценных творений нашей культуры. Автор пишет: “Кампания по изъятию костелов приобрела в республике ... масштабный характер. Стало обычным явлением изъятие местными властями у католиков костелов и приспособление их для других целей без разрешения Совета по делам религиозных культов при СМ СССР” (с. 296). Он осмысливает этот аспект антикатолической политики с культурологической и религиоведческой точек зрения: “Лишение костелов их земного предназначения означало не только уничтожение целого пласта истории народа. Уничтожалась традиционная духовная и бытовая культура. Костелы на протяжении веков почитались верующими как символы святости и поклонения. Проходя или проезжая мимо костела, верующие почтительно снимали шапки, крестились, тем самым отдавая дань уважения и Богу, и людям. Использование костелов не по их прямому назначению разрушало эту духовную связь, и тогда на костелы стали смотреть как на обычные здания” (с. 301). Приводимые по областям Белоруссии факты впечатляют. Так, только в Брестской области с 1949 по 1964 гг. было закрыто 44 костела. Многие из них переоборудовали под культпросветучреждения. Не переоборудованными, с крестами и куполами, оставались лишь 10 костелов (с. 301).

Важным аспектом монографии является исследование католической общности – светских католиков, их духовно-религиозной жизни. Как известно, из идейных соображений после Октябрьской революции в стране официально не велась статистика по вопросам вероисповедания. На основании критического анализа имеющихся в распоряжении автора данных, прежде всего отчетов уполномоченных Совета по делам религиозных культов, автор показывает численный состав католиков, религиозного актива. Правда, эти данные весьма относительны, и это отмечает сам автор. Однако приводятся интересные факты, которые свидетельствуют о динамике религиозной жизни на протяжении послевоенных десятилетий и, что весьма ценно, по областям и отдельным районам республи-

ки. Прежде всего, следует отметить в этом плане широкое использование статистических данных – религиозной обрядности, посещений костелов и др.

Автор, соглашаясь со своими предшественниками в том, что в советском обществе имела место тенденция отхода населения от религии, в первую очередь молодежи, показывает и факторы, способствующие ее сохранению. Помимо роли немногочисленного католического духовенства (к концу 1980-х годов в Белоруссии осталось около 50 ксендзов), огромную роль в защите католической церкви сыграли сами верующие.

Автор отмечает, что закрытие костелов, снятие с официальной регистрации религиозных обществ, арест ксендзов, лишение их “справок” на богослужения и другие действия органов власти по сужению сферы влияния католицизма вовсе не означало, что верующие добровольно откажутся от веры. В каждом католическом приходе находились десятки и сотни людей, которые самоотверженно сражались, в полном смысле этого слова, за свою веру, добивались назначения ксендзов на пустующие приходы, не позволяли уничтожать духовные святыни (с. 198).

Автор монографии правомерно усматривает связь советско-ватиканских отношений с положением католической церкви в СССР и БССР. Он показывает внутренние и внешние детерминанты, которые определяли эти отношения, впервые выделяет основные этапы в их развитии. Читатель узнает, что в этих отношениях были и конфронтация, и попытки сторон “найти приемлемые точки взаимопонимания и сближения” (с. 344). В этой связи автор подчеркивает важную роль в налаживании советско-ватиканского диалога во время встреч министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного, Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с Папой римским, представителем последнего кардинала Агостино Казаролли с руководящими функционерами Совета по делам религий при Совете Министров СССР и др. Несомненной удачей является обстоятельное рассмотрение анализируемых отношений в контексте

места и роли папы Иоанна Павла II в истории римско-католической церкви. Именно такой прием позволяет четко понять истоки нормализации отношений с Ватиканом, ставшей реальностью после встречи понтифика с М.С. Горбачевым в конце 1989 г.

Э.С. Ярмусик сумел показать особенности положения католической церкви в БССР и СССР. Сравнивая, например, религиозное положение в Литве, он пишет: “Литва была одной из немногих республик СССР, где католицизм не был повержен: здесь сохранились костелы, функционировало духовенство, не были полностью уничтожены административно-костельные структуры” (с. 355). На основании документального материала и исследований автор привел факты, свидетельствующие о роли Литовского епископата в активизации религиозной жизни в Белоруссии, особенно на Гродненщине.

Довольно обстоятельно анализируются связи духовенства и верующих Белоруссии с польской католической церковью, влияние последней на религиозную ситуацию в республике. Из исследования вытекает, что Польский епископат постоянно держал в поле зрения деятельность католической церкви в БССР, оказывая ей всестороннюю помощь. Правда, об этих связях можно судить только на основе советских источников. Более широкое использование зарубежных, их сопоставление с имеющимися у автора, только бы обогатило исследование.

Несомненным достоинством монографии являются приложения: 74 архивных документа, 56 таблиц, тезаурус (пояснительный словарь), именной указатель. Все это делает монографию Э.С. Ярмусика более панорамной, объемной, даже в какой-то степени “хрестоматийной”.

Доцент Э.С. Ярмусик является первопроходцем в изучении такой глобальной проблемы, как положение католицизма в Белоруссии. Его монография – первое комплексное исследование этой проблемы как в белорусской, так и зарубежной историографии. Несомненно, оно не лишено определенных недостатков. Автору следовало бы более тщательно продумывать в отдельных случаях выводы.

Порой более критического отношения требуют источники. Необходимо внимательно проработать внутреннюю структуру отдельных разделов.

В целом же монография Э.С. Ярмусика – это фундаментальный исторический труд.

© 2008 г. М. Стрелец

Славяноведение, № 4

ВОЗВРАЩЕНИЕ Д.И. ЧИЖЕВСКОГО

Дмитрий Иванович Чижевский (1894–1977), бесспорно, принадлежит к элите мировой славистики. В наши дни его научное наследие тщательно изучается во всем мире, конференции, ему посвященные, проходят в Германии, Чехии, на Украине. Лишь российская наука остается в большом долгу перед выдающимся ученым. Это объясняется его эмиграцией в 1920-е годы и последующей работой в Германии, Чехословакии, затем вновь в Германии, где он жил во время Второй мировой войны, в США и опять в Германии. Прочные связи ученого с украинскими эмигрантскими организациями и институтами создали ему в СССР репутацию реакционера и антисоветчика, хотя политикой он никогда не занимался. Обращение советских ученых к трудам Д. Чижевского, вошедшим в классический фонд мировой науки, по этим причинам было минимальным. “Возрождение”, точнее, освоение наследия Чижевского, начавшееся на Украине в период перестройки и приобретающее все большие масштабы, к сожалению, не затронуло русскую науку. Это тем более обидно и несправедливо, поскольку Чижевский, по его словам, представлял за рубежом не только украинскую, но и всю российскую (в дореволюционном понимании) научную школу, прежде всего славистику, хотя его научные интересы были чрезвычайно широки и включали в себя историю культуры, немецкую философию, филологию, культурологию. Поле его славистических исследований также было необычайно обширным – русистика, украинистика, богемистика, словаки-

стика, полонистика, кроатистика, комениология... По сути Чижевский являл собой редкий в XX в. тип универсального гуманитария.

За рубежом, прежде всего на Украине, в последние годы появился ряд работ об ученом. В России первой ласточкой стала книга доктора филологических наук Н.С. Надъярных, сотрудницы Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, под названием “Дмитрий Чижевский. Единство смысла” [1]. Такой почин можно только приветствовать, тем более, что автор поставила себе целью дать целостный образ творчества ученого. Однако по прочтении книги русский читатель испытывает определенное разочарование. Вместо подробного объективного анализа творчества выдающегося ученого автор книги о нем делает попытку описать стиль его научного мышления, очень часто далеко выходя за рамки своего предмета на просторы рассуждений общекультурного характера. Читатель часто ловит себя на мысли: а при чем тут Чижевский? Так, разделы “За парадоксами барокко и футуризма. Павло Тычина” и “Во власти иронической диалектики. Ф. Достоевский и Е. Замятин” к теме книги не имеют никакого отношения, так как творчеством Тычины и Замятина Чижевский не занимался, с ними не общался. Эти тексты – авторское исследование Н.С. Надъярных поэтики раннего Тычины и романа Замятина “Мы”, по-своему интересное, но нельзя же превращать монографию о конкретном человеке в сборник своих собственных исследований.

Рассмотрение творчества Чижевского в широком контексте культуры его времени, в его связях и интеллектуальных переключках с деятелями украинской культуры (см. раздел «Собеседование мышления» И. Франко и Дм. Чижевского» и др.) и русской эмиграции в Праге (особенно с А.Л. Бемом) довольно интересны, но все же недостаточно конкретны. Автор книги, отказавшись и от жанра биографии, и от исторического дискурса, встала на зыбкую почву «рассуждений вообще», порой напоминающих философскую эссеистику. Создается впечатление, что книга написана не маститым исследователем, а новичком от культурологии, лишь недавно приобщившимся к премудростям и терминологии модных в XX в. философских течений, прежде всего к феноменологии. Однако ни философский, ни культурологический подход также не выдерживаются. Часто текст превращается в лирические излияния автора по поводу предметов, которыми занимался Чижевский, или по поводу самого мыслительного процесса Чижевского. «Наука» и «субъективная эссеистика» в книге Н.С. Надъярных, к сожалению, не дали синтеза. В итоге фигура Чижевского остается скрытой обильными рассуждениями автора по многим проблемам, облеченными к тому же в крайне вычурную словесную форму. Такой исследовательский «маньеризм» затрудняет понимание материала, нарочито его усложняет, переводит дискурс исследования из научного-академического в постмодернистский.

К счастью, это происходит не всегда. Анализ интерпретации Чижевским творчества Сковороды, Шевченко, Гоголя, Достоевского сделан фундаментально, с глубоким проникновением в лабораторию исследователя. В ситуации, когда русский читатель почти не знаком с текстами Чижевского, обильное цитирование его работ (часто в русских переводах автора книги) выглядит вполне оправданным и полезным. В этой связи определенную ценность представляет собой Приложение. К сожалению, в оглавлении книги оно не расшифровано, что дезориентирует читателя. На деле под этим ней-

тральным заголовком помещены шесть небольших текстов Чижевского разной тематики, представляющие большой научный интерес.

Автор книги на одно из первых мест научных достижений Чижевского справедливо ставит реабилитацию барокко и анализ творчества Григория Сковороды. Оказывается, что Чижевский еще в 1941 г., очевидно одним из первых, выдвинул тезис о барокко как о «стиле эпохи», «стиле определенной культуры» [1. С. 145], тезис, до сих пор с трудом воспринимаемый многими отечественными культурологами, искусствоведами и филологами. Получается, что «панбарочная» концепция культуры XVII–XVIII вв., ныне как данность принятая зарубежной культурологией, в лоне которой она и разрабатывалась во второй половине XX в., во многом обязана своим возникновением именно Чижевскому. Интересно было бы проследить влияние в этом плане работ чешских исследователей, и не только Й. Вашицы, что делает Н.С. Надъярных [1. С. 148], но и З. Калисты, переключки с которым в понимании барокко очевидны при сопоставлении текстов обоих исследователей (см. [2]). Автор справедливо акцентирует, что именно благодаря работам Чижевского стала возможна реабилитация ценностей украинского барокко, формирование самого этого понятия [1. С. 146–147]. Более того, именно Чижевскому принадлежит плодотворная мысль о барочности украинской ментальности как национального типа [1. С. 34, 163], мысль, принимаемая в украинских кругах, но с недоумением отвергаемая редакторами в России, как смог убедиться автор данной рецензии на своем печальном опыте, пытаясь отстоять (безуспешно) соответствующие места в своих работах. Н.С. Надъярных по праву в специальном разделе рассматривает интерпретацию Чижевским творчества Г. Сковороды, которому ученый впервые в литературоведении отвел место в украинском барокко и включил его в мировой культурный контекст. Ясно, что теперь ни одно исследование о Г. Сковороде не может обойтись без имени Чижевского, что подтверждает недав-

няя книга Л.А. Софроновой [3], хотя автор и не использовала главного сочинения Чижевского на эту тему – “Философия Г.С. Сквороды” (1934).

Творчество Чижевского настолько многогранно и полифонично, что охватить его в одной книге, конечно, невозможно. Автор сделала попытку выделить то, что еще недавно было модно обозначать термином парадигма. В принципе ей это удалось. Однако русский читатель, практически незнакомый с Чижевским, сначала должен был получить его биографию в жанре “жизнь и творчество”, полный список трудов и только потом анализ его мышления. Биография ученого в книге Н.С. Надъярных, к сожалению, дана контурно, оставляя много вопросов. Так, недостаточно прояснены отношения Чижевского с властями фашистской Германии [1. С. 8, 22], в малом объеме освещены его связи с русской эмиграцией в Праге, нечетко сказано о крупнейшем открытии Чижевского – находке, издании и комментировании считавшегося утраченным эпохального труда Я.А. Коменского “Всеобщий совет об исправлении дел человеческих”. Н.С. Надъярных даже неверно указывает его латинское название [1. С. 6], не останавливается на вкладе Чижевского в комениологию, не указывает недавнюю русскую публикацию его статьи о Коменском [4], неправильно называет всё сочинение Коменского “Панагия” (правильный перевод – “Панавгия”), тогда как это лишь часть “Всеобщего совета”. Исключение комениологии из рассмотрения творчества Чижевского существенно обеднило портрет ученого, на которого идеи, содержащиеся в найденном им огромном труде великого чеха, безусловно, оказали влияние.

В работе также много мелких неточностей и недоработок. Читателю мало что говорит неоткомментированный перечень фамилий “достойных людей”, так или иначе связанных с Чижевским [1. С. 6]. Надо было четко сформулировать, что Тырновская школа – феномен болгарской, а не украинской литературы [1. С. 9]. Имя известного московского митрополита принято писать Киприан, а не

Киприан [1. С. 10], В.Л. Боровиковский был живописцем, а не писателем [1. С. 11], философ М. Штирнер жил не “в первые десятилетия XX в.”, а в первой половине XIX в., Ф. Миклошич почему-то назван “австрийским” славистом [1. С. 70], немец “Екегарт” [1. С. 121] у нас пишется как Мастер Экхарт, один и тот же человек на одной и той же строчке назван то “Домецким”, то “Доменецким” [1. С. 168]. Нуждаются в разъяснении некоторые термины, походя употребляемые автором, такие, как “автохтонное и национальное барокко” [1. С. 192], “национальные прасимволы” [1. С. 193]. Отсутствует Заключение, вместо которого помещен следующий абзац: “Концепция личностного сознания Чижевского в перипетиях традиционных духовных накоплений методологически масштабна, прогностически эффективна. А литературный процесс – так он же неостановим...” [1. С. 259]. Если смысл первой фразы нуждается в комментировании, то вторая фраза – бесспорна.

Книга Н.С. Надъярных при всех ее недостатках безусловно стимулирует интерес русской научной общественности к личности и творчеству Д. Чижевского. Однако, как уже отмечалось, его сочинения для российского читателя остаются малодоступными. Отчасти этот пробел можно восполнить (при знании украинского языка) благодаря новейшему четырехтомнику его трудов, изданному на Украине [5]. Хотя издание называется “Философские сочинения”, оно включает в себя, помимо работ на философскую тематику, более широкий круг сочинений, затрагивающих как филологию, так и культурологию. Однако, в соответствии с профилем издания, за его рамками остались такие фундаментальные труды Чижевского, как “История украинской литературы” (последнее издание – [6]) и “Украинское литературное барокко”, вообще не переиздававшееся после первой публикации в Праге во время войны [7].

Структура четырехтомника под общей редакцией В. Лисового следующая. Том 1 открывается статьями И. Валявко “Интеллектуальная биография Дмитро Чижевского: опыт научной ретроспекти-

вы” и В. Горского “Дмитро Чижевский как историк философии Украины”. В них содержится лаконичный и четкий очерк жизни и творчества Чижевского, приводится необходимый фактический материал, даются емкие оценки его вклада в науку, подчеркивается, что значение Чижевского для мировой науки еще не до конца оценено, что его идеи стимулируют современную славистику и историю философии, а сама фигура скромного в жизни ученого благодаря исследованиям его творчества разрастается до мировых масштабов. С этими утверждениями трудно не согласиться.

Затем следует публикация его знаменитого труда “Очерки по истории философии на Украине” (1931). Далее помещено сочинение “Философия Г.С. Сковороды” (1934). (Отметим в скобках грубую ошибку в оглавлении тома: вместо названия этой работы повторно напечатано название предыдущей.) Недоумения (библиографического характера) продолжаются. В авторском Предисловии указано, что эта украиноязычная работа, написанная в Галле в 1933 г., предвдваряет немецкоязычную публикацию, которая будет иметь иную структуру [5. Т. 1. С. 166]. Отсутствие библиографической справки в томе 1 (в последующих томах этот недостаток будет исправлен) затрудняет идентификацию данного сочинения. В статье В. Горского говорится о двух книгах Чижевского, посвященных Сковороде [5. Т. 1. С. XXXIII]. В книге Н.С. Надъярных приводится солидный список работ Чижевского о Сковороде, где, однако, упомянутых двух книг нет [1. С. 135], затем вдруг в сноске к одной из цитат появляется название искомой украиноязычной работы, но изданной не в Галле, а в Варшаве в 1934 г. [1. С. 138. Сноска 29]. Так или иначе, но именно эта работа является наиболее полным и глубоким исследованием Чижевским наследия Сковороды, обобщающим многие ранее написанные им работы на данную тему. Появление этого текста в современной, доступной многим публикации ученого, посвященные широкому кругу

проблем, объединенные под заглавием, данным редакторами, – “Между интеллектом и культурой”. Если с этим названием можно согласиться, то подзаголовок – “Исследования по истории украинской философии” вызывает возражения, так как далеко не все статьи имеют отношение к этой теме, наоборот, они ее превосходят, поскольку касаются проблематики общекультурного значения. Это такие без преувеличения гениальные статьи культурологического характера, как “На темы философии истории”, “Начала и окончания первых идеологических эпох”, “Культурно-исторические эпохи”, “К проблемам барокко”.

В том 3 включена почти забытая, но чрезвычайно ценная работа “Философия жизни Людовита Штура” в переводе С. Яковенко со словацкого языка по первому изданию, вышедшему в Братиславе в 1941 г. Интересно было бы выяснить, на каком языке была написана рукопись этой работы, историю ее создания, ибо даже в современном словацком штуроведении ей нет аналога. Том дополняют небольшие статьи разнообразной тематики, среди которых необходимо выделить блок статей, посвященных Я.А. Коменскому, и любопытнейшее мини-исследование “Философские изыскания в Советской России” (1928), посвященные, как пишет автор, “работам философов неофициального направления” [5. Т. 3. С. 413], прежде всего А.Ф. Лосева.

Том 4 занимает большая работа “Гегель в России”, переведенная с русского языка и являющаяся вариантом докторской диссертации Д.И. Чижевского. Ее значение для истории русской философии неоспоримо. Многие работы из тома 2 и целиком в томах 3 и 4 даны в переводах на украинский язык с немецкого, английского, французского, русского. Это вполне оправданно, так как издание ориентировано на современного украинского читателя.

Рецензируемый четырехтомник – выдающееся достижение украинских коллег, стимулирующее дальнейшее исследование феномена Чижевского. К недостаткам издания следует отнести отсутствие научных комментариев. Жаль, что на Украине не нашлось денег для подготовки

этого важного для украинской культуры издания: оно финансировалось, как сказано в выходных данных, Научным товариществом им. Шевченко в Америке из фондов Н. Данильченко и Украинской Вольной Академией Наук (США).

Очевидно, пришла пора издавать Д. Чижевского и в России, тем более, что значительная часть его наследия посвящена русской литературе и философии. Значение Д. Чижевского переросло узкие рамки той или иной национальной культуры, оно приобрело общеславянское значение, без его имени не обойтись истории ни украинской, ни русской, ни чешской науки. Его культурологические работы, особенно о барокко, имеют большое общетеоретическое значение. И, наконец, научной необходимостью представляется создание монографии об уче-

ном, охватывающей всю полиаспектность его деятельности.

© 2008 г. Г.П. Мельников

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Надъярных Н.С.* Дмитрий Чижевский. Единство смысла. М., 2005.
2. *Kalista Z.* Tvář baroka. Praha, 1992.
3. *Софронова Л.А.* Три мира Григория Сковороды. М., 2002.
4. *Чижевский Д.И.* Ян Амос Коменский и западная философия // *Коменский Я.А.* Сочинения. М., 1997.
5. *Чижевський Д.* Філософські твори. Київ, 2005. Т. 1–4.
6. *Чижевський Д.* Історія української літератури. Від початків до доби реалізму. Київ, 2003.
7. *Чижевський Д.* Український літературний барок. Нариси. Прага, 1941–1944.

Славяноведение, № 4

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

В недолгой пока истории белорусской этнолингвистики возможно, как представляется, выделить (впрочем, достаточно условно) периоды 1984–1997 и 1998–2007 гг., различающиеся как постановкой проблем и методологическими установками, так и репрезентацией материала, в том числе, что, бесспорно, важно, его объемом. Однако как и любая история, этнолингвистическое направление в белорусской гуманитарной науке имеет и предысторию. Ретроспективный анализ позволяет выявить некоторый круг работ 70–80-х годов прошедшего столетия, в которых нашла отражение фактически этнолингвистическая (интересно, что и собственно термин “этнолингвистический” (но в цитируемом тексте) впервые фиксируется в одной из работ этого времени [1. С. 198]) – с современной точки зрения, конечно, – тематика: “язык и культура”, “язык и фольклор”,

“язык/языкознание и этнография”. Безусловно, речь в данном случае идет о реализации собственных научных интересов исследователей.

Здесь, прежде всего, следует отметить работы, связанные с изучением культурной и обрядовой терминологии: о “Дунае” пишут Ф.Д. Климчук и В.В. Шепелевич [2], о “ламкании” и “железном человеке” в полеско-южнославянской перспективе – Г.А. Цыхун [3; 4], о полеском “кусте” – Н.П. Антропов и Р.М. Ковалева [5]; мифологическая лексика в чешском и словацком языках подробно исследуется в кандидатской диссертации Н.И. Зайцевой [6]. Не могли пройти мимо соответствующей лексики и авторы белорусского этимологического словаря, первые три тома которого увидели свет как раз в этот период [7]. Ареалогическая проблематика этнолингвистической направленности начинается работа-

ми Ф.Д. Климчука [8]; он же (в соавторстве с А. Видугирисом) пишет об этнолингвистических и религиозных отношениях в зоне балто-восточнославянского, но по преимуществу белорусского пограничья [9]. Фольклорным элементам во фразеологии современных славянских языков посвятила большую работу К.М. Гюлумянц [10]. Наконец, в новаторском для того времени первом этнолингвистическом сборнике, посвященном Полесью [11], который фактически открыл для научной общественности заявленное направление, Ф.Д. Климчук публикует материалы по традиционной свадьбе своего родного села [12] (развитие темы см. в [13]).

Зарождение собственно белорусского этнолингвистического направления, вначале в языкознании, а затем в смежных науках гуманитарного цикла, есть основания отнести к 1984 г., когда в Полесскую экспедицию Института славяноведения и балканистики АН СССР, которой с начала 1960-х годов бессменно руководил акад. Н.И. Толстой, влились белорусские участники, прежде всего автор настоящей статьи и студенты руководимого им спецсеминара филфака Белорусского университета “Актуальные проблемы белорусской и восточнославянской этнолингвистики”. В деятельности семинара, работавшего на протяжении 10 лет (1984–1993), реализовывались два направления: экспедиционное и исследовательское. В рамках первого ежегодно проводились экспедиции по сбору вначале преимущественно в Западном Полесье материала, включавшегося в Полесский архив Института славяноведения (для планировавшегося ранее, до Чернобыльской катастрофы, Н.И. Толстым и его коллегами “Полесского этнолингвистического атласа”) (об этом, а также об участии в полесских экспедициях студентов и преподавателей Гомельского университета, подробнее см. [14. С. 383–391]); позже – на всей территории Белоруссии в целях создания архива “Беларускага этналінгвістычнага атласа” (БЭЛА). В процессе проведения диалектологической практики участие в этой работе в разные годы принимали студен-

ты Белорусского университета, Брестского и Витебского пединститут (ныне университеты), что потребовало создания специальных инструкций. К настоящему времени оказались обследованными по единой программе (“Народная культура Беларусі” – несколько модифицированная программа “Народная культура Полесья” [11. С. 47–49]) более 550 населенных пунктов Белоруссии. Создан архив атласа со вспомогательными картотеками, который сейчас постепенно переводится в электронную версию. Исследовательская работа студентов семинара заключалась, естественно, в подготовке курсовых и дипломных работ. Всего за 8 лет (1986–1993) было подготовлено и защищено около 25 дипломных сочинений, касавшихся практически всех сфер современной этнолингвистики. Многие из этих работ имели серьезное научное значение, но одна, обобщившая имеющиеся на тот час архивные материалы БЭЛА, носила, безусловно, новаторский характер – это дипломная работа Т.Р. Федукевич и И.Т. Шешко “Белорусский этнолингвистический атлас: материалы, пробные карты”. В семинаре начинали исследовательскую работу ныне кандидаты филол. наук Т.В. Володина, И.М. Суховицкая и И.А. Жилинская. Ряд научных публикаций имеют В.В. Казначеев, М.А. Исаченкова, Е.Л. Шириня.

Значительную роль в развертывании этнолингвистических исследований в Белоруссии сыграла научно-исследовательская лаборатория белорусского фольклора и диалектологии, открытая в 1981 г. на филфаке Белорусского университета (до 2005 г. ею заведовал известный белорусский фольклорист В.Д. Литвинко, обобщением его исследований явилась монография, посвященная фольклору и этнокультуре Полесья [15]). Именно здесь в 1986–1995 гг. выполнялась научная тема “Этнолингвистическое исследование Белорусского Полесья”, входившая в План координационных исследований АН СССР.

В конце 90-х годов прошедшего – начале нынешнего столетия выявилось, что в белорусских исследованиях гуманитарной направленности налицо все более

интенсивное, а методологически более строгое, хотя, разумеется, далеко не всегда, обращение к этнолингвистике, уже утвердившейся и зарекомендовавшей себя в соседней России (прежде всего в Москве, но также Екатеринбурге, Петербурге и других центрах) и Польше (Люблин). Активизируется своеобразный диалог между отдельными научными школами и дисциплинами, когда фольклористы, этнографы, культурологи и, прежде всего, лингвисты в русле актуализируемой в гуманитарной науке антропологической парадигмы все чаще обращаются к экстралингвистическому комментированию и развертывают свои исследования на широком этнокультурном фоне.

Современную белорусскую этнолингвистику отличает от родственных, как представляется, отсутствие единого, пусть и разветвленного, но внутренне гомогенного научного русла, наподобие московского и люблинского этнолингвистических направлений с определившимися теоретической и методологической базами, но что самое важное – с группами ученых, которых в свое время объединила центральная идея этих школ, а именно целенаправленная многолетняя подготовка к фундаментальным изданиям общеславянского характера и значения [16; 17]; симптоматично, что собственные научные интересы отдельных ученых – представителей этих направлений, ныне реализованные в ряде крупных монографий, возникали как раз в рамках главных. К настоящему времени стало совершенно очевидным, что белорусская этнолингвистика в общетеоретическом плане представляет собой *конгломерат идей*, реализуемых в научных центрах Белоруссии, прежде всего в вузах всех регионов, с разной степенью масштабности и разной скоростью, поэтому предлагаемый ниже обзор публикаций этнолингвистического характера белорусских специалистов за 1985–2006 гг. (из них в обзор включены практически все оказавшиеся доступными автору материалы, хотя степень их репрезентации различна. Не описаны работы, достоверность и научная ценность которых, по

мнению автора, спорны или прямо сомнительны. Разумеется, жанр обзора не предполагает оценочных характеристик) представляет собой анализ реализации этих идей, выделенных в отдельные рубрики.

Лингвистическая экстраполяция этнолингвистики. Этот подход, один из наиболее близких теоретическим и практическим устремлениям славянской этнолингвистики, в частности Московской этнолингвистической школы (для ее создателя академика Н.И. Толстого собственно лингвистическая составляющая этнолингвистики, как известно, всегда представляла особую ценность), нашел отражение в ряде работ. Проблемы общего характера темы “язык и культура” на рубеже 1980–1990-х годов интересовали А.Е. Супруна [18] и Я.Л. Трембовольского [19]. К исследованиям обрядовой терминологии и демонологической номенклатуры относятся работы этого же периода, принадлежащие Н.П. Антропову [20–23]. “Этимологическую”, но одновременно и “диалектологическую” ветви этнолингвистического древа иллюстрируют девять этюдов Г.А. Цыхуна, посвященные этимолого-этнолингвистическому анализу отдельных лексем и словосочетаний, записанных в селах Туровского региона Полесья, причем в ряде случаев результатом этого анализа являются глубокие выводы этногенетического характера, в частности о миграционных процессах предшествующих эпох [24]. В статье, посвященной “цветному” наименованию *Беларусь* [25], он реконструирует глубинную семантику словосочетания *белый свет* (= ‘новое пространство’) как пространственную реализацию оппозиции ‘внутренний/внешний’, где *белый* ‘внешний’ противопоставлен иным “пространственно-ориентированным” цветам. Собственно этимологическим поискам в сфере славянской теонимии, а также скрытой семантики некоторых атрибутов древних славянских божеств (например усов) на широком славяно-иноязычном, в частности славяно-иранском, -кельтском, -греческом, фоне, что, в сущности, манифестирует диалектологию древней религии славян, посвя-

тил ряд публикаций В.В. Мартынов [26]; “этнолингвистическую” этимологию западнополесского мифонима “русавы дзед” недавно предложил Г.А. Цыхун [27].

Этнолингвистическое исследование, предполагающее описание двойного отражения, а именно фрагмента действительности в сознании носителя культуры и фрагмента сознания в языке, направлено, с одной стороны, на определение специфики национально обусловленного восприятия действительности в сознании представителя этноса, а с другой – на выявление особенностей языковой трансляции информации о данном фрагменте реальности. В этом русле выполнен ряд работ, затрагивающих вопросы обрядовой лексики и терминологии. О погребальной лексике в белорусских говорах пишет Ф.Д. Климчук [28], о символике ткаческой лексики в белорусском фольклоре – В.Ф. Трайковская [29], о лексике весеннего обрядового печенья – М.А. Исаченкова [30]; она же, привлекая весьма репрезентативный материал, подробно описывает обрядовую лексику белорусской Масленицы на широком фоне обрядово-ритуальной семантики масленичного комплекса [31] (см. также [32]). Свадебную терминологию активно исследует Ж.М. Селюжицкая из Бреста [33]; описанию семантического поля “одежда” и, в частности, свадебного костюма в этнолингвистическом аспекте посвящены работы могилевчанок Г.А. Кожуриной и Т.С. Воробьевой [34; 35], а также диссертационное сочинение И.В. Пивоварчик из Гродно, представляющее этнолингвистическую характеристику номинативного ряда белорусского свадебного костюма [36]. В монографии гомельской исследовательницы Е.И. Холявко [37] на широком этнокультурном фоне изучены вторичные номинации с исходным значением “кривой, гнутый” в белорусском и русском языках. Отдельные лексемы “культурного” пласта белорусской лексики анализируются в работах [38–42]. Различным видам взаимоотношений языка и культуры в полиэтничном регионе Белорусского Поозерья посвящена коллективная монография витебских ученых [43]. Этнотопонимии Белоруссии на

фоне этнической истории посвятил монографию гомельский языковед А.Ф. Рогалев [44].

Этнолингвистическая география и ареалогия. Как отмечалось выше, в начале 1990-х годов в рамках спецсеминара “Актуальные проблемы белорусской и восточнославянской этнолингвистики” возникла идея этнолингвистического атласа (БЭЛА) как типа издания, наиболее соответствующего интерпретации собранного материала по традиционной духовной культуре. Предварительная реализация задуманного была осуществлена в упомянутой работе семинаристок Т.Р. Федукевич и И.Г. Шешко, в которой были представлены восемь пробных карт (в те же годы опубликовано несколько работ, также связанных с проблематикой этнолингвистической географии, см. [45]). В то время по ряду причин работа над атласом прервалась и возобновилась лишь сравнительно недавно (см. несколько статей Н.П. Антропова, в которых обобщен материал, относящийся к трем из 65 вопросам программы [46]). 15 карт, относящихся к лексике традиционной народной культуры Берёзовского микрорегиона Западного Полесья, приводит Л.В. Леванцевич из Бреста в лексическом атласе говоров этого района [47. Карты 76–90]. Ареальному представлению западнополесских поверий о русалках посвящено исследование Ф.Д. Климчука [48. 6 карт]. Картографирование наиболее существенных элементов белорусской масленичной традиции проведено М.А. Исаченковой [31. 6 карт].

Этнолингвистика, речевое поведение и прагматика общения. Описанию и анализу этнокультурных стереотипов коммуникативного поведения посвящено докторское исследование и монография И.И. Токаревой [49]. Лингвистический аспект культурно-национальной специфики поведения на материале русской и белорусской фразеологии подробно анализирует в статьях и кандидатской диссертации витебская исследовательница О.В. Данич [50]. Обращение к лингвосомиотическим оппозициям в прагматике общения позволили М.И. Конюшкевич (Гродно) продемонстрировать специфику

знакового пространства белорусской речевой культуры, которое формировалось прежде всего на оси своеобразной “интимизации” – не в отвергании и уничтожении “чужого”, а во включении его в “свое” [51].

Этнолингвистика и фразеология. Весьма плодотворно в Белоруссии развивается этнолингвистическое исследование фразеологии. Органичность этнолингвистической методологии при обращении к устойчивым языковым единицам обусловлена тем, что эта сфера языка и речи обладает мощным культуроведческим потенциалом: во-первых, фразеологический материал, как известно, напрямую обращен к этнокультурной информации, имеющей системно-этноязыковую характер; во-вторых, фразеологический фонд кодирует информацию о восприятии человеком окружающей действительности; наконец, фразеологический материал тесно взаимодействует с иными сферами традиционной духовной культуры, оказывается органично вписанным в ее контекст. Этнолингвистическое направление становится одним из приоритетных в современных фразеологических исследованиях, в рамках которых фразеологизм рассматривается как итог, но одновременно и как способ культурно-национального мировидения, а интерпретация его семантики неминуемо приводит исследователя к проблематике культурного контекста.

Решение этих задач входит в компетенцию этнофразеологии, сравнительно нового лингвистического направления на пограничье фразеологии и этнолингвистики, предмет которого – изучение устойчивых словосочетаний в этнокультурном аспекте. Наиболее полно этнофразеологическая проблематика представлена в работах признанного главы этого направления в белорусской этнолингвистике гомельского лингвиста В.И. Ковалева [52]. В монографии и брошюре, посвященных восточнославянской этнофразеологии, которые предварили докторскую работу [53], проводится системный анализ фразеологизмов, относящихся к сфере народной духовной культуры: устанавливается их дериваци-

онная база, описываются основные фразеологические модели, определяются соотношения между деривационными закономерностями и характером семантики фразем, что позволяет, по мысли автора, наиболее объективно оценивать внутреннюю форму устойчивых словосочетаний в диахронии. Примеры отдельных этнофразеологических этюдов, кроме отмеченных выше, в том числе на материале фольклорной фразеологии любовно-эротической семантики, см. в [54]. Рассмотрение фразеологизма прежде всего как культурного знака присуще работам А.С. Аксамитова [55], Т.В. Володиной [56], Т.С. Воробьевой [57], С.В. Голяк [58] (на материале белорусского и сербского языков), Г.И. Лопатина [59], В.А. Масловой [60], Т.Р. Рамза и А.Л. Садовской [61], Е.И. Холяк [62], Л.В. Чернышовой [63] и др. Логическим завершением разысканий А.Л. Садовской явилась кандидатская диссертация, посвященная этнолингвистическому аспекту исследования белорусских фразеологизмов с компонентом-орнитонимом [64]. Вопросы исследования устойчивых выражений в этнолингвистическом аспекте заинтересованно обсуждались на соответствующих секциях шести традиционных научных конференций, организованных В.И. Ковалем, в Гомеле (1999–2007 гг.).

Этнолингвистика и лингвокультурология. Лингвокультурологическая проблематика, столь близкая этнолингвистическому направлению, в частности той сфере этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии, развивается в Витебске (см. работы В.А. Масловой [65] и ее учеников). К предмету лингвокультурологии исследовательница относит безэквивалентную лексику и лакуны; мифологизированные языковые единицы (обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке); эталоны, стереотипы, символы, ритуалы; образы; стилистический склад языка; речевое поведение; взаимодействие религии и языка; языковой этикет и, безусловно, паремнологический

и фразеологический фонды языка, т.е., собственно, то же, что интересует и этнолингвистов. Однако В.А. Маслова ограничивает лингвокультурологию от этнолингвистики на основании того, что, по ее мнению, “этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале найти исторические факты того или иного этноса, а лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры” [66. С. 11]. К этому направлению концептуально близки взгляды Л.Н. Чумак, наиболее полно реализованные в монографии, посвященной лингвокультурологическому аспекту сопоставительного синтаксиса белорусского и русского языков [67], и С.И. Санько [68].

С идеями “антропологической лингвистики”, которые плодотворно реализуются в работах представителей школы Н.Д. Арутюновой (см. серию изданий “Логический анализ языка”), связана существенная часть научных интересов Н.Б. Мечковской, ср. соответствующие разделы ее монографий [69].

Этнолингвистика и когнитология. Рассмотрению проблематики универсального и национального в разных языках и культурах, коррелирующих с научными исследованиями, выполняемыми в русле этнолингвистики, посвящается ставшая уже традиционной международная научная конференция “Национально-культурный компонент в тексте и языке” (Минск, 1994, 1999, 2005). Идея обсуждения этой проблемы и концепция конференции принадлежат С.М. Прохоровой. В ряде ее работ [70] манифестируется актуальность изучения национально-культурного компонента в русле когнитивной лингвистики. В настоящее время в центре научного дискурса находится текст как одна из основополагающих лингвистических категорий, а также разнообразные репрезентации языковой картины мира, являющиеся ключевыми понятиями общей теории семантики и в целом теории познания. Необходимое внимание при этом уделяется изучению национальных концептов, предполагающему обращение к собственно этнолинг-

вистической методологии (сравни, например, [71–73]). Языковым этническим стереотипам, которые зафиксировали белорусские, русские и польские лексикографические источники XIX в., используя метод когнитивной дефиниции, обоснованный в свое время Ежи Барминьским, посвятила кандидатское исследование О.В. Поталова [74] (см. также [75]). Особое место в этом направлении принадлежит исследованиям Е.Н. Руденко: о концепте “свобода” в связи с этнокультурным самосознанием белорусов ([76] совместно с Ю. Чернявской), а также о концептуальной метафоре, понимаемой как “установление связи между двумя фреймами на основании сходства некоторых их признаков” [77. С. 202].

Белорусско-иноэтничный дискурс этнолингвистики. Для белорусской этнолингвистики (как, впрочем, и для любой славянской) сопоставительные исследования являются совершенно естественными; представляется, однако, что они обусловлены, кроме научной традиции и собственных предпочтений отдельных ученых, постоянным, хотя и изменяющимся, полиэтничным характером населения Белоруссии. Внимания, по нашему мнению, заслуживают следующие (включая, разумеется, описанные выше): белорусско-восточнославянские [78]; белорусско-русско-польские [79; 80]; белорусско-словацко-болгарские [81]; белорусско-русские [82–85]; белорусско-словацкие [86; 87]; белорусско-болгарские [88; 89]; белорусско-сербские [90; 91]; а также восточнославянско-сербские [92], наконец, полесско-индо-иранские [93] и собственно полабские [94]. О языковой и семантической трансформации заимствований в языке традиционной культуры на примере лексемы *иордань* пишет Н.П. Антропов [95]. Этнокультурные стереотипы и этноконфессионалы на пограничье культур в Белоруссии в центре внимания совместных публикаций Н.П. Антропова, Е.М. Боганевой и Т.В. Володиной [96]. Безусловный интерес вызывают две статьи А.А. Кожинной в соавторстве с М.В. Тарелко, посвященные этнолингвистическому анализу фрагментов обнаруженного ими китаба – татарского хамаи-

ла (молитвенника), написанного большей частью на белорусском и польском языках, в котором кроме собственно молитв находятся описания обрядов и ритуалов, лечебные рекомендации, объяснения снов и т.п. [97].

Этнолингвистика и этнография (материальная культура). Замечательным (западно)полесским надгробным надгробиям – *нарубам* – посвятил статью Г.А. Цыхун [98], подробно проанализировавший как их названия, так и наименование подобных надгробных памятников, а также сопутствующих реалий типа *прыклад*, *прыхором*. Семиотике орнамента традиционного костюма, преимущественно женского, рушников и т.п. в связи с фольклорными жанрами и мотивами посвящены работы директора Ветковского музея народного творчества (Гомельская область) Г.Г. Нечаевой, чья исследовательская концепция и результаты изучения материала нашли отражение в фундаментальном издании об орнаментах Поднепровья [99] (см. также [100; 101]).

Этнолингвистика и фольклор. Объектом этнолингвистики в широком понимании является вся народная культура, все ее виды, жанры и формы, в том числе, конечно, и фольклор. Отчетливо выделяется блок работ, в которых проводится этнолингвистическая интерпретация фольклорного материала, т.е. материал отдельных фольклорных жанров изучается посредством лингвистической (в некоторой степени – общесемиотической) методологии. Прежде всего, это работы Н.П. Антропова [102], И.А. Жилинской [83] об основополагающих пространственно-временных координатах концептуальной мифопоэтической модели мира восточных славян, реконструируемых в языке белорусских и русских заговоров, и Е.А. Казанцевой [80], которая, привлекая весьма обширный материал белорусских, русских и польских загадок, описывает денотативную структуру энигматического текста. Материал заговоров привлекает в исследовательских целях И.Г. Евтухова [103], загадок – Н.П. Антропов [104] и Л.Р. Супрун-Белевич [105], считалок – А.Г. Литвинов-

ская [106], паремий – Т.Р. Рамза, А.Л. Садовская [61] и Л.В. Чернышова [63]. Малые жанры белорусского фольклора проанализированы Т.В. Володиной в монографии “Малыя жанры. Дзіцячы фальклор” [107].

Если же говорить о белорусской фольклористике последних десятилетий, то в ней все отчетливее прослеживается стремление рассматривать все текстовые комплексы не в жанровом отношении, а как сложную систему символических кодов, интерпретация которых совершенно логично приводит к выявлению и описанию существенных для культуры смыслов, независимо от того, в какой форме и в какой субстанции они выражены – в слове или действии, закреплены ли эти смыслы за предметом, за свойством предмета и т.п. В обозреваемый период появился ряд работ, посвященных описанию отдельных кодов: погребального [108], дендрологического [109], предметного и соматического [56; 110; 111], пространственного [112; 113], орнитологического [114], астрономического [115].

Комплексный этнолингвистический метод оказывается особенно продуктивным при исследовании архаических форм различных обрядовых действий и мифологических представлений. Этот метод, предполагающий достаточные критерии разграничения типологических сходжений и генетического тождества, опирающийся на строгую локализацию регистрируемых фактов, позволяет на новом уровне описывать такие явления народной культуры, как культ предков [116], представления о русалках и поздневесеннюю обрядность [117] (см. также [118]), “кустовой” обряд [119], мифологические верования [120]. Мифоритуальные и этнолингвистические аспекты народной медицины белорусов рассматриваются в цикле статей Т.В. Володиной [56] (см. также [121]). Мифологии и демонологии посвящены работы Н.П. Антропова [22], Е.И. Холявко и П.М. Чайкуна [122], С.Л. Иванова [123], В.В. Казначеева [124], В.И. Коваля [125], В.А. Василевича [126] и др.

Московские публикации в 1995 г. энциклопедического словаря “Славянская

мифология”, а также первого выпуска этнолингвистического словаря “Славянские древности” явились толчком к подготовке энциклопедического словаря “Беларуская міфалогія” [127], в значительной части статей которого (именно Т.В. Володиной, В.А. Лобача, С.И. Санько) предпринимается попытка выделить и истолковать основные семантические единицы мифологического “языка” духовной культуры белорусов. В несколько меньшей степени, в связи со спецификой издания, поиски в этом направлении присутствуют в статьях специализированной энциклопедии “Беларускі фальклор” [128].

Подводя краткие итоги представленного обзора научных публикаций в обширной сфере этнолингвистического направления и работ, органично связанных с его специализацией, можно, как представляется, сделать выводы о том, что: 1) в белорусской этнолингвистике успешно, хотя, может быть, не вполне гармонично, осваиваются практически все ныне возделываемые поля; 2) более целевому развитию направления способствовало бы, несомненно, появление соответствующей академической (университетской) институции в виде лаборатории/кафедры/отдела, предметом научной деятельности которой явилась бы исключительно этнолингвистика. (Публикация подготовлена при участии Т.В. Володиной.)

© 2008 г. *Н.П. Антропов*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веренич В.Л.* Состояние и перспективы исследования “польщизны кресовой” // Польские говоры в СССР. Минск, 1973. Ч. 1 (Исследования и материалы 1967–1969 гг.).
2. *Климчук Ф.Д., Шелелевич В.В.* “Дунай” в традиционном фольклоре двух деревень Надгьясельдя // Культура та побут населення українських Карпат (Мат-ли респ. наук. конф. Тези доповідей та повідомлень). Ужгород, 1972.
3. *Цыхун Г.А.* К проблематике белорусско-болгарских языковых связей // Бюлетин за съпоставително изследва-
- не на българския език с други езици. София, 1976. Година първа. Брой пети.
4. *Цыхун Г.А.* Два полесско-южнославянских соответствия: 1. “Ламкание”; 2. “Железный человек” // Полесье и этногенез славян: Предварит. мат-лы и тез. конф. М., 1983; *Цыхун Г.А.* “Железные чалавек” // Беларуская этнаграфія: Энциклапедыя. Мінск, 1989; *Цыхун Г.А.* Тры беларуска-балгарскія ізаглосы. 3. Беларуская *жэлежны (железны) чалавек і балгарскае жалезен чуквек* (казачны персанаж, міфічная істота) // Беларуская лінгвістыка. Мінск, 1996. Вып. 46.
5. *Антропов Н.П., Ковалева Р.М.* О пространственно-временных границах обряда “куста” // Веснік Белдзяржуніверсітэта. Мінск, 1980. Сер. 4. № 3.
6. *Зайцева Н.И.* Мифологическая лексика в чешском и словацком языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1978.
7. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–1985. Т. 1–3.
8. *Климчук Ф.Д.* К соотношению диалектных, этнографических и археологических ареалов Брестско-Пинского Полесья // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Ленинград, 1974; *Климчук Ф.Д.* О двух типах пучков изоглосс и изопрагм в Брестско-Пинском Полесье // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тез. науч. конф. Ленинград, 1975; *Климчук Ф.Д.* О полесском варианте одной карпато-полесской изопрагмы [карпатская трембита – полесская труба] // Карпатский сборник. М., 1976.
9. *Klimčuk F., Vidugiris A.* Iš etnolingvistiinių ir religinių santykių istorijos baltų ir rytų slavų paribio zonoje // Iš lietuvių etnologezės. Vilnius, 1981.
10. *Гюлюмянц К.М.* Фольклорные элементы во фразеологии современных славянских языков // VIII Международный съезд славистов: Доклады. Минск, 1978.
11. Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983.
12. *Климчук Ф.Д.* Традиционная свадьба полесского села Симоновичи. Канун свадьбы. Венки // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. М., 1983.
13. *Климчук Ф.Д.* Духовная культура полесского села Симоновичи // Славянский и

- балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
14. *Антропов Н.П., Плотникова А.А.* Хроника полесских экспедиций // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
 15. *Лицьвінка В.* Фальклор і этнакультура Чарнобыля. 3 нагоды 20-годдзя сусветнай катастрофы. Мінск, 2006.
 16. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н.И. Толстого. М., 1995–2004. Т. 1–3.
 17. *Słownik stereotypów i symboli ludowych.* Lublin, 1996–1999. T. 1. Kosmos. Z. 1–2.
 18. *Супрун А.Е.* Язык как памятник культуры // Язык и история: проблемы лингвокультурной традиции: Тез. докл. М., 1989; *Супрун А.Е.* Лексика как зеркало культуры и проблемы лексической реконструкции // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. I.
 19. *Трембовольский Я.Л.* Текст и ритуал // Проблемы лингвистики текста. Минск, 1991.
 20. *Антропов Н.П.* К истории и этимологии обрядового термина *сула* // *Веснік Белдзяржуніверсітэта.* Мінск, 1987. Сер. 4. № 1.
 21. *Антропаў М.П.* Аб некаторых моўных праявах духоўнай культуры жыхароў Палесся // *Веснік Белдзяржуніверсітэта.* Мінск, 1989. Сер. 4. № 2.
 22. *Антропаў М.П.* Беларуская дэманалагічная наменклатура ў этналінгвістычнай прасторы // *Дыялекталогія і культура беларускай мовы: Тэз. рэсп. навуц.-практ. канф.* Мінск, 1991.
 23. *Антропаў М.П.* Беларуская дыялекталогія і этналінгвістыка: пытанні кантактаў // *Беларуская лінгвістыка.* Мінск, 1991. Вып. 39.
 24. *Цыхун Г.А.* Из блокнота участника полесских экспедиций (1. *Куміна вода*; 2. *Чагошчы и Чугайка*; 3. *Крычаць як боўгары*) // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury.* Lublin 2000. T. 12; *Цыхун Г.А.* “Паберкі” з Палесся (4. *У капелюшох*; 5. *Осетня пора*; 6. *Поночная ноч*; 7. *Лічна праўда*) // Загароддзе–2: Мат-лы навуц.-краязн. канф. Мінск, 2000; *Цыхун Г.А.* Пра зборькі-цымборькі і шляхі міграцыі цэнтральнаеўрапейскіх слоў на Беларусь // *Studia Russica.* Budapest, 2000. T. XVIII; *Цыхун Г.А.* З палескіх сшыткаў (8. *Кованье*; 9. *Яшчэр[ка], раз яшчыць*) // *Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі: Мат-лы*
- Першай міжнар. навуц. канф. Мінск, 2003.
 25. *Цыхун Г.А.* Да этымалогіі “каляровых” назваў (*Беларусь і падобныя*) // *Dzieje słowian w świetle leksyki: Pamięci Profesora Franciszka Sławskiego.* Kraków, 2002.
 26. *Мартынов В.В.* Сакральны мир “Слова о полку Игореве” // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры. М., 1989; *Мартынов В.В.* *Słowiańsko-nestowiańskie kontakty językowe w okresie Prastowiańszczyzny // Polono-Slavica Varsoviensia.* Warszawa, 1992; *Мартынаў В.У.* Этнагенез славян: Мова і міф // XI Міжнародны з’езд славістаў: Даклады. Мінск, 1993; *Мартынов В.В.* Святогор – былинная ипостась Перуна // *Philologia slavica: K 70-letiu akademika N.I. Tolstogo.* М., 1993; *Мартынов В.В.* Проблемы происхождения славянской теонимии (опыт верификации) // *Światowit.* Warszawa, 1995. T. XL; *Мартынов В.В.* Славянские анаграммы (1. *Volosz – Solov-*; 2. *Perkь – kreprь*; 3. *Jagь – gajь*) // *Этимология 1997–1999.* М., 2000; *Мартынов В.В.* Поморско-полесские этноязыковые контакты // *Studia nad polszczyzna kresowa.* Warszawa, 2001. T. X; *Мартынов В.В.* Кельто-славянские этноязыковые контакты // *Мовознаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка.* XIII Міжнар. з’езд славістаў: Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003; *Мартынов В.В.* Греко-славянские этюды и метафоризация слов // *Ad fontes verborum: Исследования по этимологии и исторической семантике.* К 70-летию Ж.Ж. Варбот. М., 2006.
 27. *Цыхун Г.А.* *Русавы дзед:* этымалогія славянскіх міфонімаў // *Беларуская лінгвістыка.* Мінск, 2006. Вып. 57.
 28. *Климчук Ф.Д.* Погребальная лексика в белорусских говорах // Балтославянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд: Тез. докл. М., 1985.
 29. *Трайкоўская В.* Сімвалічнае выкарыстанне ткацкай лексікі ў беларускім вясельным фальклоре // *Slavia orientalis.* Warszawa, 1990. T. 39. № 3/4.
 30. *Ісачанкава М.А.* Традыцыйная лексіка веснавога абрадавага печыва беларусаў // *Беларуская лінгвістыка.* Мінск, 1991. Вып. 39.
 31. *Ісачанкава М.А.* Абрадавая лексіка беларускай масленіцы // *Жывое наша*

- слова: Дыялекталагічны зборнік. Мінск, 2001.
32. *Шырына А.Л.* Аб этналінгвістычным фоне абрадавага тэксту // Дыялекталогія і культура беларускай мовы: Тэз. рэсп. навук.-практ. канф. Мінск, 1991.
 33. *Селюжыцкая Ж.М.* “Як буду жаніцца, то паслы прышло да цябе...”: З назіранняў над вясельнай тэрміналогіяй // Роднае слова. Мінск, 1995. № 6; *Селюжыцкая Ж.М.* Намінацыі незамужняй сястры маладога ў беларускім вяселлі // Наша класіка: традыцы, наватарства, яе сучасная інтэрпрэтацыя ў ВНУ і школе: Мат-лы Рэсп. навук. канф. Брэст, 2003. Ч. 2; *Селюжыцкая Ж.М.* Намінацыі брата маладой у беларускім вяселлі // Імя і слово. Сборник науч. и уч.-метод. трудов. Брест, 2003. Вып. 1; *Селюжыцкая Ж.М.* Назвы дружкі маладой у беларускіх народных гаворках // Вестник Брестского госуниверситета. Брест, 2005. Сер. гуманитар. наук. № 3; *Селюжыцкая Ж.М.* Адсубстантыўныя назвы вясельных чыноў у беларускай дыялектнай мове // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: Мат-лы междунар. научн.-метод. конф. Брест, 2006. Ч. 1; *Селюжыцкая Ж.М.* Тэрміналогія вясельных чыноў у арэальным аспекце // Беларуская лінгвістыка. Мінск. 2006. Вып. 56.
 34. *Кожурина Т.А., Воробьева Т.С.* Символика одежды свадебного обряда могилевско-смоленского пограничного региона (этнолингвистический аспект) // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Мат-лы междууз. науч.-практ. конф. Смоленск, 1997. Ч. 1.
 35. *Кожурина Т.А.* Арэальна-тыпалагічнае даследаванне семантычнага поля “Одежда”. Автореф. дис. ... канд. філал. навук. Мінск, 1999.
 36. *Піваварчык І.В.* Намінацыя беларускага вясельнага жаночага касцюма (этналінгвістычная характарыстыка). Автореф. дис. ... канд. філал. навук. Гомель, 2002.
 37. *Холявко Е.И.* Отражение мотива кризиса во вторичной семантике русского и белорусского слова. Гомель, 2002.
 38. *Яшкін І.Я.* Грыбы ў беларускай традыцыйнай культуры Гомельшчыны // Гомельшчына: Народная духоўная культура. Дыялекты. Тапанімія. Мат-лы рэгіян. навук. канф. Гомель, 1992.
 39. *Яшкін І.Я.* Палеска-Магілёўска-Віцебскі этналінгвістычны пояс // Загароддзе-1: Мат-лы Міждысцыплін. навук. семінара па пытаннях даследавання Палесся (Мінск, верасень 1997 г.). Мінск, 1999.
 40. *Ивашина Н.В.* О семантической структуре слова *вѣкъ* // Палеославистика и компаративистика. Мат-лы Междунар. конф.: Третьи Супруновские чтения. Минск, 2003.
 41. *Шыца В.А.* Семантыка слова *краса* у вясельнай абраднасці Гомельшчыны // Актуальныя праблемы мовазнаўства. Гродна, 2004.
 42. *Руденко Е.Н.* Элементы мифологизма в лексике старобелорусского языка // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Междунар. научн. конф. Минск, 1994. Ч. 1.
 43. *Белорусское Поозерье: Язык и духовная культура.* Витебск, 2001.
 44. *Рогалева А.Ф.* Этнотопонимия Беларуси (на фоне этнической истории). Гомель, 1993.
 45. *Антропов Н.П.* Обрядовый текст как источник этнолингвистического картографирования // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды: Тез. Всесоз. науч.-практ. конф. Москва, 1988. Ч. 1; *Антропов Н.П.* Этнолингвистика Западного Полесья (ареальный аспект) // Ятвяжская (Полесская) науч.-практ. конф.: Тез. докл. Пінск, 1990; *Антропаў М.П., Ісачанкава М.А.* Этнадыялектна-культурная стратыфікацыя Брэсцка-Пінскага Палесся па этналінгвістычных даных // Беларуская лінгвістыка. Мінск 1993. Вып. 40.
 46. *Антропов Н.П.* Белорусские этнолингвистические этюды: 1. *колода / колодка* // Слово и культура: Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II; *Антропов Н.П.* Надзённая задача беларускай этналінгвістыкі (аб працы над “Беларускім этналінгвістычным атласам”) // Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі: Мат-лы Першай міжнар. навук. канф. Мінск, 2003; *Антропов Н.П.* Белорусские этнолингвистические этюды: 2. *Вызывание дождя* (акциональный код) // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого (1923–1996). М., 2004; *Антропов Н.П.* Кодовая структура белорусских обрядов и ритуалов, связанных с вызыванием дождя // *Etnolingwistyka: Problemy języka i*

- kultury. Lublin; 2004. T. 16; *Антропов Н.П.* Суицидальное поле в этнолингвистическом пространстве традиционных метеорологических представлений белорусов // Кодови словенских культура: Смрт. Београд, 2004. Брой 9.
47. *Леванцэвіч Л.В.* Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Лексіка. Брэст, 2001.
48. *Клімчук Ф.Д.* Заходнепалескія русалкі // Проблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі: Матэрыялы Першай міжнар. навук. канф. (Мінск, красавік 2003 г.). Мінск, 2003.
49. *Токарева И.И.* Этнокультурные стереотипы коммуникативного поведения. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1999; *Токарева И.И.* Этнолингвистика и этнография общения. Минск, 2001.
50. *Данич О.В.* Лингвистический аспект культурно-национальной специфики поведения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1998.
51. *Конюшкевич М.* Проклятия в речевом поведении белорусов // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury.* Lublin, 2001. T. 13.
52. *Коваль У.І.* Аб паходжанні фразеалагізма *злавіць зайца* // Беларуская мова: Міжвед. зб. Мінск, 1991. Вып. 19; *Коваль В.И.* Из этнофразеологии белорусско-литовского пограничья // Франциск Скорина и Вильнюс: Сборник мат-лов Респ. науч. конф., посв. 500-летию Фр. Скорины. Вильнюс, 1991; *Коваль В.И.* К происхождению фразеологической единицы *Кондрашка хватила* // Русский язык. Минск, 1991. Вып. 11; *Коваль У.І.* Народная фразеалогія ў этнакультурным асвятленні // Чарнобыль і духоўная спадчына беларускага народа: Мат-лы навук. чытан. Гомель, 1991; *Коваль В.И.* К происхождению предикативной фраземы *вот где собака зарыта* // Русский язык. Минск, 1992. Вып. 12; *Коваль В.И.* К происхождению фразеологизма *задать баню* // Веснік Белдзяржуніверсітэта. Мінск, 1992. Сер. 4. № 2; *Коваль У.І.* Фразема *даць гарбуза* ў этнакультурным аспекце // Весці АН Беларусі. Мінск, 1992. Сер. грамад. навук № 3–4; *Коваль У.І.* Да паходжання этнафраземы *серада з-над пятніцы відаць* // Беларуская мова: Міжвед. зб. Мінск, 1993. Вып. 20; *Коваль У.І.* Да паходжання фразеалагізма *рабінавая (вераб'іная)* ноч // Беларуская лінгвістыка. Мінск, 1995. Вып. 43.
53. *Коваль В.И.* Восточнославянская этнофразеология: Деривация, семантика, происхождение. Минск, 1998; *Коваль У.І.* Славянская этнафразеалогія ў дэрывацыйна-дыяхранічным аспекце // XII Міжнар. з'езд славістаў: Даклады. Гомель, 1998; *Коваль В.И.* Фразеология народной духовной культуры в деривационно-семантическом аспекте. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1999.
54. *Коваль В.И.* Славянские этнофраземы, основанные на "синонимичности" и "антонимичности" мифологем // Слово во времени и пространстве: К 60-летию профессора В.М. Мокиенко. СПб., 2000; *Коваль У.І.* Аб некаторых фразеалагічных эўфемізмах у народных песнях пра каханне // Е.Ф. Карский и современное языкознание: Мат-лы IX Междунар. Карских чтений. Гродно, 2003. Ч. 2; *Коваль В.И.* Беларуская народно-песенная фразеалогія любовно-эротическага зместа // XIII Междунар. съезд славистов. Гомель, 2003; *Коваль В.И.* Славянская этнофразеология в гендерном аспекте // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М., 2005; *Коваль В.И.* Полесский *толобень* // Беларуский эротический фольклор. М., 2006.
55. *Аксаитов А.С.* Обряд и песня как источник образования фразеологических единиц белорусского языка // *Acta Balcano-Slavica.* Warszawa, 1984. T. XVI; *Аксаітаў А.С.* Беларуская народная міфалогія як крыніца ўтварэння фразеалагічных адзінак // *Problemy frazeologii europejskiej.* Warszawa, 1997. II. *Frazeologia a religia.*
56. *Валодзіна Т.В.* Намінацыя разумовых адхіленняў на фоне міфапаэтычных поглядаў // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich.* Białystok, 2000. T. 4; *Kultura. Literatura; Володина Т.В.* *Лысый* и *лысина* в восточнославянской народной культуре // *Живая старина.* М., 2001. № 3; *Володина Т.В.* Мифоритуальный и этнолингвистический аспекты народной медицины белорусов: эпилепсия // *Studia Litteraria Polono-Slavica.* Warszawa, 2001. 6: *Choroba, lek i zdrowie; Володина Т.В.* Этнофразеологическая антропология славян: *босота* // Проблемы

- славяноведения: Сб. науч. статей и мат-лов. Брянск, 2002. Вып. 4; *Валодзіна Т.В.* Дыхатамія “свой – чужы” ў сферы ўяўленняў наўнай антрапалогіі // Мовазнаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнар. з’езд славістаў: Даклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003; *Валодзіна Т.В.* Атрибутика сферы смерці в ритуально-магічнай практыцы беларусов // Кодови словенских култура: Смрт. Београд, 2004. Брой 9; *Валодзіна Т.В.* Да этналінгвістычнай характарыстыкі канцэпту слепаты ў беларусаў // *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich.* Wrocław, 2005. 5: Opis, konfrontacja, przekład; *Валодзіна Т.В.* О самой “капризной” болезни белорусов: *капрызы* // Грани слова: Сборник научных статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. М., 2005; *Валодзіна Т.В.* Homo somaticus: міфапаэтычныя перспектывы і фразеалагічныя прыярытэты // *Słowo. Tekst. Czas. Szczecin.* 2005. T. VIII: Człowiek we frazeologii i leksyce języków słowiańskich.
57. *Воробьева Т.С.* Фразеологизмы свадебной обрядности в этнолингвистическом аспекте (по материалам могилевских говоров) // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Мат-лы Междунар. науч. конф. Гомель, 2001.
 58. *Голяк С.В.* Этнокультурное своеобразие фразем с зоонимами // Язык и социум: Мат-лы V Междунар. науч. конф. Минск, 2003. Ч. 2.
 59. *Лапацін Г.І.* Аб змесце фразеалагізма *страшны суд* (на матэрыяле традыцыйнай культуры Веткаўшчыны) // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Мат-лы Междунар. науч. конф. Гомель, 2001.
 60. *Маслава В.А.* Міф і яго адлюстраванне ў семантыцы фразеалагічных адзінак // *Веснік Белдзяржуніверсітэта.* Мінск, 1996. Сер. 4. № 2.
 61. *Рамза Т.Р., Садоўская А.Л.* Вобраз саваы ў беларускіх парэміялагічных адзінках // *Веснік Белдзяржуніверсітэта,* Мінск, 1999. Сер. 4. № 3.
 62. *Холявко Е.И.* Черта с два // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Мат-лы Междунар. науч. конф. Гомель, 2001.
 63. *Чернышова Л.В.* Сопоставительный анализ русских и белорусских фразеологизмов с компонентом *порог* // Актуальные проблемы славянской фразеологии: Мат-лы Междунар. науч. конф. Гомель, 1999; *Чернышова Л.В.* Культурная информация в русской паремиологии // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Мат-лы III Междунар. науч. конф. В 3-х частях. Минск, 2005. Ч. 2.
 64. *Садоўская А.Л.* Сімволіка вераб’я ў беларускай фразеалогіі і парэміялогіі // *Веснік Белдзяржуніверсітэта.* Мінск, 2001. Сер. 4. № 1; *Садоўская А.Л.* Птушка ў фразеалогіі і народнай культуры беларусаў // *Роднае слова.* Мінск, 2002. № 12; *Садоўская А.Л.* Фразеалагізмы з кампанентам-арнітонімам у беларускай мове: этналінгвістычны аспект. Автореф. дис. ... канд. філал. навук. Минск, 2002.
 65. *Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию: Уч. пос. М., 1997; *Маслова В.А.* Преданья старины глубокой в зеркале языка. Минск, 1997; *Маслова В.А.* Лингвокультурология как смежная с этнолингвистикой и другими гуманитарными науками область знания // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики: Мат-лы Междунар. науч. конф. Минск, 2001.
 66. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: Уч. пос. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001.
 67. *Чумак Л.Н.* Синтаксис русского и белорусского языков в аспекте культурологии. Минск, 1997.
 68. *Санько С.* Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі. Мінск, 1998.
 69. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий: Уч. пос. для студ. гуманит. вузов. М., 1998; *Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура. Курс лекций. М., 2004.
 70. *Прохорова С.М.* Русский текст, ориентированный на культуру Белоруссии // Язык и культура: Мат-лы Первой междунар. конф. Киев, 1992; *Прохорова С.М.* “Белорусский текст” в русской культуре // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Междунар. науч. конф. Минск, 1994. Ч. 2; *Прохорова С.М.* Национально-культурный компонент текста: Доклад на VIII конгресс МАПРЯЛ. Минск, 1994; *Прохорова С.М.* “Белорусский текст” в русской культуре конца XVIII – первой половине XIX века // Пятая междунар. конф. “Язык и культура”. Киев, 1997.

- № 4; *Прохорова С.М.* Русские концептуальные глаголы *играть, гулять* в зеркале белорусских // Вестник МГЛУ. Минск, 1997. Сер. 1. Филология. № 2; *Прохорова С.М.* Еще раз о языковой непрерывности. Минск, 2002; *Прохорова С.М.* Сопоставительный анализ русских и белорусских фразеологизмов с компонентами *душа, тоска, судьба* // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Мат-лы III Междунар. научн. конф. В 3-х частях. Минск, 2005. Ч. 1.
71. *Песоцкая И.В.* О концептосфере слова и языка // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гродна, 2003. Сер. 1. № 4.
 72. *Иватович В.Т.* Болото в концептосфере белорусского языка // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Мат-лы III Междунар. научн. конф. В 3-х частях. Минск, 2005. Ч. 3.
 73. *Рамза Т.Р.* Васілёк як нацыянальна-прэцэдэнтны феномен // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Мат-лы III Междунар. научн. конф. В 3-х частях. Минск, 2005. Ч. 3.
 74. *Потапова О.В.* Языковые этнические стереотипы и их представление в белорусской, русской и польской лексикографии XIX века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2005.
 75. *Koźinowa A., Potarowa O.* Stereotypy językowe w dowcipach rosyjskich // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. Lublin, 2002. T. 14.
 76. *Руденко Е., Чернявская Ю.* Концепт “свобода” и этнокультурное самосознание белорусов // Język w kręgu wartości. Lublin, 2003.
 77. *Руденко Е.* Метафоризация информационной деятельности в терминах работы с пространством // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. Lublin, 2004. T. 16.
 78. *Антропов Н.П., Карпушин С.В.* Словарь В.И. Даля как источник изучения духовной культуры восточных славян // Творческое наследие В.И. Даля в идейно-нравственном воспитании личности: Тез. докл. и сообщ. Четвертых Далеvских чтений. Ворошиловград, 1988.
 79. *Антропов Н.П.* Этнолингвистический аспект польско-белорусско-русских связей // Беларуско-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства: Мат-лы I Усесаюз. навук. канф. Віцебск, 1990.
 80. *Казанцева Е.А.* Денотативная структура текста народной загадки (на материале белорусских, русских и польских загадок). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2002.
 81. *Антронаў М.П.* Этналінгвістычная эквівалентнасць у эўрыстычным люстры // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: Мат-лы междунар. науч.-метод. конф. Брест, 2006. Ч. 1.
 82. *Климчук Ф.Д.* Западнополесские “русские” молитвы // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора: Тез. и предварит. мат-лы к симпозиуму. М., 1988. Ч. 1.
 83. *Жилинская И.А.* Пространственно-временная модель мира восточных славян в языке русских и белорусских заговоров. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1999; *Жилинская И.А.* Восточнославянские заговоры: пространство, время, цвет. Минск, 2005.
 84. *Лапицкая Н.И.* Имена собственные в русских и белорусских заговорах. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2000.
 85. *Козырев Л.И.* Материалы для историко-этимологического словаря русской архаичной фразеологии: *изабеллов цвет* // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Мат-лы Междунар. науч. конф. Гомель, 2001.
 86. *Ляшук В.М.* Аспекты антрапацэнтрызму моўных сродкаў у даследаваных казак // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм: Тэз. дакл. VIII Міжнар. Карскіх чытанняў. Гродна, 2000; *Ляшук В.М.* Моўная норма ў беларускім і славацкім праявітым фальклоры // O spoločných hodnotách v slovensko-bieloruských vzt'ahoch: Zborník materiálov z vedeckej konferencie Slovensko-bieloruské vzt'ahy. Banská Bystrica, 2004.
 87. *Антронаў М.П.* Аб этналінгвістычнай эквівалентнасці ў славянскіх некантактуальных арэалах (беларуска-славацкі аспект) // O spoločných hodnotách v slovensko-bieloruských vzt'ahoch: Zborník materiálov z vedeckej konferencie Slovensko-bieloruské vzt'ahy. Banská Bystrica, 2004.
 88. *Антропов Н.П.* Беларуско(полеско)-български этнолингвистични съответствия в областта на плувиалната магия // Българска етнография. София, 1989. Кн. 1; *Антропов Н.П.* Традиционная картина мира в белорусско-болгарской этнолингвистической призме //

- Южнославянские языки в их истории и современном состоянии: Сборник научных статей. Минск, 2007.
89. *Иванов К.И.* Символика цвета в белорусской и болгарской фольклорной традиции // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм: Тэз. дакл. VIII Міжнар. Карскіх чытанняў. Гродна, 2000.
 90. *Антропов Н.П., Суховицкая И.М.* Этимолого-этнолингвистический комментарий к некоторым терминам сербской свадебной обрядности // Веснік Белдзяржуніверсітэта. Мінск, 1991. Сер. 4. № 1.
 91. *Беленькая О.А.* Так где же ты, славянская душа? (ДУША русских и DUŠA сербов) // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Мат-лы Междунар. науч. конф. Гомель, 2001.
 92. *Суховицкая И.М.* Восточнославянско-южнославянские этнолингвистические параллели в сфере семейной обрядовой терминологии (на материале свадебного обряда). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1995.
 93. *Климчук Ф.Д.* Да пытання аб палескаарыйскіх (інда-іранскіх) сувязях // Арэалогія: праблемы і дасягненні: Тэз. дакл. Міжнар. навук. канф. Мінск, 1993.
 94. *Супрун А.Е.* Этнолингвистические сведения в древне-полабском словаре Христиана Хеннига // *Philologia slavica*: К 70-летию академика Н.И. Толстого. М., 1993.
 95. *Антропаў М.П.* Аб трансфармацыі запазычанняў у мове традыцыйнай народнай культуры: *іардань* // Сучасныя праблемы беларускай лексікалогіі і лексікаграфіі. Мінск, 2006.
 96. *Антропов Н.П., Боганева Е.М., Володина Т.В.* (Этно)конфессионимы на пограничье культур // Язык и межкультурные коммуникации: Сб. науч. ст. Минск, 2007; *Антропов Н.П., Боганева Е.М., Володина Т.В.* Этнокультурные стереотипы в межконфессиональных отношениях на Беларуси: опыт этнолингвистического комментирования // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Lublin, 2008. Т. 20; *Антропаў М.П., Боганева А.М., Валодзіна Т.В.* Этнаканфесійныя стэрэатыпы ў асяроддзі беларусаў-хрысціян сучаснай вёскі // Беларускі гістарычны агляд. Вільня, 2007. Т. 14.
 97. *Кожина А., Тарелко М.* Восточнославянские диалектные черты в рукописи “Фал Соломона о двенадцати планетах” // *Język i kultura na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim*. Lublin 2001. Т. 3; *Koźinowa A., Taretko M.* Realizacja funkcji magicznej w tekście jednego *chamaïta* // *Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury*. Lublin, 2001. Т. 13.
 98. *Цыхун Г.А.* Полесские нарубы (лингвостнический аспект) // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н.И. Толстого (1923–1996). М., 2004.
 99. Арнаменты Падняпроўя. Мінск, 2004; *Нячаева Г.Р.* З вопыту працы над зборнікам “Арнаменты Падняпроўя: рушнік і замовы” // Праблемы ўсходнеславянскай этналінгвістыкі: Мат-лы Першай міжнар. навук. канф. Мінск, 2003.
 100. *Лабачэўская В.* Повазь часоў – беларубскі рушнік. Мінск, 2002.
 101. Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці: Зборнік артыкулаў супрацоўнікаў музея да 25-годдзя заснавання музея. Гомель, 2004.
 102. *Антропаў М.П.* Этнолінгвістычныя магчымасці аналізу фальклорнага тэксту // Беларуская лінгвістыка. Мінск, 1996. Вып. 45.
 103. *Евтухова И.Г.* Функции колоративов в устойчивых словесных комплексах с компонентом *конь* // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: Мат-лы Междунар. науч. конф. Гомель, 2001.
 104. *Антропаў М.П.* Структура скрытага дэнатата ў беларускіх загадках аб могілках // Веснік Белдзяржуніверсітэта. Мінск, 1991. Сер. 4. № 3.
 105. *Супрун-Белевич Л.Р.* Метафорическая номинация денотата в белорусских загадках // Мова ў святле класічнай спадчыны і сучасных парадыгм: Тэз. дакл. VIII Міжнар. Карскіх чытанняў. Гродна, 2000.
 106. *Літвіноўская А.Г.* Элементы падліку ў структуры беларускіх лічылак // Веснік Белдзяржуніверсітэта. Мінск, 1992. Сер. 4. № 1.
 107. *Валодзіна Т.В.* Прыказкі і выслоўі. Малыя каляндарныя жанры. Прыкметы і павер’і // Малыя жанры. Дзіцячы фальклор. Мінск, 2004.
 108. *Сысов В.М.* Белорусские голошения в структуре погребальной обрядности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1993; *Сысоў У.М.* Пахавальныя рытуалы і галашэнні: семантыка-камунікатыўны аспект // Весці АН Бела-

- русі. Мінск, 1994. Сер. гуманіт. навук. № 4; *Сысоў У.М.* Беларуская пахавальная абраднасць: Структура абраду. Галашэнні // Функцыі слова і дзеяння. Мінск, 1995.
109. *Швед І.А.* Раслінная сімваліка беларускага фальклору. Брэст, 2000; *Швед І.А.* Дэндралагічны код беларускага традыцыйнага фальклору. Брэст, 2004; *Швед І.А.* Космас і чалавек у дэндралагічным кодзе беларускага фальклору. Брэст, 2006.
110. *Валодзіна Т.В.* Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў. Мінск, 1999; *Валодзіна Т.В.* Жаночы “ніз” у традыцыйнай культуры беларусаў // *Тетра alba*. Мінск, 2001. Т. 2. Homo vegetus: Сексуальная прастора беларускай культуры; *Володина Т.В.* Телесный низ в традиционных представлениях белорусов // *Белорусский эротический фольклор*. М., 2006.
111. *Лобач У.А.* Эрас у беларускай традыцыйнай культуры // *Studia mythologica slavica*. Ljubljana, 2003. № 6.
112. *Лобач У., Валодзіна Т., Санько С.* Вырай. Дарога. Мост // Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004 (2-е выд. Мінск, 2006).
113. *Лобач У., Валодзіна Т.* Парог. Растані // Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004 (2-е выд. Мінск, 2006).
114. *Камарова М.А.* Арнітаморфныя вобразы беларускага традыцыйнага фальклору ў кантэксце архетыпічных вераванняў // *Вестник Брестского государственного университета*. Брест, 2004. Сер. гуманіт. навук. № 6; *Камарова М.А.* Міфалагема “птушка-душа” ў светапоглядзе старажытных беларусаў // *Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. Мінск, 2005. № 1.
115. *Санько С.* Зоркі. Месяц. Сонца // Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004 (2-е выд. Мінск, 2006).
116. *Шарая О.Н.* Ценностно-нормативная природа почитания предков. Мінск, 2002.
117. *Сівіцкі У.М.* Міфапаэтычная сістэма і поліфункцыянальнасць русальнай традыцыі беларусаў у агульнаславянскім кантэксце (генезіс, семантыка, архаічная мадэль). Автореф. дыс. ... канд. філал. навук. Мінск, 2004.
118. *Исачанкава М.А.* Семантыка русальнай традыцыі // *Скарбы народнай мовы: Дыялекталагічны зборнік*. Мінск, 2005.
119. *Кавалёва Р.М.* Палескія абрады ваджэння Кусты (Куста) і ваджэння Май: рэферэнтная база цэнтральных персанажаў // *Комплекснае наследаванне фальклору і этнакультуры Палесся: Мат-лы II Міжнар. навук. фальк.-этналігіст. канф. 3 нагоды 220-годдзя З. Даленгі-Хадакоўскага (Адама Чарноцкага)*. Мінск, 2005.
120. *Лопатин Г.И.* “Людзей жа нявидзимых столько, сколько видимых”: Белорусские мифологические верования в “доброхожих” // *Живая старина*. 2005. № 3.
121. *Мазуркевіч Л.М.* Вогнік, дыхавіца, крыксы: лексіка народнай медыцыны Усходняга Палесся // *Роднае слова*. Мінск, 2003. № 4.
122. *Халяўка А.І., Чайкун П.М.* Дэманалагічная лексіка ў народных гаворках Гомельшчыны // *Гомельшчына: Народная духоўная культура*. Дыялекты. Тапанімія: Мат-лы рэгіян. навук. канф. Гомель, 1992.
123. *Іваноў С.Л.* Ваўкалак – правобраз пастуха?: Этналінгвістычны метад. Ваўкалак: семантыка і этымалогія // *Роднае слова*. Мінск, 1993. № 1.
124. *Казначэў В.В.* Аб некаторых асаблівасцях міфалагічных уяўленняў насельніцтва Гомельскай вобласці // *Веснік Белдзяржуніверсітэта*. Мінск, 1994. Сер. 4. № 2; *Казначэў В.В.* 3 матэрыялаў да “Беларускага этналінгвістычнага атласа” (Буда-Кашалёўскі раён) // *Гавораць чарнобыльцы: 3 мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі*. Мінск, 1994; *Казначэў В.В.* Сучасны стан усходнепалескай міфалагічнай традыцыі // *Гавораць чарнобыльцы: 3 мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі*. Мінск, 1994.
125. *Коваль У.І.* Народныя ўяўленні, павер’і і прыкметы: Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі. Гомель, 1995.
126. Беларуская міфалогія: Дапаможнік / Уклад. У.А. Васілевіч. Мінск, 2001.
127. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік. Мінск, 2004 (2-е выд. Мінск, 2006).
128. Беларускі фальклор. Энцыклапедыя. Мінск, 2005–2006. Т. 1–2.

УКРАИНСКАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА: НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ

Представить украинскую этнолингвистику в обзорной статье – задача достаточно трудная, что обусловлено многими факторами, среди которых прежде всего отметим непростой исторический путь развития украинской этнолингвистики, сложность определения предмета украинских этнолингвистических исследований; последним обусловлена многогранность объекта изучения и разноаспектность украинских этнолингвистических изысканий.

Сложность объекта исследования определяется особенностью украинского языково-культурного континуума: в нем объединены архаические диалектно-культурные ареалы (Полесье, Карпаты, Буковина, Подолье) и культурные ареалы более позднего формирования. Характерной чертой украинского диалектно-культурного пространства является также то, что часть его выходит за пределы государственной границы Украины, а это создает условия для локальных трансформаций традиционной культуры в этих латеральных зонах. В то же время в пределах основного континуума существуют островные вкрапления других национальных культур.

Кроме того, географическая смежность, генетическое родство языков и культур, а также исторические судьбы украинцев и их соседей обусловили то, что украинская традиционная народная материальная и духовная культура издавна представляла интерес для зарубежных ученых. Фиксация информации об украинских верованиях, обычаях и обрядах и их исследования традиционно осуществлялись в контексте польской науки, в частности в трудах и материалах К. Мошиньского, Ч. Петкевича, О. Кольберга и других, и продолжают в работах современных польских ученых (см. [1; 2] и др.). Начало и развитие украинских этнолингвистических исследований совпада-

ет во времени с зарождением и становлением российской этнолингвистики (вторая половина XIX – первая половина XX в.) и связано преимущественно с именами А. Афанасьева, Ф. Буслаева, А. Потební, А. Котляревского, Н. Сумцова, Д. Зеленина, П. Богатырева и других, а также заложено в этнографических и фольклорных материалах и изысканиях П. Чубинского, М. Максимовича, Б. Гринченко, В. Гнатюка, В. Кравченко, И. Свенцицкого и др.

На протяжении длительного времени украинская этнолингвистика развивалась в тесной взаимосвязи с российской (см., например, такие издания, как [3–7]). И в последние десятилетия XX в. она представлена исследованиями, которые часто были результатом сотрудничества украинских и российских ученых в процессе сбора и этнолингвистической обработки информации о традиционных семейных обрядах украинцев (свадебного, родильного и погребального), народной медицине и лечебной магии, народной кулинарии, традиционных нормах поведения и языкового этикета, народной фразеологии и др. (см. [8–25] и др.). В то же время следует отметить, что к работам этого направления, кроме собственно этнолингвистических, примыкают и лингвистические исследования языковой стороны культурного явления, а иногда – и этнологические труды, в которых представлена культурная номинация, и фольклористические работы, в которых реализованы отдельные идеи этнолингвистики. Четкое разграничение между отдельными исследованиями, принадлежащими к смежным научным дисциплинам, на этом этапе развития украинской этнолингвистики провести трудно и подчас невозможно.

Как самостоятельная отрасль (и в национальном, и в жанровом смысле), украинская этнолингвистика начала вы-

деляться к концу XX в. Наибольшее распространение получили работы, в которых представлено изучение тематических групп диалектной лексики, преимущественно называющей предметы материальной культуры и связанные с ними понятия. Для этих трудов характерно соединение лексической проблематики с проблемой культурной мотивации диалектной лексики: это региональные исследования охотничьей лексики [26], номинации строительства [27–29], лексики ткачества [30; 31], кулинарной лексики [32], названий традиционной одежды и обуви [33–36], пастушьей лексики [37; 38], ботанической номинации [39] и др.

Идеи и методы этнолингвистики в большей степени воплощены в исследованиях номинации явлений традиционной культуры, в частности свадебного обряда [40–47], родильного обряда [17; 18; 48–50], погребально-поминального обрядового комплекса [51–54], календарных обрядов и их элементов [55–59], явлений и объектов мифологической и демонологической сферы [60–64], народных представлений о природных явлениях [65; 66], традиционных норм этики [67–72], народной медицины и лечебной магии [14; 73–78] и др.

В ряде современных работ представлен культурологический аспект номинации, мотивологии и диалектного словообразования, а также этнолингвистический аспект фразеологии [79–86; 53; 87–89] и др.

Известно несколько попыток теоретического рассмотрения научных основ этого направления, которые охватывают отдельные его аспекты, в частности проблемы реконструкции прасостояния диалектной лексики, моделирования ее системы, основы описания элементов украинской традиционной культуры [19; 90; 63]; изучались на украинском материале трактовка сущности некоторых понятий этнолингвистики, проблемы реконструкции культурного текста и этнолингвистического изучения украинских диалектно-культурных ареалов [91–95]. Некоторые обобщающие труды посвящены исследованию славянской обрядовой семантики, выяснению принципов и способов номинации обрядовых реалий и символов,

освещению закономерностей их лексико-семантической типологии, структурно-семиотического и концептуального моделирования [96–98]. Ряд исследований украинских ученых посвящен решению проблемы “этнологии текста”, изучению этнокультурной, этнопсихологической, этноментальной, этнофилософской основ языковых явлений с символическим значением. В этих работах освещаются вопросы возникновения, функционирования и развития языкового символа. Объектом наблюдений является украинские художественные, фольклорные и диалектные тексты, вербальный ритуальный текст, языковые этносимволы [99–107] и др.

Таким образом, несмотря на продолжительную историю украинской этнолингвистики, она до сих пор не заявила о себе как сформированное отдельное направление со своими национальными особенностями. Достижения украинской этнолингвистики пока составляют исключительно труды, представляющие реализацию научных интересов отдельных исследователей, а не коллективов. Поэтому мы не можем сегодня констатировать существование украинской этнолингвистической школы. И несмотря на определенные достижения, предварительный обзор украинской этнолингвистики больше вскрывает ее проблемы, очерчивая перспективы развития и пути решения этих проблем.

Рассмотрим более подробно некоторые аспекты этнолингвистических исследований украинских ученых, в частности решение проблемы реконструкции культурных текстов, географического представления украинской традиционной культуры и лексикографической обработки материала.

Как отмечено выше, одной из основных проблем украинской этнолингвистики является определение ее предмета. Современная украинская этнолингвистика (в более узком понимании) развивается в тесной связи с диалектологией, является одним из ее аспектов. И в этом смысле этнолингвистический анализ можно считать составной частью системного описания диалектной лексики. Ведь без анализа лексической единицы как

компонента целостного культурного текста во всех сложных взаимосвязях с экстралингвистическими элементами системное описание номинации культурных явлений не будет полным. В то же время в славистике распространен взгляд, что этнолингвистика является отдельным направлением языкознания [108. С. 33] и даже выходит за рамки собственно языкознания [109. С. 28–40].

Позиция украинских исследователей во многом совпадает с пониманием предмета и объекта этнолингвистики российскими учеными, согласно которому предметом этнолингвистики (в широком понимании) является изучение *плана содержания* этнокультуры, реконструкция древней модели мира, построенной на мифологических представлениях, или выяснение этимологии явлений духовной культуры, реализованной в разных формах. Последние являются объектом этнолингвистики [91; 110].

Исходя из определенного выше предмета этнолингвистики, одним из основных ее аспектов является исследование языка в его отношении к культуре, определение взаимосвязей и взаимной обусловленности элементов языка и народной культуры. Материалом для таких исследований служит информация о различных явлениях традиционной народной духовной культуры, зафиксированная от ее носителей. Последнее является особенно важным, поскольку украинский диалектно-культурный континуум, как было отмечено выше, включает славянские архаические ареалы с относительно хорошо сохранным языково-культурным наследием. Однако этнолингвистические исследования традиционной культуры представлены в современной украинской науке еще недостаточно. И одним из важных заданий, направленных на решение этой проблемы, является сбор, накопление и систематизация информации об украинской традиционной духовной культуре, формирование достаточного корпуса свидетельств о ней.

Пока эта проблема решается преимущественно усилиями отдельных исследователей, занимающихся разработкой определенной индивидуальной темы. Результаты частично представлены в пуб-

ликованных блоках материала и сборниках текстов (см. [111–116; 78; 117–119] и др.). Но несмотря на некоторые успехи, сбор материала до сих пор остается фрагментарным, лишенным системности в тематическом и в географическом планах. В то же время материал для этнолингвистических исследований должен отвечать современным требованиям системности и сопоставимости, что может обеспечить унификация вопросников, единая система транскрипции, равномерность охвата сборником материала и этнолингвистическими исследованиями всей украинской этноязыковой территории. Последнее особенно актуально в условиях ощутимых изменений, которые обуславливают стирание древних территориальных отличий, разрушение языковых и культурных ареалов, исчезновение элементов традиционной народной духовной культуры.

Накопление информации о традиционной культуре будет способствовать решению актуальной в украинистике проблемы этнолингвистического картографирования явлений материальной и духовной культуры, осуществление которого предоставит возможность изучения географии культурных явлений в их пространственной вариативности. Свидетельством важности этой проблемы является повышенный интерес к этнолингвогеографии в славяноведении: выполнение некоторых научных проектов базируется на картографировании культурных явлений, в частности проект польских ученых “Atlas etnolingwistyczny Pobuża” и российских – “Полесский этнолингвистический атлас”.

Опыт этнолингвистического картографирования культурных явлений представлен и в украинских исследованиях (см. [15; 22; 120; 25; 121]). В свое время в украинистике было подготовлено несколько региональных этнолингвистических атласов различных явлений традиционной материальной и духовной культуры, в частности “Атлас полесского свадебного обряда” П. Романюка (из 235 карт атласа 78 лингвистические и 154 этнографические), “Атлас полесского погребального обряда” В. Конобродской (из 160 карт атласа 54 лингвистиче-

ские, 100 карт различных явлений материальной и духовной культуры и 6 карт общих тем и мотивов), “Атлас народной медицины и лечебной магии” В. Мойсиденко (95 лексических и 18 этнографических карт), “Атлас традиционной одежды Западного Полесья” Л. Пономар (50 карт), “Атлас полесской традиционной одежды и обуви” Г. Гримашевич (95 лексических, семантических и сводных синтетических карт) и др. Однако большинство этих работ остается в рукописях. Опубликованы только небольшие фрагменты атласов либо отдельные карты [22; 122; 121]. В изданных лингвистических атласах лексики народного быта украинских восточнослобожанских говоров Е. Глуховцевой, западнополесских названий лекарственных растений Р. Омельковец, лексики животноводства в полесских диалектах В. Куриленко представлена номинация предметов материальной культуры и лексика традиционных занятий. Поэтому их также можно рассматривать в контексте этнолингвогеографии, хотя элементы материальной и духовной культуры в них не картографированы [123–125], что также наглядно иллюстрирует издание атласа западнополесской традиционной одежды в виде дополнений к монографическому описанию ее номинации в связи с элементами материальной и духовной культуры [122].

Конечно, в украинском этнолингвистическом картографировании остается много нерешенных проблем, в числе которых – методика составления карт. В то же время использованы некоторые новые подходы к этнолингвистическому картографированию. В частности, в “Атласе полесского погребального обряда” объектом картографирования, наряду с номинацией, реалией, обрядовым актом, обычаем, поверьем и другими невербальными знаками, выступает и *мифологический мотив*, которым обусловлено появление номинации и разноплановых невербальных единиц культурного текста. Важным также является способ представления материала в виде текстового дополнения к этнографическим картам, в котором содержится диалектное описание в транскрипции всех зафиксирован-

ных вариантов картографированного явления.

Отметим, что составление этнолингвистических атласов является важной предпосылкой интерпретации материала современного этнолингвистического исследования явлений традиционной духовной культуры. Поэтому актуальной в украинистике остается подготовка обобщенного этнолингвистического атласа, где была бы воспроизведена народная материальная и духовная культура украинцев в ее пространственной вариативности. В то же время даже появление такого труда не снимет проблемы создания серии региональных тематических атласов различных явлений украинской традиционной культуры, преимущество которых – в возможности более подробного представления материала. Поэтому традиция их создания в украинистике продолжается: готовятся к изданию (кроме вышеупомянутых) этнолингвистические атласы Среднего Полесья – “Атлас весенне-летнего цикла календарных обрядов” М. Шарapy, “Атлас осенне-зимнего цикла календарных обрядов” Т. Поминчук, “Атлас традиционных норм этики и обычного права” Н. Беленькой, “Атлас объектов и явлений демонологической сферы” Л. Скрыльниковоy (см. [95]).

Не менее важным заданием является составление словарей традиционной народной духовной культуры. И в развитии украинской этнолингвистической лексикографии видимых результатов несколько больше, о чем свидетельствуют разработки теоретических и методологических основ составления этнолингвистических словарей [126; 63; 107; 104] и опубликованные словари, которые условно можно разделить на три группы.

1. Словари лексики традиционных промыслов, номинации предметов материальной и явлений духовной культуры [127–131; 35; 132], а также словари народной фразеологии, устойчивых и эфемических высказываний и выражений [133–135]. И хотя часть из них является собственно лингвистическими словарями, однако представленная в них лексика и фразеология непосредственно связана с

народной духовной культурой и может быть исследована только в ее контексте.

2. Словари традиционной народной духовной культуры [61; 136]. Составление словника этих словарей базируется на значительном по объему исходном материале. Особо отметим словарь “Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник” Н. Хобзей [61], способ представления материала в котором наиболее соответствует лексикографическим принципам этнолингвистического словаря, поскольку он воспроизводит не только номинативную, но и предметно-действенную и персонажную системы демонимического пространства Гуцульщины. В статьях представлены мифологические названия во всем разнообразии их диалектных вариантов гуцульского говора, раскрыты их семантика и во многих статьях – этимология, представлены ряды соответствий инодиалектных и иноязычных мифонимов, даны широкие иллюстрации, отражающие их функционирование в мифологических контекстах. Последняя особенность словаря отличает его от лексикографических работ с традиционным использованием коротких иллюстративных цитат.

Объемный фундаментальный труд “Українська міфологія” В. Войтовича [136] – это своеобразная энциклопедия народных верований. Для составления словаря автор использовал значительный историко-этнографический и фольклорный материал разных регионов Украины в основном из источников XIX – начала XX в. В разных словарных статьях представлено описание, объяснение и толкование значения обычаев, обрядов, верований, а также связанных с ними образов, персонажей, предметов и понятий, что отражает стремление автора к определенной реконструкции мифологической системы праукраинцев. Однако для такой реконструкции недостаточно использован языковой материал, к тому же присутствует элемент художественной обработки информации, что несколько снижает научную доказательность словаря.

3. Лексикографические работы “Словник символів культури України” под общей редакцией В. Коцура и “Знаки української етнокультури” В. Жайворон-

ка [137; 138] представляют опыт обобщения информации о символах украинской культуры. Однако отнесенность некоторых предметов и понятий к разряду символических и толкование символического значения некоторых предметов и понятий в ряде статей остается дискуссионным. Кроме того, словари построены на далеко не достаточном, подчас нелокализованном и не всегда достоверном материале старых источников.

В целом отметим, что большинство из перечисленных словарей – узкотематические и региональные. В то же время считаем необходимым продолжать создание тематических региональных словарей различных явлений украинской традиционной культуры. Кроме самодостаточной научной ценности, они могут стать источником материала для подготовки сводного украинского этнолингвистического словаря, что также является актуальным в отечественной этнолингвистике. Образцами таких работ могут служить концептуально различные, но одинаково значительные по полноте и достоверности материала, глубине его научного осмысления, уровню обработки и представления словари “Славянские древности: Этнолингвистический словарь” [139] и “Słownik stereotypów i symboli ludowych” [140].

Безусловно, этнолингвистические атласы и словари являются самодостаточными научными трудами, в то же время их создание и накопление будет способствовать решению проблемы описания номинации явлений традиционной народной культуры в связи с невербальными компонентами в составе целостного культурного текста. Украинская этнолингвистика уже имеет некоторые наработки в этом направлении, их результаты отражены в научных статьях и монографических описаниях различных явлений традиционной культуры (см. выше). Перечисленные научные исследования выполнены в соответствии с поставленной проблематикой – прежде всего как системное описание номинации культурного явления в пределах тематической группы лексики. Однако всестороннее этнолингвистическое изучение номинации культурных явлений на фоне их предметно-действенного состава

предполагает решение более широкого круга заданий (выявление структуры культурного явления и его пространственных и социальных вариантов; выяснение плана содержания культурного явления и его элементов – основных тем и мотивов, которые формируют культурный текст; описание плана выражения – системы разноплановых единиц культурного текста; прослеживание номинативно-семантических процессов и явлений в развитии вербальных и невербальных средств выражения; реконструкция прасостояния культурного явления, выявление мотивов его номинации и т.д.), что наиболее полно представлено в ряде работ Н. Хобзей, В. Конобродской, С. Богдан, М. Жуйковой, М. Шарапы, Н. Беленькой, Т. Поминчук, Л. Скрыльниковой и др. В частности, монографическое описание полесского погребального и календарных поминальных обрядов содержит также исследование номинации и средств сопутствующей вербализации обрядов в широком экстралингвистическом контексте – в единстве языковых и предметно-действенных составляющих целостного культурного текста погребального и поминальных обрядов Полесья. Элементы полесского погребально-поминального обряда рассмотрены на фоне других украинских и славянских диалектно-культурных ареалов и других явлений славянской духовной культуры. Такое комплексное исследование подчинено выяснению основы исследуемого явления и его номинации, которая часто является отражением древней картины мира в сознании носителей традиционной культуры (см. [54]).

Как видно из представленного обзора, в украинской этнолингвистике преобладают разрозненные индивидуальные исследования, различные по тематике (от обряда до номинации предметов материальной культуры), по полноте представления (от небольшого фрагмента культурного явления до целой системы календарной или семейной обрядности), по способу репрезентации материала (от системного описания номинации и ее пространственной вариативности до лексикографической обработки культурной номинации), по географии (от представ-

ления всего украинского языково-культурного континуума до описания культурного явления одного населенного пункта). Поэтому существующие исследования пока не дают полного представления об украинской народной материальной и духовной культуре во всем тематическом богатстве и географическом разнообразии. И несколько аморфный образ украинской этнолингвистики, невыразительность ее очертаний, в отличие от российской и польской, обусловлен известными особенностями исторических условий ее зарождения и начала развития.

Поэтому важной остается проблема развития теоретических основ этого научного направления, усовершенствования методики этнолингвистических исследований, упорядочения понятийного и терминологического аппарата. Расширение круга исследователей связано с преподаванием спецкурса этнолингвистики, что предполагает создание учебников и пособий. На Украине издано учебное пособие, рассчитанное на начинающего исследователя, включающее краткое изложение основ направления, трактовку некоторых базовых понятий этнолингвистики, библиографию, 17 вопросников для сбора материала разных явлений традиционной духовной культуры, методические рекомендации по его сбору и описанию [52].

Решению проблем украинской этнолингвистики подчинено специальное ежегодное издание – сборник научных трудов “Етнолінгвістичні студії”. Публикуемые в сборнике статьи украинских и зарубежных авторов имеют различное направление: изложение теоретических и методологических основ этнолингвистики, обзор важнейших достижений различных славянских этнолингвистических школ, опыт сбора и научной обработки информации об отдельных явлениях традиционной духовной и материальной культуры, этнолингвистический аспект номинации и фразеологии, а также материалы полевых исследований (см. [141]).

Подводя итоги, отметим: особенности украинского этнокультурного континуума, состояние отечественной этнолингвистики, а также актуальность и перспективность ее развития обуславливают

необходимость определения приоритетного направления украинских этнолингвистических исследований, которым должно стать системное изучение традиционной духовной и материальной культуры. Последнее предполагает охват разноаспектными этнолингвистическими исследованиями всех явлений народной духовной культуры всего украинского этнокультурного пространства, создание обобщенного словаря украинской традиционной духовной и материальной культуры, а также этнолингвистическое картографирование всего украинского диалектно-культурного континуума.

© 2008 г. В.Л. Конобродская

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Adamowski J., Bartmiński J., Czyżewski F. Atlas etnolingwistyczny Pobuża (Projekt) // Język i kultura na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim / Red. F. Czyżewski. Lublin, 2001. Т. 3.
2. Czyżewski F., Niebrzegowska-Bartmińska S. Prace nad Atlasem etnolingwistycznym Pobuża w latach 1994–2001 // Język i kultura 2001 – Język i kultura na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim / Red. F. Czyżewski. Lublin, 2001. Т. 3.
3. Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.
4. Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986.
5. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.
6. Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
7. Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968.
8. Бабій Ф.І. Деякі назви одягу в говірках Горинського Полісся // Студії з мовознавства. Київ, 1975.
9. Артюх Л.Ф. Обрядовий хліб у символіці культурно-побутової спільності народів // Народна творчість та етнографія. 1976. № 5.
10. Артюх Л.Ф. Українська народна кулінарія (Історико-етнографічне дослідження). Київ, 1977.
11. Артюх Л.Ф. Поминальні страви на Поліссі (народний етикет) // Полісся

- України: матеріали історико-етнографічного дослідження. Вип. 1. Київське Полісся. 1994. Львів, 1997.
12. Вакалюк Я.Ю. Весільна лексика в говірках Прикарпаття // Проблеми дослідження діалектної лексики і фразеології української мови. Тези доповідей і повідомлень. Ужгород, 1978.
 13. Вакалюк Я.Ю. Весільна лексика в українських говорах Прикарпаття // Структура українських говорів. Київ, 1982.
 14. Вакалюк Я.Ю. Из спостережень над народною медичною термінологією // Гуцульщина. Лінгвістичні етюди. Київ, 1991.
 15. Гаврилюк Н.К. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Київ, 1981.
 16. Гаврилюк Н.К. Традиционная погребальная обрядность Полесья в сравнении с Карпато-Буковинской зоной // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальная обряд. М., 1985.
 17. Гаврилюк Н.К. Міфологічні формули на тему “походження дітей”. Досвід систематизації українських текстів та інослов'янські паралелі // Мистецтво, фольклор та етнографія слов'янських народів. Київ, 1993.
 18. Гаврилюк Н.К. Формули-міфи про народження дітей (До ареальної характеристики на українському Поліссі і суміжних територіях) // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.
 19. Гриценко П.Ю. Этнолингвистический аспект реконструкции прасостояния диалектной лексики // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.
 20. Бабич Н.Д. Варіанти фразеологізмів буковинських говірок, зумовлені специфікою народного побуту // Структура і розвиток українських говорів на сучасному етапі. XV Республіканська діалектологічна нарада. Тези доповідей і повідомлень. Житомир, 1983.
 21. Бабич Н.Д. Народна мораль засобами діалектної фразеології // Проблеми української діалектології на сучасному етапі. Тези доповідей і повідомлень. Житомир, 1990.
 22. Романюк П.Ф. Из опыта картографирования свадебного обряда правобережного Полесья // Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.

23. Романюк П.Ф. Лексика весільного обряду Правобережного Полісся (Матеріали до "Лексичного атласу української мови") // Дослідження з української діалектології. Київ, 1991.
24. Миронюк О.М. Формули мовного етикету у північних говорах України // Проблеми української діалектології на сучасному етапі. Тези доповідей і повідомлень. Житомир, 1990.
25. Свительская В.Л. Опыт картографирования полесского погребального обряда // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
26. Аркушин Г. Повір'я мисливців Західного Полісся // Дrevляни. Збірник статей і матеріалів з історії та культури Поліського краю. Львів, 1996.
27. Євтушок О.М. Народна будівельна лексика західного Полісся. Рівне, 1990.
28. Дорошенко Л. Східнополіське традиційне будівництво у світлі номінації й народних вірувань // Український діалектологічний збірник. Київ, 1997. Кн. 3.
29. Дорошенко Л.Л. Ареалогія будівельної лексики східнополіського діалекту. Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. Київ, 1999.
30. Николаєнко І. Номінація полотна в українських східнослов'янських говірках // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Донецьк, 2000. Вип. 6.
31. Николаєнко І.О. Структура й ареальна характеристика лексики традиційного ткацтва в українських східнослов'янських говірках. Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. Запоріжжя, 2000.
32. Турчин Е.Д. Лексика питання в українських восточнополесских говорах. Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. Київ, 1990.
33. Гримашевич Г. Український національний одяг як елемент матеріальної і духовної культури українського народу // Міцна родина – міцна Україна. Матеріали науково-практичної конференції. Київ, 1994.
34. Гримашевич Г. Етнолінгвістичний аспект дослідження номінації одягу та взуття у говірках Середнього Полісся // Етнолінгвістичні студії. 1. Житомир, 2007.
35. Никончук М., Никончук О., Добролюжа Г., Гримашевич Г. Назви одягу та взуття правобережного Полісся. Житомир, 1998.
36. Пономар Л. Західнополіський традиційний одяг в обрядах та віруваннях // Загароддзе–2. Матеріали науково-кращознаучай канферэнццї "Палессе – скрыжаванне культур і часу". Мінск, 2000.
37. Ястремська Т. Пастуший календарний цикл: назви та його позначення в гуцульських говірках // Гуцульські говірки. Лінгвістичні та етнолінгвістичні дослідження. Львів, 2000.
38. Ястремська Т. Акціональний і номінативний аспекти пастушого обряду // Діалектологічні студії. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
39. Поістогова М. Із спостережень над східнополіськими фітономами. Клевання // Волинь–Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 2005. Вип. 14.
40. Романюк П. Поліське весілля: обряд і лексика // Полісся: мова, культура, історія. Київ, 1996.
41. Романюк П. Піч у поліському весільному обряді // Волинь–Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 1997. Вип. 1.
42. Бігусяк М. До полісько-гуцульських паралелей у галузі весільної лексики // Полісся: мова, культура, історія. Київ, 1996.
43. Бігусяк М. Із спостережень над весільною лексикою гуцульського говору // Гуцульські говірки. Лінгвістичні та етнолінгвістичні дослідження. Львів, 2000.
44. Дроботенко В. Назви осіб – учасників весільного обряду в східнослов'янських говірках // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Донецьк, 1998. Вип. 4.
45. Дроботенко В. Ареальна характеристика назв осіб – учасників весільного обряду // Волинь–Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 2001. Вип. 6.
46. Магрицька І. З лексики весільного обряду: назви молодих у східнослов'янських говірках // Волинь–Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 2001. Вип. 6.
47. Магрицька І. Семантична структура і культурна мотивація весільних фразеологізмів у східнослов'янських говірках // Діалектологічні студії. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
48. Бігусяк М. З лексики родильного обряду у гуцульських говірках // Український діалектологічний збірник. Київ, 1997. Кн. 3.

49. *Дроботенко В.* Функціонування лексем на позначення окремих елементів родильного обряду на Донеччині // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Донецьк, 1999. Вип. 5.
50. *Дроботенко В.* Ареальне варіювання лексики родильного обряду на Донеччині // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Донецьк, 2000. Вип. 6.
51. *Конобродська В.* Семантика нічного пильнування біля померлого у тексті поліського поховального обряду // Волинь–Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 2002. Вип. 8.
52. *Конобродська В.* Курсова і дипломна роботи з етнолінгвістики. Навчальний посібник. Житомир, 2003.
53. *Конобродська В.* Граматичні особливості обрядової номінації та їх культурно-міфологічна зумовленість // Волинь–Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир, 2005. Вип. 13.
54. *Конобродська В.* Поліський поховальний і поминальні обряди. Етнолінгвістичні студії. Житомир, 2007. Т. 1.
55. *Аркушин Г.* Волочебне на Західному Поліссі // Велике льдо. Збірник статей, присвячений 60-річчю доктора філологічних наук, професора Миколи Васильовича Никончука. Житомир, 1997.
56. *Хобзей Н.* Лексика календарної обрядовості в українських говірках Марамоуцини і Сучавщини на тлі гуцульських говірок // *Rozprawy slawistyczne*. Т. 19. *Z dialektologii słowińskiej*. Lublin, 2002.
57. *Глуховцева К.* Посестринство та його номінація в українських східнослов'янських і східноєвропейських говірках // Діалектологічні студії. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
58. *Помінчук Т.* Традиційні календарні зимові обряди поліського села Словечно та їх номінація // Етнолінгвістичні студії. 1. Житомир, 2007.
59. *Шарана М.* Поліський обрядовий комплекс Зелених свят та його номінація // Етнолінгвістичні студії. 1. Житомир, 2007.
60. *Хобзей Н.* Між світом та антисвітом: чоловік, що може перемітуватися на вовка // Гуцульські говірки. Лінгвістичні та етнолінгвістичні дослідження. Львів, 2000.
61. *Хобзей Н.* Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
62. *Хобзей Н.* Мова як джерело пізнання духовного світу народу (міфологічна лексика в українських говірках карпатського ареалу) // Мовознавство. Доповіді та повідомлення на IV Міжнародному конгресі українців. Київ, 2002.
63. *Гриценко П.Ю.* До проблеми лінгвістичного опису українського демонімікону // Хобзей Н. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
64. *Скрильнікова Л.* Поліська демонологія та її номінація в говірці села Старі Велідники // Етнолінгвістичні студії. 1. Житомир, 2007.
65. *Могила О.А.* Назви вихору в українських говорах // Українська діалектна лексика. Київ, 1987.
66. *Могила О.А.* Метеорологічна лексика українських говорів: склад і поширення. Київ, 2007.
67. *Миронюк О.М.* Норми поведінки і мовний етикет // Культура слова. Київ, 1996. Вип. 46–47.
68. *Богдан С.К.* Мовний етикет українців: традиції і сучасність. Київ, 1998.
69. *Богдан С.* Стереотипи мовної поведінки сучасної волинської молоді: типологія звертань // Науковий вісник ВДУ. Філологічні науки. Луцьк, 2000. Вип. 6.
70. *Богдан С.* Мовний етикет села як мовноповедінкова модель (на матеріалі надбузької говірки) // Українські і польські говірки пограниччя. Люблін; Луцьк, 2001.
71. *Богдан С.* Стереотипи мовноетикетної поведінки волинян і поліщуків: побажання // Діалектологічні студії. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
72. *Біленька Н.* Вербальна реалізація норм народної етики та звичаєвого права у говірках Середнього Полісся // Етнолінгвістичні студії. 1. Житомир, 2007.
73. *Мойсієнко В.М.* Про дохристиянські божества та символічно-магічні кліше в поліських замовляннях // Народна творчість та етнографія. 1992. № 2.
74. *Мойсієнко В.* Із поліської народної медичної термінології // Полісся: мова, культура, історія. Київ, 1996.
75. *Мойсієнко В.* Міфологізація уявлення “хвороби – прояв злих духів” у поліських віруваннях // Загароддзе–2. Матеріялы навукова-краязнаічай канферэнцыі “Палессе – скрыжаванне культур і часу”. Мінск, 2000.
76. *Мойсієнко В.* Золотник – поліський варіант ангела-хранителя // Діалектологічні студії. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
77. *Конобродська В.* Рудименти магії речей померлого у поліському поховальному

- обряді // Полісся: мова, культура, історія. Київ, 1996.
78. *Никончук М.В., Никончук О.М., Мойсієнко В.М.* Поліська лексика народної медицини та лікувальної магії. Житомир, 2001.
 79. *Жуйкова М.* Номинация смерти и архаическое мышление // *Etnolingwistyka*. Lublin, 1998. Т. 9–10. Problemy języka i kultury.
 80. *Жуйкова М.* Еволюція іменного кореня пуст- за даними говірок // *Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації українців*. Мовознавство. Чернівці, 2003.
 81. *Жуйкова М.* Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов: Монографія. Луцьк, 2007.
 82. *Олійник М.* Фразеологізми зі значенням 'лідарювати' в гуцульських говірках // *Волинь-Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем*. Житомир, 2001. Вип. 6.
 83. *Олійник М.* Етнокультурна конотація фразеологізмів гуцульських говірок і способи їх реалізації // *Діалектологічні студії*. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
 84. *Данилюк Н.* Номінація сучасної української мови з культурно-національним змістом // *Мовознавство. Доповіді та повідомлення на IV Міжнародному конгресі українців*. Київ, 2002.
 85. *Ужченко В.Д.* Східноукраїнська фразеологія. Луганськ, 2003.
 86. *Скаб М.* Лексеми *душа* і *серце* як виразники української ментальності // *Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації українців*. Мовознавство. Чернівці, 2003.
 87. *Аркушин Г.* Діалектна назва: мотивація, культурологічний аспект // *Етнолінгвістичні студії*. 1. Житомир, 2007.
 88. *Цимбал Н.* Етнолінгвістичний аспект вивчення лексичної мотивації в українському діалектному мовленні // *Етнолінгвістичні студії*. 1. Житомир, 2007.
 89. *Доброльожа Г.* Із спостереження над етнонімами як складовими української поліської фразеології // *Етнолінгвістичні студії*. 1. Житомир, 2007.
 90. *Гриценко П.Ю.* Модулювання системи діалектної лексики. Київ, 1984.
 91. *Конобродська В.* Етнолінгвістичний і лінгвістичний аспекти дослідження діалектної лексики // *Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації українців*. Мовознавство: Збірник наукових статей. Чернівці, 2003.
 92. *Конобродська В.* Мовні засоби градації вираження понять в обрядовому тексті // *Język ukraiński: współczesność–historia*. Українська мова: сучасність–історія / Red. F. Czyżewski, P. Hrycenko. Lublin, 2003. Т. 4.
 93. *Конобродська В.* Опозитивність і антонімія у структурі обрядового тексту // *Діалектна лексика: лексикологічний, лексикографічний та лінгвогеографічний аспекти*. Глухів, 2005.
 94. *Конобродська В.* Поняття семантики в культурному контексті // *Етнолінгвістичні студії*. 1. Житомир, 2007.
 95. *Конобродська В.* Поліський ареал як об'єкт етнолінгвістичного опису // *Поліські зворини: Збірник пам'яті професора Миколи Васильовича Никончука*. Житомир, 2007.
 96. *Тищенко О.В.* Обрядова семантика у слов'янському мовному просторі. Київ, 2000.
 97. *Тищенко О.В.* Теоретико-концептуальні засади слов'янської етнолінгвістики // *Слов'янський вісник: Збірник наукових праць*. Сер. Філологічні науки. Рівне, 2003. Вип. 3.
 98. *Тищенко О.В.* Специфіка обрядової та номінативної категоризації етноконцептів *прямий/кривий, пустий/повний* // *Слов'янський вісник: Збірник наукових праць*. Сер. Філологічні науки. Рівне, 2004. Вип. 5.
 99. *Кононенко В.І.* Символи української мови. Івано-Франківськ, 1996.
 100. *Кононенко В.І.* Мова і народна культура // *Мовознавство*. 2001. № 3.
 101. *Кононенко В.І.* Концепти в етнолінгвістичному аспекті // *Етнолінгвістичні студії*. 1. Житомир, 2007.
 102. *Голянич М.І.* Внутрішня форма слова і художній текст. Коломия, 1997.
 103. *Сімович О.* Поетична символіка української народної творчості: лінгвістичний аспект. Львів, 1999.
 104. *Сімович О.* До проблеми укладання словника вербальних символів. Матеріали до словника вербальних символів // *Діалектологічні студії*. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
 105. *Жайворонок В.В.* Українська етнолінгвістика: деякі аспекти досліджень // *Мовознавство*. 2001. № 5.
 106. *Жайворонок В.В.* Міфологія і мовний світ народу в інтерпретації О.О. Потебні // *Наукова спадщина О.О. Потебні в контексті сучасності. Четвертий міжнародний конгрес українців 26–29 серпня 1999 р.* Київ, 2002.

107. *Голик Р.* Від мови до ментальності: проблеми створення словника категорій української досекулярної і традиційної культури // Діалектологічні студії. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
108. *Бартицький Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
109. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
110. *Гриценко П.Ю.* Етнолінгвістика // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2004.
111. Говірки чорнобильської зони. Тексти / Упоряд. П.Ю. Гриценко, О.А. Малахівська, Н.П. Прилипка та інші. Київ, 1996.
112. *Конобродська В.* Номінація поліського поховального обряду // Український діалектологічний збірник. Кн. 3. Пам'яті Тетяни Назарової. Київ, 1997.
113. *Конобродська В.* Поліські повір'я, легенди, перекази про "ходячих" мерців та запобіжні заходи проти їх "ходіння" // Діалектологічні студії. 2. Мова і культура. Львів, 2003.
114. Говірка села Машеве Чорнобильського району. Частина перша / Укл. Ю.І. Бідношя, Л.В. Дика. Київ, 2003.
115. Говірка села Машеве Чорнобильського району. Частина друга / Укл. Г.В. Воронич, Л.А. Москаленко, Л.Г. Пономар. Київ, 2003.
116. Старобільщина: Матеріали фольклорно-діалектологічних експедицій. Луганськ, 2000.
117. *Бріцина О., Головаха І.* Прозовий фольклор села Плоске на Чернігівщині: Тексти та розвідки. Київ, 2004.
118. Буковинські говірки: хрестоматія діалектних текстів / Укл. Н. Руснак, Н. Гуйванюк, В. Бузинська. Чернівці, 2006.
119. *Аркушин Г.* Голоси з Підляшшя (Тексти). Луцьк, 2007.
120. *Артюх Л.Ф.* Ареальна характеристика поминального хліба на українському Поліссі // Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994.
121. *Конобродська В.* Просторова варіантність поліського поховального обряду та його номінації // Język i kultura na pograniczu polsko-ukraińsko-białoruskim / Red. Feliks Czyżewski. Lublin, 2001. Т. 3.
122. *Пономар Л.* Назви одягу Західного Полісся. Київ, 1997.
123. *Глуховцева К.* Лінгвістичний атлас лексики народного побуту українських східно-слобожанських говірок. Луганськ, 2003.
124. *Омельковець Р.* Атлас західнополіських назв лікарських рослин. Луцьк, 2003.
125. *Куриленко В.М.* Атлас лексики тваринництва у поліських діалектах. Глухів, 2004.
126. *Гриценко П.Ю.* Етнографічні словники у контексті сучасної культури // *Шевченко С.* Українська народна тканина. Київ, 1999.
127. *Пошивайло О.* Ілюстрований словник народної гончарської термінології Лівобережної України. Гетьманщина. Опішне, 1993.
128. *Матейко К.* Український народний одяг. Етнографічний словник. Київ, 1996.
129. *Дроботенко В.Ю., Омельченко З.Л.* Словник рідинної обрядової лексики східноstepових українських говірок // Лінгвістичні студії. Збірник наукових праць. Донецьк, 1996. Вип. 2.
130. *Шевченко С.* Народна деревообробка в Україні. Словник народної термінології. Київ, 1997.
131. *Шевченко С.* Українська народна тканина. Київ, 1999.
132. *Гримашевич Г.* Словник назв одягу та взуття середньополіських та суміжних з ними говірок. Житомир, 2002.
133. *Добролюба Г.* Красне слово – як золотий ключ. Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій. Житомир, 2003.
134. *Аркушин Г.* Сказав, як два зв'язав. Народні вислови та загадки із Західного Полісся і західної частини Волині. Люблін; Луцьк, 2003.
135. *Аркушин Г.* Словник евфемізмів, уживаних у говірках та молодіжному жаргоні Західного Полісся і західної частини Волині. Луцьк; Люблін, 2005.
136. *Войтович В.* Українська міфологія. Київ, 2005.
137. Словник символів культури України / За загальною редакцією В.П. Коцура, О.І. Потапенка, М.К. Дмитренко, В.В. Куйбіди. Київ, 2005.
138. *Жайворонок В.В.* Знаки української етнології. Словник-довідник. Київ, 2006.
139. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1; М., 1999. Т. 2. М., 2004. Т. 3.
140. Słownik stereotypów i symboli ludowych / Koncepcja całości i redakcja J. Bartmiński. Т. 1. Z. 1. Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie. Lublin, 1996; Т. 1. Z. 2. Kosmos: ziemia, woda, podziemie. Lublin, 1999.
141. Етнолінгвістичні студії. 1. Збірник наукових праць. Житомир, 2007.

ПЕРВЫЕ “СЛАВЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ” В ИЗМАЙЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

23–26 апреля 2007 г. в Измаиле – центре многонационального региона украинского Подунавья – состоялась Международная научная конференция “Славянские чтения”. Она была организована кафедрой зарубежной литературы Измаильского государственного гуманитарного университета (ИГГУ). В ней приняли участие ученые из Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАНУ, Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Института славяноведения РАН, а также вузов Украины, России, Венгрии, Германии и Болгарии.

С приветственным словом выступил ректор ИГГУ проф. *А.М. Лебеденко*. Он подчеркнул закономерность проведения “Славянских чтений” на бессарабской земле, известной своим богатым и значимым для славянских народов историческим прошлым. А проректор по научной работе и международным связям доцент *Т.А. Савоськина* отметила, что конференция проходит в преддверии Дня славянской письменности и культуры. Цель первых “Славянских чтений” в Измаильском университете – способствовать сохранению культурного наследия, у истоков которого стояли просветители Кирилл и Мефодий.

Первым на пленарном заседании выступил *С.А. Фомичев* (Санкт-Петербург) с докладом, посвященным проблеме исторических источников “Слова о полку Игореве”. Ученый высказал предположение, что вслед за летописной версией события князь Игорь Святославич зака-

зал сказителю записать особый рассказ о походе, адресованный местным жителям. Упрочить пошатнувшуюся власть над подданными князю было необходимо, ибо в сражении с половцами погибли не только его дружина, но и все ополчение, доверенное ему народным вече. Автор “Слова” в процессе творчества осмыслил военную катастрофу (при всем сочувствии к Игорю) с позиций общерусских патриотических чаяний. Обратившись к поэтической образности “Слова”, докладчик особое внимание уделил свадебной символике, которая олицетворяет нерушимую связь (обручение) Игоря с Землей Русской. По мнению *С.А. Фомичева*, автор “Слова” – в духе народного восприятия – подчеркнул хранительную роль женщины, по-своему освященную в концовке произведения образом Богородицы.

В докладе «Взятие Измаила, “Потемкинский праздник” и дерзания Г.Р. Державина» *В.А. Кошелев* (Новгород Великий) акцентировал свое внимание на том, что поэт исполнил очень сложную задачу – представить в привычных одических формулах не традиционное восхваление властей имущих, а широкоую и “слитную” панораму “золотого века Екатерины Великой”. Он полагает, что Г.Р. Державин, используя классицистическую поэтику, выполнил “социальный заказ”, но при этом “выломился” из рамок заурядного описания, воссоздав целостную картину своего времени, не отступив от правды жизни. Что и создало тот эффект, кото-

рый обыкновенно считается новаторским достижением уже следующих литературных эпох – эффект представления “типических характеров в типических обстоятельствах”.

Профессор *Т. Бароти* (Сегед, Венгрия) прочитал доклад «“Внутренний человек” в оценочной системе А.С. Пушкина». В центре внимания исследователя – этическая позиция Пушкина, осмысливаемая в соответствии с концепцией “внутреннего человека”. Выделив в качестве определяющей категории оценочной системы поэта духовное начало, Бароти предложил оригинальную типологию художественной парадигмы его творчества.

В сообщении *Н.В. Сподарец* (Одесса) “Поэтический мотив как коррелят отношений автора, текста и читателя” обосновывалась гипотеза, что функциональные возможности мотива как структурно-смысловой единицы поэтического мира позволяют обеспечить продуктивность эстетической коммуникации в системе отношений “Автор – Текст – Читатель”.

В докладе *Р.Ю. Данилевского* (Санкт-Петербург) анализировались концепции личности в творчестве А.С. Пушкина и И.В. Гете. Докладчик отметил, что создание образа героя у Пушкина и Гете всегда было связано с нравственными проблемами. При этом немецкий писатель с годами все более склонялся к тому, чтобы рассматривать человека как часть Природы и даже Космоса. Пушкин же подчеркивал в человеке прежде всего его конкретные национально-исторические черты. В дальнейшем национальные литературы, взаимно обогащая друг друга, развивали взгляды двух художников, формируя немецкий (более философский и символический) и русский (более социально-конкретный и нравственно окрашенный) вариант литературной концепции человека.

Выступление *М.Г. Соколянского* (Любек) было посвящено пятидесятилетию выходящего в Лодзи (Польша) издания – “Zagadnienia Rodzajow Literackich” (“Проблемы литературных жанров”). Докладчик познакомил аудиторию с историей создания журнала и его основными тематическими направлениями. Осо-

бое внимание ученый уделил интересу издания к славянским литературам.

Л.А. Орехова (Симферополь) в докладе «К вопросу о прототипах в романе И.С. Шмелева “Солнце мертвых”» сделала попытку комментирования (с использованием архивного материала) одного из эпизодов романа, акцентируя внимание на его фактографичности, что породило ее вывод о необходимости дальнейшего документально-исторического изучения текста.

Дальнейшая работа конференции проводилась по секциям: “Российская литература в контексте культуры”, “Теоретические и компаративистские аспекты современной славистики”, “Духовное пространство украинской литературы”, “Лингвокогнитивный и культурологический аспекты дискурса”, “Этнокультурные процессы в украинском Подунавье”.

А.Л. Шемякин (Москва) выступил с сообщением: “В поисках прототипов. Равевские на страницах сочинений Л.Н. Толстого (география вопроса)”. Были представлены убедительные аргументы в пользу утверждения, что именно Н.Н. Равевский-третий – внук легендарного бородинского героя, погибший в августе 1876 г. в Сербии, стал прототипом образа графа Алексея Вронского в романе “Анна Каренина”.

И. Багги (Сегед, Венгрия) посвятила свое сообщение осмыслению пушкинских традиций в лирике Анны Ахматовой, уделив особое внимание анализу ее стихотворения “Царкосельская статуя”.

Ч. Шарни (Сегед, Венгрия) прочитал доклад на тему “Символика в повестях В. Распутина”, в котором с безупречной корректностью рассмотрел систему символических образов и их идейно-художественные функции в прозе писателя.

В центре внимания исследования *Н.П. Лебедеко* (Измаил) – “И.В. Гете в эстетических оценках Д. Мережковского”. Осмысливая принципы символистской критики, она проанализировала очерк Мережковского “Гете” и отметила значимость субъективной литературной критики, позволяющей постичь “гайну гения” и его творчества представителями разных эпох и разных эстетических взглядов.

Т.А. Савоськина (Измаил) в докладе «Поэтика сценического эпизода в третьей главе “Евгения Онегина”» рассмотрела художественные средства создания сценичности повествования в стихотворном романе и выявила особенности художественного мышления Пушкина, обусловившие романтический характер драматургического эпизода.

В выступлении *Л.Н. Дзиковской* (Измаил) “Концепция цвета/света в творчестве М. Волошина” исследовались принципы мифологизации цвета и света в лирике и живописи поэта.

В докладе «Утопия в поэме А.С. Пушкина “Медный всадник”» *А.Б. Перзек* (Кировоград) показал, что поэт первым в русской и мировой литературе художественно сформулировал антиутопический тип мировидения и создал уникальную для своего времени двухчастную жанровую структуру антиутопии.

В.Б. Мусий (Одесса) в докладе “О национально-консолидирующей роли мифа в славянских литературах эпохи романтизма” отметила, что космогонические мифы, мифы о культурном герое и мировом древе являются основными архетипами чешской, украинской и русской литературы эпохи романтизма.

“Модель мира в славянофильской критической рефлексии XIX века” – тема доклада *Н.М. Раковской* (Одесса). Обратившись к литературной критике XIX в., докладчица сфокусировала внимание на индивидуальном авторском мировосприятии, проявляющемся в культурных кодах, знаковых системах.

В своем выступлении «Специфика художественного мира в цикле В.Ф. Одоевского “Пестрые сказки”» *Т.Ю. Морева* (Одесса) пришла к заключению, что, совмещая вымыслы и дидактику, романтическую устремленность и бытовой материал, Одоевский предлагал учитьвать специфические особенности каждого жанра, выступая за признание их равноценными.

В.В. Орехов (Симферополь) в докладе “Французский код русско-французского литературного диалога” проследил процесс художественного переосмысления русской литературой “французского текста о России” первой половины XIX в.

на материале произведений А.С. Пушкина, Д.В. Давыдова, В.А. Соллогуба, А.И. Герцена и др.

Т.С. Шевчук (Измаил) выступила с докладом «Круговорот как принцип художественно-структурной организации “Ляменты” на смерть Леонтия Карповича» (1620 г.). С точки зрения автора, двуплановая композиция плача (“реальная” и “мистическая”) отражает трансформированные античные представления о вечном круговращении Хаоса и Космоса, введенные в панхристианский контекст.

Теме «Пушкинский текст “киевских неоклассиков”» был посвящен доклад *Г.Б. Райбедей* (Измаил), которая выявила и проследила типологические аналогии художественной парадигмы А.С. Пушкина и украинских неоклассиков.

Л.Ф. Цыганенко (Измаил) выступила с докладом об известных дворянских родах, сыгравших значительную роль в истории Бессарабии. Среди них: дворяне из молдавских родов Катарджи, Стамати, Кристи, польские – Дерожинские, Писаржевские, представители титулованных княжеских родов – греки Кантакузины и Мурузи, русские – Волконские и Святополк-Мирские, армяне Манук-беи и др.

Сообщение *В.Г. Церковной* (Измаил) было посвящено Бухарестскому миру 1812 г., имевшему огромное значение для России в связи с присоединением к ней Бессарабии. На территории Дунайских княжеств и южной Бессарабии ускорился процесс разложения феодально-крепостнических отношений, были созданы условия для перехода к новому, более прогрессивному, способу производства.

Н.А. Гончарова (Измаил) рассмотрела вопрос участия молодежи нижнего Подунавья в общественно-политической жизни России на рубеже XIX–XX вв. с особым акцентом на формах активности учащихся Измаильского, Аккерманского и Хотинского уездов.

Проблемы осуществления политики коренизации в южном регионе Украины в 20–30-е годы XX в. исследовались *А.В. Дизановой* (Измаил). В докладе раскрыты причины, содержание, результаты политики коренизации, особенности работы среди национальных меньшинств.

В докладе *Л.С. Мельниковой* (Измаил) “Историография славянской колонизации Подунавья” был дан анализ дореволюционной, советской и современной украинской историографии данной проблемы.

И.Ф. Кучерявенко (Измаил) в сообщении “Старообрядческая церковь южной Бессарабии в отечественной и зарубежной историографии” рассмотрела достижения советской и зарубежной историографии в изучении истории старообрядческой церкви, а также очертила круг перспективных вопросов, связанных с изучением духовного, культурологиче-

ского, литературного наследия старообрядческого духовенства.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги ее работы. Выступавшие отметили тематическую широту докладов и ценность многих выводов. Было принято решение проводить “Славянские чтения” в Измаильском университете с периодичностью раз в два года.

© 2008 г. *Н.П. Лебеденко, Т.А. Савоськина, А.Л. Шемякин*

Славяноведение, № 4

УКРАИНЦЫ И РУССКИЕ: БРАТЬЯ? СОСЕДИ? КОНКУРЕНТЫ? УКРАИНЦЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ, РУССКИЕ ГЛАЗАМИ УКРАИНЦЕВ. XIV–XXI века

21–22 марта 2007 г. в Институте славяноведения РАН состоялась российско-украинская научная конференция “Украинцы и русские: братья? соседи? конкуренты? Украинцы глазами русских, русские глазами украинцев. XIV–XXI вв.”. Конференция явилась первым этапом в осуществлении программы по изучению образа России и русских в украинской культуре и образа украинцев и Украины в русской культуре, проводимой в рамках совместного проекта Института славяноведения РАН и Института этнонациональных и политических исследований им. И.Ф. Кураса НАНУ.

В центре внимания участников российской-украинской научной конференции стояло изучение существовавших в общественном сознании более-менее искаженных и более-менее адекватных образов украинской и русской культуры. В связи с имагологической направленностью конференции в центре внимания докладов, выступлений и дискуссий оказались имиджи, стереотипы, предрассудки, пропагандистские клише, мифы, рас-

сматриваемые как в историческом, так и лингвистическом, культурологическом и литературоведческом аспектах. Конференция носила междисциплинарный характер: в ее работе приняли участие специалисты-историки, филологи и культурологи. Такой комплексный подход позволил более широко подойти к освещению темы и найти более точные оценки взаимного восприятия российской и украинской культурной системы.

Открыл конференцию директор Института славяноведения РАН *К.В. Никифоров*, который рассказал об основных задачах конференции и перспективах межинститутского сотрудничества по изучению взаимного восприятия русских и украинцев в разные исторические периоды.

Программа конференции была построена по проблемно-хронологическому принципу и ориентирована на освещение нескольких проблемных блоков. Первый из них был связан с изучением представлений друг о друге населения Московской Руси и украинско-белорус-

ских земель Речи Посполитой. *Н.И. Михальченко* (Ин-т политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураца НАН Украины) в своем докладе "Киевская Русь и посткиевские славянские государства: былое и настоящее" обратил внимание на проблему влияния древнерусского культурного наследия на последующее развитие восточнославянских земель. Он предложил рассматривать историю Киевской Руси как историю государства, пережившего периоды формирования, расцвета и распада. В связи с этим была поставлена под сомнение правомерность включения истории Киевской Руси в украинскую, белорусскую или российскую историческую традицию.

М.В. Дмитриев (МГУ) представил конфессиональные факторы сближения Украины и России в первой половине XVII в. Российский исследователь отметил процесс складывания в украинско-белорусском обществе представлений о двуедином православном народе.

В.В. Кривошея (Ин-т политических и этнонациональных исследований им. И.Ф. Кураца НАН Украины) в своем докладе рассмотрел эволюцию взглядов украинской старшины на "москвитов". Украинский историк подчеркнул, что культурные, социальные и политические особенности украинского казачества позволяют отнести его к общей типологической линии европейской цивилизации.

Восприятию Москвы в полемической литературе конца XVI – первой половины XVII в. был посвящен доклад *О.Б. Неменского* (ИСл РАН), избравшего в качестве основы сочинения З. Копыстенского, М. Смотрицкого и И. Вишенского. По словам исследователя, для восточнославянского общества Речи Посполитой рассматриваемый период был временем кризиса идентичностей и поиска ее новых, модифицированных форм.

С.С. Лукашова (ИСл РАН) остановилась на историографии российско-украинских взаимоотношений в период правления Петра Великого, отметив наиболее характерные для российской и украинской исторической науки и общественно-

го мнения оценки, сюжетные линии и перспективы развития.

Второй проблемный блок российско-украинской научной конференции был посвящен анализу эволюции взглядов русских на украинцев и украинцев на русских в XIX вв. О возможностях применения постколониальной теории в изучении стереотипов украинцев в русской литературе этого периода рассказала *М.А. Крисань* (ИСл РАН), представив в качестве методологической базы сочинения Э. Саида, Э. Томпсон, М. Шкандрия, А. Эткинда.

П.Н. Рудяков (Киевский национальный ун-т им. Т. Шевченко) проанализировал взгляды "австрийского" украинца Ф. Василевского (Софрон Круть) на Сербию, Турцию и Россию. Докладчик особо подчеркнул доминирование в сочинениях Василевского социального критерия в ущерб другим подходам. Тем не менее для XIX в. критерий национальной идентичности оказывался зачастую не менее важным, чем социальный.

М.В. Лескинен (ИСл РАН) остановилась на этнокультурных стереотипах в российской этнографической науке второй половины XIX в. Рассмотрев существовавшие в то время понятия "племенное своеобразие" и "нрав народа", докладчица продемонстрировала особенности этнокультурного восприятия населения украинских земель того времени.

В докладе *М.Э. Клоповой* (ИСл РАН) основное внимание было сосредоточено на анализе формирования позиции представителей российского внешнеполитического ведомства к украинскому движению Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны.

Большой блок сообщений был связан с изучением характера стереотипов в русской и украинской культуре XX в. *Е.Ю. Борисенко* (ИСл РАН) рассказала о ситуации, сложившейся в УССР в 1920-е годы в связи с проведением коренизации, в частности о возникшем противоречии между интернационалистской риторикой и повседневной практикой, когда национальная принадлежность становилась одним из условий успешной карьеры. На примере памфлетов Н. Хвильевого было показано восприятие украинской интеллигенцией русской культуры,

обусловленное происходившими в стране изменениями.

А.Л. Хорошкевич (ИСл РАН) в своем докладе обратилась к творческому наследию русского философа Г.П. Федотова (1886–1951). Отметив сложный характер его мировоззрения, сочетающего в себе принципы социально-политического подхода и христианского вероучения, она подробно остановилась на подходах Федотова к понятиям “нация” и “государство” и на оценке философом украинской культуры.

А.В. Марчуков (ИРИ РАН) проанализировал появление и утверждение в сознании партийного руководства в 1930-е годы взгляда на население СССР как на новую общность. Генезис советского проекта был рассмотрен с различных точек зрения: как продолжение интеграционных процессов, детище модернизационного рывка, результат влияния “левой” коммунистической установки на будущее слияние наций.

Доклад *В.А. Хорева* (ИСл РАН) был посвящен культурной жизни Галиции 1939–1940 гг. и положению польских писателей в украинском Львове в эти годы. Российский ученый показал влияние политики советских властей на изменение отношений между этносами в сфере культуры, особо остановившись на судьбах польских писателей, столкнувшихся с необходимостью определить свое отношение к происходившим изменениям.

В.Н. Ковалев (МГУ) обратил внимание на некоторые особенности функционирования терминов “Украина” и “Россия”, “украинцы” и “русские” в период Отечественной войны 1941–1945 гг. Докладчик сделал акцент на проблеме сохранения общерусского сознания среди населения УССР в связи с возвращением к понятию русскости в контексте практической национальной политики этого периода.

Конференцию завершили доклады, посвященные современному этапу в российско-украинских взаимоотношениях. *Е.Е. Левкиевская* (ИСл РАН) показала эволюцию этнокультурных и языковых стереотипов в русском и украинском обществах в XX в. В докладе была приведе-

на сравнительная характеристика взаимного восприятия русских и украинцев в 1920-е годы и на современном этапе. Докладчик особо остановилась при этом освещении лексемы самостоятельности в современном русском контексте.

Ю. Гладьсь (Польша) в своем докладе рассмотрела образы украинца и русского в избранных текстах польской литературы о “кресах”, начиная с 1920-х годов и кончая началом XXI в. Польская исследовательница раскрыла процесс появления полноценного украинского героя, отличного от русского и польского. В то же время докладчик подчеркнула, что образ русского был больше подвержен стереотипизации.

В.И. Мироненко (ИЕ РАН) проанализировал образ России на Украине в связи с особенностями межгосударственных российско-украинских отношений на современном этапе. Констатировав, что на Украине образ России является политико-образующим фактором, докладчик продемонстрировал различное восприятие России (образа России) в разных регионах Украины, у разных этнических и социальных групп и слоев. Отличия эти обусловлены традицией, географическим положением и глубиной экономических связей с Россией.

Доклад *Б.А. Безпалько* (Центр украинистики и белорусистики МГУ) был посвящен стереотипам в современной украинской периодической печати. Избрав в качестве основы газету “День”, он сравнил образ России и образ Украины с точки зрения их структуры, отметив более сложный характер последнего.

Каждое выступление на конференции сопровождалось интересной дискуссией. Доклады и выступления участников конференции способствовали выработке критического взгляда на стереотипы и образы в русско-украинских отношениях, формирующие взаимное недоверие в общественном мнении двух стран. Материалы конференции будут опубликованы.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “РАЗВИТИЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ ИМПЕРИЯХ”

16–17 октября 2007 г. в г. Верона (Италия) в рамках Международной комиссии по истории славистики при МКС состоялась Международная конференция “Развитие славяноведения в европейских империях”. Своей целью Комиссия ставит совместное изучение вопросов истории славистики и сравнительное исследование линий развития славяноведения в разных странах. Эти цели были достигнуты, главным образом, организацией ряда научно-тематических конференций, результаты которых отражены в соответствующих трудах [1]. После предыдущей, парижской, конференции прошло уже семь лет (2001 г.) [2], последний раз Комиссия заседала во время Съезда славистов в Любляне (2003 г.). Именно там была сформулирована тема: “Развитие славяноведения в рамках европейских империй XIX века”. Осуществить конференцию по данной теме удалось профессору университета г. Вероны и давнему члену комиссии С. Бонацца, который, будучи специалистом по истории славистики в Габсбургской империи, хорошо ориентируется как в общих, так и в конкретных вопросах, касающихся одного из ключевых ареалов развития этой науки.

С. Бонацца решил не ограничиваться только XIX в., что значительно расширило возможности сопоставительного анализа славяноведения и его направлений в условиях многонациональных империй: кроме естественного продолжения изучения истории дисциплины в традиционных европейских империях до Первой мировой войны, стало возможно по-новому фокусировать историю советского славяноведения, формулируя контекст Советского Союза как особого типа империи, тенденции которой частично удостоверяют ее преемственность от Российской империи. Свобода хронологических рамок привела к включению в анализ даже столь отдаленных государ-

ственных структур, как Византийская империя. По решению Оргкомитета конференции к участию в ней были приглашены только члены Комиссии по истории славистики при МКС; единственным исключением стали веронские молодые слависты, касающиеся в своих научных работах истории славяноведения.

Конференция отличалась высоким научным уровнем, широким диапазоном обсуждаемых тем и плодотворной творческой атмосферой. Ключевые темы: имперские и национальные традиции, наука и идеология, роль “патриархов” славяноведения, а также славистических кафедр и академий.

Выделялись в ряду докладов фигуры некоторых “патриархов”, т.е. особо авторитетных ученых, вокруг которых, на определенном этапе развития дисциплины во второй половине XIX и в начале XX в., сосредоточились научные и идеологические тенденции славяноведения той или иной страны. Общей чертой “патриархов” было сочетание научной и популяризаторской деятельности, огромной по масштабу, – часто за счет глубины и качества работ. Этим объясняется большой прижизненный авторитет некоторых фигур и их удивительно быстрое забвение сразу же после смерти.

Так, *М.А. Робинсон* (Москва) изучил изменение оценок фигуры В.И. Ламанского, “патриарха русского славяноведения”, и пришел к выводу о том, что оно является закономерным отражением состояния славистики в СССР и в постсоветской России. Интерпретации фигуры Ламанского и его “школы” в разные эпохи подвергались полярным оценкам.

Личность отца французской славистики, Луи Леже, исследовала *А. Бернар* из Collège de France (Париж). Леже, пожалуй, еще в большей степени, чем Ламанский, неравномерно делил сферу своих интересов между наукой и публицисти-

кой и написанием научно-популярных работ; его можно назвать первопроходцем в ознакомлении Франции со славянским миром. Долгое время Леже был главным консультантом в вопросах политических отношений Франции со славянскими странами. Перемены его взглядов на славянский мир в течение времени отражают и частично определяют тенденции внешней политики Франции и вполне имперскую идеологию этого государства на рубеже XIX и XX вв.

“Патриархом” иного типа представлен *Т. Левашкевичем* (Познань) варшавский славист Анджей Кухарский, деятельность которого тесно связана с кафедрой славянской филологии Варшавского университета, находившегося в Варшавской губернии Российской империи. Кухарский не выходил за пределы научной работы, а его вклад в польскую славистику весьма значителен в плане методологии.

Выдающийся словенский славист Матиас Мурко, создавший в Праге собственную школу, уже несколько лет служит предметом внимания группы чешских исследователей под руководством И. Поспишила и М. Зеленки, которые готовят к публикации собрание архивных материалов и переписки Мурко. В Вероне *М. Зеленка* (Прага) посвятил свой доклад деятельности Мурко на начальном этапе пражской славистики и проекту публикации материалов, ценных для изучения истории славистики первой половины XX в.

История кафедр и их роли, как в научных славистических исследованиях, так и влиянии на общественную жизнь и идеологию в европейских государствах стала уже традиционным направлением в изучении истории славистики. В Вероне ряд докладов был сфокусирован на вопросах развития отдельных кафедр. *Х. Шаллер* (Марбург) изучил ситуацию со славистикой в университете Познани в крайне специфический и сложный период оккупации города во время Второй мировой войны. *Б. Кунцманн-Мюллер* (Берлин), изучая эволюцию политики Семинара восточных языков Берлинского университета по отношению к славянским языкам, сосредоточилась на истории этого научного подразделения и его значении

для славянской филологии на рубеже XIX и XX вв.

Л. Матейко (Братислава) посвятил свой доклад развитию словацкого славяноведения в период распада Габсбургской империи и создания Чехословакии. Славистика в Братиславском университете формировалась в условиях культурно-политического сближения Словакии и Чехии, что определило ее “богемизацию”. Но за рамками кафедры осталась другая, исконно словацкая школа, значение которой оценивается ученым как потенциальное, но несостоявшееся ответвление национальной славистики. Обращаясь к эпохе, предшествовавшей развитию кафедр славистики, *И. Орел* (Любляна) провела обзорное исследование о вкладе лингвистов словенского происхождения в славянское языкознание конца XIX в.

Современность была предметом внимания *В. Московича* (Иерусалим), который на примере Израиля проанализировал динамику и взаимосвязь славистических исследований в России и российской диаспоре в постсоветские годы. С определенной точки зрения, Израиль, где славистическая кафедра никак по масштабам не соответствует значительной по количеству прослойке выходцев из Советского Союза и России, пример не типичный. С другой стороны, израильская славистика играет огромную научную роль: израильские слависты давно уже поставляют кадры для университетов и дипломатических миссий всего мира.

Три доклада были посвящены истории славистики на Украине. И здесь роль кафедр и научных заведений (главным образом Академии наук) подчеркивалась с разных сторон. *В.Ю. Франчук* (Киев) осветила положение славяноведения в юго-западных учебных заведениях Российской империи во второй половине XIX в., в частности роль харьковской школы, созданной И.И. Срезневским и сформировавшей таких ученых, как П.А. Лавровский, А.А. Потебня и В.И. Григорович. *Дж. Седина* (Верона) в своем остро полемическом докладе обрисовала ситуацию культурных центров в сегодняшней Украине, противопоставив вполне еще “советский” застой Академии наук, больной смесью бюрократизма

и националистической идеологии, и независимость ряда журналов и научных сообществ, не имеющих, однако, признания официальной науки.

В докладе президента Комиссии по истории славистики *Дж. Броджи Беркофф* (Милан) речь шла о малоизвестных исторических дебатах в киевских журналах и в публичных дискуссиях рубежа XIX и XX вв. Изучение этих материалов доказывает двойственность позиций киевских историков, журналов и интеллигенции, колебавшихся в своих пристрастных суждениях и оценках фигур прошлого между господствовавшими в царской России взглядами и другими, которые, возможно, предвещали современное украинское самосознание и украинистику как научную дисциплину.

Еще одна тема, подчеркнутая в разных докладах, – многонациональная основа европейских империй. Как правило, многонациональность и межнациональные отношения внутри империй в основном определяли динамику распространения или застой в изучении славистики. Славистика то развивалась в противопоставление имперским наднациональным тенденциям (антитеза Империя – Нация), то, напротив, включалась в культурную политику империи в контексте обострения и разжигания межнациональных конфликтов. Особенности развития славистических интересов в Италии проследил *С. Бонацца* (Верона). Ученый отметил на примере деятельности миланского филолога *К.О. Кастильоне* то, как в габсбургской части Италии (Ломбардо – Венето) влияние германской культуры служило импульсом для серьезного и продолжительного интереса к славянской филологии, в то время как в остальных областях Италии славянский мир оставался предметом случайных и эпизодичных увлечений. Именно контекст Габсбургской империи играл большую роль в развитии славистики в XIX в.

Впрочем, присутствие славянских народов внутри всех империй определяло ряд ключевых территориальных и культурных вопросов международного масштаба. Популяризация славянского мира на территориях Австро-Венгрии подчинялась стратегическим соображениям.

С. Алоэ (Верона) изучил ситуацию в Далмации на примере журналистской деятельности сербского писателя *Марко Цара*. В его докладе были выделены две модели: имперская политика подавления внутренних национальных движений, в частности южнославянских и итальянского, или же их противопоставление (собственно – направление хорватского движения против итальянского); политика побратимства наций с противоимперской направленностью, поддерживавшаяся *М. Царом* и определившая традиционную связь сербов и итальянцев.

Определенные культурные связи сблизили и Болгарию с Румынией в период, последующий за их освобождением от Оттоманской империи, что следует из богатого новыми и малоизвестными сведениями доклада *К. Джамбасу* (Бухарест). Эти связи значительно повысили культурный уровень молодых наций. Особый межнациональный статус Литвы “на перекрестке славянских миров” (конец XVIII – начало XIX в.) упоминался в обзоре *О. Полякова* (Вильнюс).

Два доклада затронули области, достаточно нетрадиционные для истории славистики: Швецию времен *Ивана Грозного* и Византийскую империю времен *Кирилла и Мефодия*. *У. Биргегорд* (Упсала) изучает развитие славяноведения в Швеции в XVI–XVIII вв., с особым вниманием к роли толмачей и переводных религиозных и торгово-технических книг. *Я. Малингуди* (Фесалоники) изучила культурную политику Византийской империи по отношению к славянам в IX в., проводя определенные параллели с политикой империй XIX в. и показывая, что некоторые “национальные вопросы” существовали и в государственном сознании средневековой империи. Таким образом, проблемы, традиционно связанные с кирилло-мефодиевским наследием, получили освещение в оригинальном историографическом ракурсе.

П. Карагёзов (София) посвятил свой доклад трансформациям славянского коллективизма от абсолютизма до тоталитаризма, выделив главные социологические и культурные перемены в славянском самосознании.

Веронская конференция – значительный подготовительный этап на пути к XIV Международному съезду славистов в г. Охриде. Комиссия предполагает подготовить сборник докладов и уточнить новые направления будущей работы. Наиболее перспективными направлениями дальнейшего развития станут, вероятно, следующие: история кафедр как в целом, так и в определенных аспектах; национальные и межнациональные направления развития славистики, соотношение научных и политических (идеологических) интересов; история славяноведения в странах, роль которых традиционно не воспринимается значительной в рамках данной науки, но в которых есть и были школы, отдельные исторические фигуры и специфические условия для развития славистических интересов.

При подведении итогов конференции отмечались новые тенденции в том, что

касается взаимоотношений славяноведения с идеологией. Сегодня исследования в области славяноведения, кажется, окончательно выходят из-под опеки идеологий, будь то имперская советская идеология или историческое мифотворчество новых националистических тенденций.

© 2008 г. С. Алоэ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica = Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики / Под ред. С. Бонацца и Дж. Броджи Беркофф. Roma, 1994.
2. Histoire de la slavistique: le rôle des institutions = История славистики: роль научных учреждений / Sous la direction de A. Bernard. Paris, 2003.

СЛОВАЦКОМУ ИСТОРИКУ ВЛАДИМИРУ МАТУЛЕ – 80 ЛЕТ

30 апреля 2008 г. исполняется 80 лет видному словацкому историку, доктору исторических наук, неизменному другу России Владимиру Матуле. Мы уже имели случай писать (“Славяноведение”. 1998. № 2), что он родился в селе Велки Дюр, в Южной Словакии, в интеллигентной семье. Родители привили ему любовь к русской литературе и А.С. Пушкину, о котором он написал интересную работу, еще будучи учеником гимназии. В 1948 г. В. Матула среди первых словацких студентов был направлен на учебу в Москву. Он поступил на исторический факультет МГУ, где специализировался по кафедре истории южных и западных славян. Сблизился со многими известными в будущем советскими и чехословацкими историками, сохранил добрую память о преподавателях МГУ, в том числе об академике Б.А. Рыбакове, проф. С.А. Никитине. Окончив университет в 1953 г. с красным дипломом, молодой историк вернулся на родину. Здесь он в 1953–1955 гг. работал на кафедре истории философского факультета университета им. Я.А. Коменского в Братиславе. На посту директора Словацкого национального музея в г. Мартине (1958–1963) много содействовал его развитию. Вся остальная профессиональная деятельность ученого с 1955 по 1991 гг. (с небольшими перерывами) была связана с Институтом истории САН. Здесь же он защитил в 1964 г. кандидатскую (“Идея славянской общности и Молодая Словакия. 1835–1948”), а в 1980 г. докторскую (“Славянские связи словацкого национально-освободительного движения 30–60-х гг. XIX в.”) диссертации. В 1991 г. В. Матула вышел на пенсию, но продолжает активно трудиться на благо словацкой исторической науки, тесно сотрудничая с “Матицей словацкой” в Мартине, музеем Л. Штура в Модре и другими научными учреждениями. В частности, в рамках проводимого в Словакии в 2005–2006 гг. “Года Людовита Штура” он участвовал в организации выставок, выступал с докладами на конференциях, торжественных собраниях и беседах. Часть из них опубликована в сборнике «Памятник “Года Людовита Штура 2005–2006 гг.”» (2007).

Главные научные заслуги В. Матулы, как мы уже указывали, состоят в изучении проблем словацкого национального возрождения, деятельности одного из его главных лидеров Л. Штура, словацко-славянских культурных и общественно-политических связей этого периода. Важное научное значение имели и носили новаторский характер его монография “Людовит Штур” (1956), исследования “Штур и славянство” (1956), “Людовит Штур и Россия” (1969), “Представления о славянстве и концепции славянской взаимности Я. Коллара и Л. Штура” (1978), “Концепция славянского единства и славянской взаимности в словацком национально-освободительном движении до революции 1848–1849 гг.” (1992), “Русская православная миссия и словаки” (1997) и др. Много сил вложил он в разработку новой концепции и написание разделов возглавляемой им части коллективного труда “История Словакии” (1992. Т. 2)

В. Матуле посчастливилось стать первооткрывателем больших пластов важных архивных документов. Во многом по-новому ему удалось представить деятельность Л. Штура и его эпоху благодаря находке неизданного альманаха штуровцев “Чувства благодарности молодых сынов Словакии”, опубликованного ученым в 1959 г. Многолетние исследования в российских архивах привели его к открытию уникальной межславянской переписки протоиерея русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевского, первый том которой под названием “Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского”, подготовленный к печати вместе с И.В. Чуркиной, удалось издать в 1975 г. Изучение рукописи концептуального сочинения Л. Штура “Славянство и мир будущего” привели ученого к обоснованному уточнению его да-

тировки (не 1854, а 1851 г.), что позволило объяснить некоторые психологические нюансы содержания этого во многом загадочного трактата (статьи 1990 и 2004 гг.)

За последние десять лет неутомимый исследователь издал в 1998 г. четвертый (дополнительный) том публикации корреспонденции Л. Штура, включивший в себя вновь найденные письма (к нему и от него), опубликовал ряд исследований по избранной проблематике. Вышла из печати монография «“Милый, милый Девин!” Национальные торжества штуровцев на Девине: история и традиции», при написании которой использованы неизвестные материалы архива О.М. Бодянского.

Научные исследования В. Матулы получили признание не только в Словакии, но и за рубежом. Он удостоен звания заслуженный работник САН, награжден золотой медалью Л. Штура от САН, серебряной медалью Ф. Палацкого от ЧСАН, медалью И. Сечени от Венгерской АН и пр.

Большой вклад внес В. Матула в развитие международного сотрудничества славистов. Много лет (1970–1990) он был членом Международного комитета славистов, а в 1988–1990 гг. – его вице-президентом. В 1975–1991 гг. ученый являлся зам. председателя Международной комиссии по истории славистики, выступая (вместе с В.А. Дьяковым) за активизацию историко-славистических исследований и пр. В. Матула неоднократно участвовал также с интересными докладами в VI–XI Международных конгрессах исторических наук, ряде международных конференций и форумов.

Теплая дружба всегда связывала В. Матулу с российскими коллегами. Она особенно укрепилась во время его научных стажировок в СССР в 1966–1968 и 1972–1974 гг., во время которых были задуманы и осуществлены многие совместные научные проекты. Не прервались они и после “бархатных революций” 1989 г. и распада СССР. Его статьи в русском переводе продолжают появляться в российских научных изданиях. Оставаясь искренним другом России, ученый с 2000 г. деятельно участвует в журнале “Союза русских в Словакии” – “Вместе – Spolu”, способствуя своими публикациями укреплению нынешних российско-словацких связей.

Друзья и коллеги В. Матулы из Института славяноведения РАН сердечно поздравляют его с 80-летним юбилеем и желают ему крепкого здоровья, активного долголетия, бодрости, оптимизма, дальнейших творческих достижений на ниве славяноведения.

© 2008 г. *М.Ю. Досталь*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Bendin A.Yu.</i> (Minsk). The Phenomenon of “Persistent People” as a Tolerance Problem in the North-Western Region	3
<i>Bulakhtin M.A.</i> (Perm). About the Relationships of the Political Parties in Galicia in Early XX Century	18
<i>Tchurkina I.V.</i> (Moscow). Vinko Klun – the Slovenian Correspondent of “Russkaya Beseda”	27

COMMUNICATIONS

<i>Shpirt A.M.</i> (Moscow). “The True Messiah” by Joannikiy Galyatovsky	37
<i>Sokolovskaya O.V.</i> (Moscow). Russians on Crete in the End of XIX Century	46

PUBLICATIONS

<i>Mikhutina I.V.</i> (Moscow). About the Declaration of the Soviet Socialistic Republic of Byelorussia	54
---	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Strelets M.</i> Э.С. Ярмусик. Католический Костел в Беларуси в 1945–1990 годах	82
<i>Melnikov G.P.</i> A Return of D.I. Tchizhevsky	85
<i>Antropov N.P.</i> The Main Trends of the Byelorussian Ethno-Linguistics	89
<i>Konobrodskaya V.L.</i> Ukrainian Ethno-Linguistics: Trends, Problems and Tasks	104

SCHOLARLY LIFE

<i>Lebedenko N.P., Savoskina T.A., Shemyakin A.L.</i> The First “Slavic Readings” at the Ismail State University for Humanities	115
<i>Borisenok E.Yu.</i> Ukrainians and Russians: Brothers? Neighbors? Rivals? Ukrainians Viewed by Russians, Russians Viewed by Ukrainians. XIV–XXI Centuries	118
<i>Aloe S.</i> International Conference “Slavic Studies Development in the European Empires”	121

ANNIVERSARIES

<i>Dostal M.Yu.</i> Slovak Historian Vladimir Matula – 80 Years Obituaries	125
--	-----

Сдано в набор 01.04.2008 Подписано в печать 26.05.2008 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 4,6 тыс. Уч.изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 429 экз. Зак. 279

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»

Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2009
— ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ —

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 ТОМ Российские и зарубежные газеты и журналы

2 ТОМ Книги и учебники

ПРЕС

1 ТОМ РОС
И З
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АРСМИ”